

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 8(51)/10

Scientific monthly

“Journalism. Literary Criticism Series”

Moscow
2010

ВЕСТНИК РГГУ

№ 8(51)/10

Научный журнал

Серия «Журналистика. Литературная критика»

Москва
2010

УДК070
ББК 76.01 я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Серия «Журналистика. Литературная критика»

Редакционная коллегия:

Е.Н. Басовская
О.И. Киянская
М.П. Одесский – отв. редактор
Н.В. Ростова
Д.М. Фельдман
Т.Н. Худобина-Землянских
П.Э. Шульцман

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>А.Г. Готовцева</i> К финансовой истории альманаха К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева «Полярная звезда»	9
<i>О.Л. Гайдученя</i> Н.А. Полевой: становление журналиста	25
<i>М.М. Одесская</i> С.Н. Булгаков – литературный критик. Статья о Чехове и полемика об идеалах	33
<i>Е.Л. Яворская</i> Журнал «Детство и отрочество» и его авторы С. Гехт и М. Поляновский	47
<i>М.П. Одесский, Р.С. Спивак</i> Русские газеты и «Незнакомка» Блока: убийство Гапона	65
<i>Ю.Г. Бит-Юнан</i> Рецепция творчества В.С. Гроссмана в советской журналистике 30-х гг.	76
<i>Е.Н. Басовская</i> «Шкворень» против «паблисити» (дискуссия о «чистоте языка» на страницах «Литературной газеты» в первой половине 70-х гг. XX в.) ..	92
<i>С.В. Павлова</i> Антисоветский советизм (лексема «самиздат» в современной прессе)	109
<i>Е.В. Бродская</i> Владимир Высоцкий в журналистике 2003–2008 гг.	118
<i>Е.В. Леонтьева</i> Журнал «Панч» о жизни английского общества в годы Крымской войны	125

История публицистики. Риторика

<i>Т.В. Бузина</i> «Записки из Мертвого дома» – русский народ не-богоносец	134
---	-----

<i>Е.А. Березина</i> Правовая журналистика в системе современных средств массовой информации	144
--	-----

<i>К.М. Алексанян</i> «Информационные войны» в прессе современной Армении	153
--	-----

Проблемы теории электронных СМИ

<i>В.В. Грудинская</i> Современные СМИ для детей и юношества. Тенденции развития и типологические черты	163
---	-----

<i>С.Е. Эрлих</i> Иркутский музей декабристов на страницах современных периодических изданий	175
--	-----

Публикации. Воспоминания

<i>А.Г. Готовцева, О.И. Киянская</i> К.Ф. Рылеев в журнале «Невский зритель»	183
---	-----

<i>С.В. Ерофеев</i> Телевидение и медиасреда	223
---	-----

Библиография

<i>А.С. Зайцева</i> [Рецензия на книгу: <i>Hafez K. Mythos Globalisierung: warum Medien nicht grenzenlos sind.</i> Wiesbaden: Verl. für Sozialwissenschaft, 2005. 252 s.]	233
--	-----

Хроника

VI Международная конференция «Проблемы текстологии и эдиционной практики» в Институте массмедиа РГГУ (23–25 июня 2008 г.)	241
--	-----

Международная научная конференция «Василий Гроссман на пересечении идеологии и извечных вопросов» в Италии (Турин, 19–21 февраля 2009 г.)	245
---	-----

Abstracts	248
-----------------	-----

Сведения об авторах	255
---------------------------	-----

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

<i>A. Gotovtseva</i> Concerning the financial history of the K.F. Ryleev's and A.A. Bestuzhev's almanac "The North Star"	9
<i>O. Gayduchenya</i> N.A. Polevoy: Formation of a journalist	25
<i>M. Odesskaya</i> S.N. Bulgakov as a literary critic. An article on Chekhov and polemic about ideals	33
<i>E. Yavorskaya</i> "Childhood and Adolescence" Magazine and its authors S. Geht and M. Polyanovsky	47
<i>M. Odessky, R. Spivak</i> The Russian Newspapers and Alexander Blok's Poem "The Unknown Lady": An Interpretation of Gapon's Murder	65
<i>Yu. Bit-Yunan</i> Reception of V.S. Grossman's works in Soviet Journalism of the 30s	76
<i>E. Basovskaya</i> "Shkvoren" against "publicity" (Discussion on the "purity of language" in "Literaturnaya Gazeta" in the first half of the 1970s).	92
<i>S. Pavlova</i> Antisoviet sovetism (lexeme "Samizdat" in modern press)	109
<i>E. Brodskaya</i> Vladimir Visotsky in journalism of 2003–2008	118
<i>E. Leontyeva</i> "Punch" Magazine on the life of English society in the years of the Crimean war	125

History of Publicism. Rhetoric

<i>T. Buzina</i> Fyodor Dostoevsky's "The House of the Dead" – the Russian nation as Non-Godbearer	134
--	-----

<i>E. Berezina</i> Legal journalism in the system of modern mass-media	144
---	-----

<i>K. Aleksanyan</i> “Information wars” in modern Armenian press	153
---	-----

Problems of the Theory of the Electronic Mass Media

<i>V. Grudinskaya</i> Modern mass-media for children and youth. Tendencies of development and typological features	163
--	-----

<i>S. Ehrlikh</i> Irkutsk museum of Decembrists in modern periodical editions	175
--	-----

Publications. Memoirs

<i>A. Gotovtseva, O. Kiyanskaya</i> K.F. Ryleev in the “Nevsky Zritel” magazine	183
--	-----

<i>S. Erofeev</i> Television and media-environment	223
---	-----

Books in Review

<i>A. Zaytzeva</i> [Review of the book: <i>Hafez K. Mythos Globalisierung: warum Medien nicht grenzenlos sind.</i> Wiesbaden: Verl. für Sozialwissenschaft, 2005. 252 s.] ..	233
---	-----

Actual events

VI th International conference “Problems of textology and editorial practice”. RSUH, Institute of Mass-media. 23–25 June 2008	241
International scientific conference in Italy “Vasiliy Grossman: between ideologies and eternal questions” (Turin, 19–21 February 2009)	245
Abstracts	248
General data about the authors	255

А.Г. Готовцева

К ФИНАНСОВОЙ ИСТОРИИ АЛЬМАНАХА К.Ф. РЫЛЕЕВА И А.А. БЕСТУЖЕВА «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

В статье впервые ставится вопрос об источниках финансирования третьего выпуска альманаха К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева «Полярная звезда», положившего начало коммерческой журналистике в России.

Ключевые слова: К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев, история журналистики, декабристы, декабристская литература, коммерческая журналистика.

Альманах «Полярная звезда», который К.Ф. Рылеев издавал вместе со своим другом-декабристом и литератором А.А. Бестужевым, – пожалуй, самый знаменитый русский альманах первой четверти XIX в. «Полярная звезда» издавалась раз в год, в 1823–1825 гг. вышло три выпуска альманаха.

Поскольку и Рылеев, и Бестужев были активными заговорщиками, то и альманах их много лет оценивался как издание «декабристского» толка. Такая точка зрения на альманах Рылеева и Бестужева сформировалась еще до революции и активно развивалась после нее. «Развитию у нас революционного течения... – считал, например, В.И. Семевский, – содействовали проникавшие из-за границы запрещенные сочинения, а из русских распространенное в рукописи “Горе от ума” и “Полярная звезда”, альманах, издаваемый Рылеевым и А.А. Бестужевым»¹. А М.В. Нечкина утверждала, что «Полярная звезда» «явилась органом действенной и сосредоточенной декабристской пропаганды, оказав могущественную помощь ... воспитанию революционного патриотического духа в молодом поколении <...> “Полярная Звезда” содействовала воспитанию борцов против крепостничества»².

Справедливости ради надо отметить, что о «Полярной звезде» существовали и другие исследовательские мнения. К примеру,

А.Г. Готовцева

В.И. Маслов еще в 1912 г. утверждал, что она «не являлась проводником исключительно либеральных идей». И только лишь впоследствии, «в силу трагической судьбы ее издателей», с именем их альманаха стало ассоциироваться «представление о гражданской борьбе с существующим государственным строем»³. А современный ирландский славист П. О'Мара, автор биографии Рылеева, изучив все три книжки альманаха, пришел к выводу, что «как объявляли его издатели, альманах был не более чем “карманной книжкой любителей и любительниц русской словесности”»⁴.

Сегодня уже ясно: точка зрения Маслова и О'Мары в вопросе о «Полярной звезде» гораздо ближе к истине, чем утверждения Нечкиной или Цейтлина. Миф о «Полярной звезде» – лишь часть общего биографического мифа о Рылееве. Ибо до сих пор не определено, в чем именно заключалась литературная политика тайных обществ, не доказано, что эта политика была едина. Более того, уже ясно, что в литературном процессе 20-х гг. XIX в. писатели-декабристы не составляли отдельной группы. Они разделяли разные – порой противоположные – эстетические позиции. И в «Полярной звезде» собственно «декабристских», вольнолюбивых произведений было крайне мало.

Альманах Рылеева и Бестужева положил начало другому явлению – коммерческой литературе и журналистике. Явлению, дотоле почти не известному российским литераторам и читателям⁵. И именно об этой, коммерческой, стороне издания пойдет речь ниже.

Первый же номер «Звезды» имел оглушительный читательский успех. В нем Рылеев и Бестужев предприняли попытку объединить литераторов разных эстетических воззрений: и И.А. Крылова, и А.А. Дельвига с Е.А. Баратынским, и А.Е. Измайлова, и В.К. Кюхельбекера. Кроме того, в альманахе было много писателей «второго ряда», которые не выражали четко той или иной эстетической платформы. Такая «объединительная» позиция пришлась по душе не только читателям, но и большинству литераторов и журналистов эпохи, а потому большинство журнальных откликов на «Звезду» были вполне позитивными.

Вторая книжка, вышедшая в конце 1823 г., была не менее востребована читателем. Объявление, напечатанное в журнале «Благонамеренный», гласило: «Полярной Звезды на нынешний 1824 год разошлось, менее нежели в неделю, слишком *шестьсот* экземпляров»⁶. «В три недели раскуплено оной 1500 экз.: единственный пример в русской литературе, ибо, исключая Историю Государства Российского г. Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не име-

ли подобного успеха»⁷, – сообщалось в «Литературных листках». В письме от 28 января 1824 г. Александр Бестужев делился своим успехом с князем Вяземским: «Нынешняя “Звезда” у нас разошлась в 3 недели до одного экз<емпляра>. Здесь все, даже безграмотные, читают ее – c’est la fureur!»⁸.

Несмотря, однако, на успех у читателей, вторая книжка альманаха вызвала оживленную полемику в печати, рассмотрение которой не входит в задачу данной статьи. Здесь важно другое. Обе первые книжки финансировались книгопродавцем Иваном Слениным. Такова была сложившаяся схема издания журналов и альманахов. Комиссионер-купец платил лишь редакторам, никак не поощряя авторов, предоставлявших для напечатания свои литературные труды. Так, Н.М. Карамзин за редактирование журнала «Вестник Европы» в 1802–1803 гг. получал около двух тыс. рублей в год ассигнациями⁹.

В начале 1824 г., сразу после выхода второй книжки альманаха, у Рыльева и Бестужева, очевидно, произошла размолвка со Слениным, и они решили отказаться от его услуг – и стали вынашивать поистине наполеоновские планы. «Во второй половине 1824 г. родилась у Кондратия Федоровича мысль издания альманаха на 1825 год с целью обратить предприятие литературное в коммерческое. Цель ... состояла в том, чтобы дать вознаграждение труду литературному более существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившие себя занятиям умственным. Часто их единственная награда состояла в том, что они видели свое имя, напечатанное в издаваемом журнале; сами же они, приобретая славу и известность, терпели голод и холод и существовали или от получаемого жалованья, или от собственных доходов с имений или капиталов», – вспоминал друг Рыльева Е.П. Оболенский¹⁰. «Вознаграждение за литературный труд точно было одною из основных целей издания альманаха», – подтверждает его слова М.А. Бестужев, брат издателя «Полярной звезды»¹¹.

Между тем на российском литературном Олимпе резко усиливается конкуренция: в Москве в 1823 г. начинает выходить альманах «Мнемозина», редактировавшийся В.К. Кюхельбекером и В.Ф. Одоевским. Поссорившийся с издателями «Звезды» Сленин повел переговоры с А.А. Дельвигом об издании конкурирующего издания – альманаха «Северные цветы». В письмах к Вяземскому Бестужев описывал литературную ситуацию 1824 г. и действия своих конкурентов следующим образом: «Мутят нас через

* Это успех! (фр.)

А.Г. Готовцева

Льва (Л.С. Пушкина, брата поэта. – А. Г.) с Пушкиным; перепечатывают стихи, назначенные в “Звезду” им и Козловым, научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно. Одним словом, делают из литературы какой-то толкучий рынок. Вследствие этого, однако ж, мы весьма бедны стихами». При составлении «Звезды» на 1825 г. Бестужев очень надеялся на помощь Вяземского: «Надеюсь, что Вы нас выручите теперь из беды: у Вас выходит четверогранный альманах («Мнемозина», которую планировалось выпускать четыре раза в год. – А. Г.), у нас Дельвиг и Сленгин грозятся тоже “Северными цветами” – быть банкротству, если Вы не дадите руки»¹².

По-видимому, Рылеев и Бестужев в 1824 г. действительно находились в некоторой растерянности – банкротство грозило им как финансовое, так и творческое. Растерянность эта была вполне объяснима. Во-первых, новые издания стремились отобрать у «Звезды» ее лучших авторов. А во-вторых, средства на издание альманаха требовались немалые. На бумагу для полного тиража, на печатание тиража в типографии, на изготовление оттисков виньеток и рисунков в первой трети XIX в. необходимо было около двух тысяч рублей ассигнациями¹³, что превышало годовое жалованье штабс-капитана гвардии, а именно такой чин имел Бестужев, более чем в два раза¹⁴.

У Бестужева, адъютанта герцога Александра Вюртембергского, управляющего ведомством путей сообщения, таких денег не было; он жил только на жалование. Его большая семья, состоявшая из него самого, его матери, трех сестер и четырех братьев, остро нуждалась в деньгах¹⁵. «Финансистом» «Звезды» стал Рылеев – и его деятельность на этом поприще оказалась весьма успешной.

Вопрос о том, откуда Рылееву и Бестужеву удалось достать средства на издание альманаха, в исследовательской литературе до сих пор не ставился. Между тем документы позволяют прояснить некоторые обстоятельства финансовой деятельности Рылеева в 1823–1824 гг. и предположить, откуда у него могли взяться деньги на издание «Звезды». Именно в это время, говоря теперешним языком, финансовым партнером поэта становится его дальняя родственница Екатерина Ивановна Малютина.

Судьба семьи Малютиных теснейшим образом переплетается с судьбами Рылеевых. Точную степень родства Малютиных и Рылеевых установить не удалось, однако сын Малютиной, Михаил Петрович, участник заговора декабристов, в следственных документах назван племянником Рылеева. Но даже если родство в данном слу-

чае было дальним, можно констатировать, что дружеские связи между двумя семьями были весьма тесными.

Муж Екатерины Малютиной, Петр Федорович, был известным в начале XIX в. человеком, дослужился до чина генерал-лейтенанта и несколько лет командовал гвардейским Измайловским полком. По воспоминаниям современников, он был «добрый малый, гуляка, великий друг роскоши и всяких увеселений», отличался «особенным щегольством»¹⁶.

Император Павел I покровительствовал Малютину и в воздаяние его фрунтовых заслуг подарил ему несколько деревень в Гатчинском уезде Санкт-Петербургской губернии. В 1800 г. Малютин продал одно из этих имений, деревню Батово, матери поэта, Анастасии Матвеевне. Продажа, по-видимому, была чисто номинальной: в своих письмах Анастасия Матвеевна называла Малютину «благодетелем и другом», который «дал ей кусок хлеба»¹⁷, а Батово называла «Петродаром». Малютин и впоследствии продолжал покровительствовать как матери Рылеева, так и самому поэту. В 1820 г. Петр Малютин умер.

О жене Малютина, Екатерине Ивановне, практически ничего не известно. Неизвестна ее девичья фамилия, неизвестно, при каких обстоятельствах она стала женой генерала, который был значительно старше ее. Из скудных сведений о ней можно сделать вывод о том, что это была сильная и властная женщина, по-видимому, не любившая своего супруга. Сохранились письма Малютиной Рылееву, недатированные, но – по упоминаемым в них реалиям – относящиеся к 1821–1825 гг. Из них можно сделать вывод о любовной связи поэта со вдовой «благодетеля»¹⁸.

Но документы свидетельствуют: страсть была вовсе не главной в отношениях Малютиной и Рылеева. Главной была совместная финансовая деятельность: в 1820 г., после смерти Петра Малютина, Рылеев вместе с женой генерала стал опекуном малолетних его детей. Большинство сохранившихся писем Екатерины Малютиной к Рылееву, очевидно, полностью отвечавшему за финансы семьи покойного, представляют собой просьбы о выдаче денежных сумм¹⁹.

Впоследствии, когда Рылеев был арестован, Екатерина Малютина предъявила к нему финансовые претензии. Она писала письма в различные инстанции, утверждая, что Рылеев не выполнил своих опекунских обязанностей. Малютина, как следует из ее писем, полагалась на «услужливую вежливость» Рылеева, «верила во всем ему не как опекуну, а более как доброжелательному родственнику», а он оставил ее, «бедную вдову», и детей без средств к существованию²⁰.

В результате длительного разбирательства выяснилось: еще в 1802 г. Малютин положил в Санкт-Петербургский Опекунский совет 12 тысяч рублей – для обеспечения денежного иска, предъявленного к одному из его умерших приятелей. Опекунский совет представлял собой кредитное учреждение, принимавшее на хранение деньги под проценты; собственно, проценты с этих 12 тысяч и должны были идти на покрытие долга. Вложив деньги, Малютин получил два билета Опекунского совета – свидетельства об их приеме²¹.

Согласно закону, деньги эти можно было в любое время обналичить или, как тогда говорили, «разменять»²² – что и сделал Рылеев, став опекуном детей Малютиных. В октябре 1823 г. он с согласия Малютиной забрал билеты из Опекунского совета. Малютиной было объявлено, что вместо них в Опекунский совет заложены ее собственный дом и имение Батово. Согласно документам, Рылеев и Малютина «разменяли» каждый по одному билету и получили по шесть тысяч «живых» рублей.

Впоследствии, в ходе разбирательства, выяснилось, что Рылеев просто обманул Малютину: Батово не было заложено. В обеспечение долгов Малютина в закладе оказался только собственный дом его вдовы. Батово и не могло быть заложено, поскольку «в 1823-м году <Рылеев> не имел никакого недвижимого имущества – а досталось таковое ему впоследствии уже времени по наследству после покойной его матери подполковницы А[настасии] М[ихайловны] Р[ылеевой], умершей 1824 года в июне месяце»²³. Таким образом, Рылеев оказался владельцем шести тысяч рублей.

2 июня 1824 г. умерла мать Рылеева – и перед ним открылись реальные возможности по закладу в ломбард доставшегося по наследству имущества. Уже через месяц после ее смерти Батово было заложено в тот же Опекунский совет на 24 года за 8400 рублей²⁴.

Таким образом, в конце 1823–1824 гг. Рылеев вдруг стал весьма богатым человеком. Конечно, сейчас уже невозможно установить все его «статьи расходов», однако не вызывает сомнений, что и деньги для издания альманаха были взяты из этих сумм.

В декабре 1824 г. несколько столичных периодических изданий поместили объявление о выходе очередной книжки «Полярной звезды». Правда, выход ее в свет откладывался: альманахи традиционно выходили в свет в январе, новый же выпуск «Звезды» ожидался весной. В объявлении Рылеев и Бестужев просили прощения у «почтенной публики» за это «невольное опоздание», замечая при этом: «Если она («Полярная звезда». – А. Г.) была благосклонно принята публикой как книга, а не как игрушка, то издатели надеются, что перемена срока выхода ее в свет не переменит о ней общего мнения»²⁵.

Третий номер «Звезды» вышел в свет в марте 1825 г. (цензурное разрешение от 20 марта 1825 г.). Рылееву удалось реализовать их с Бестужевым общую идею – сделать журналистику прибыльной для авторов. Всем участникам «Звезды» были выплачены гонорары по 100 рублей за лист²⁶ – вещь по тем временам практически небывалая.

Как известно, в 1826 г. Рылеев и Бестужев готовили к выпуску альманах «Звездочка», – но выходу его помешали события 14 декабря и арест обоих издателей. По-видимому, на этот раз финансовая ситуация Рылеева не была столь острой, и для получения денег на издание не нужно было заимствовать деньги у «бедной вдовы» и закладывать собственное имение.

Во-первых, альманах на 1825 г. оказался коммерчески успешным проектом. По свидетельству Оболенского, «“Полярная звезда” имела огромный успех и вознаградила издателей не только за первоначальные издержки, но и доставила им чистой прибыли от 1500 до 2000 рублей»²⁷. Во-вторых, 16 апреля 1824 г. Рылеев стал правителем дел Российско-Американской компании²⁸ – крупной коммерческой организации, занимавшейся пушным промыслом в русских колониях в Америке.

Назначение это серьезно укрепило финансовое положение издателя «Звезды». Помимо жалования – 12 тысяч рублей в год – в ноябре 1825 г. компания предоставила правителю дел кредит на сумму 3000 руб. В счет будущих доходов он приобрел в долг менее чем за полцены у одного из директоров Компании 10 акций – для того, чтобы иметь право голоса на собраниях акционеров²⁹.

Соответственно, гонорары авторам «Звездочки» – по сравнению с «Полярной звездой» на 1825 г. – планировалось увеличить. Когда Л.С. Пушкин, занимавшийся делами своего ссыльного брата, потребовал за отрывок из «Евгения Онегина», предназначавшийся для «Звездочки», по пяти рублей за строчку, Александр Бестужев сразу согласился и прибавил: «Ты промахнулся ... не потребовав за строчку по червонцу ... я бы тебе и эту цену дал, но только с условием: пропечатать нашу сделку в “Полярной звезде” (имеется в виду планируемая «Звездочка». – А. Г.) для того, чтоб знали все, с какою готовностью мы платим золотом за золотые стихи»³⁰. Отрывок этот – «Ночной разговор Татьяны с няней» – состоит из 56 строк. Следовательно, Лев Пушкин просил для своего брата гонорар в размере 280 рублей – деньги по тем временам очень большие. Александр Бестужев был готов заплатить в два раза больше – 560 рублей.

В 1826 г. Рылеев и Бестужев планировали начать издание собственного журнала – и вполне очевидно, что коммерческие проблемы с этим изданием у них вряд ли бы возникли.

Коммерческая история «Полярной звезды» позволяет по-новому взглянуть на дела и личность Рылеева. Основная канва его жизни хорошо изучена. Сын небогатого дворянина, сподвижника А.В. Суворова, отставного подполковника Ф.А. Рылеева, он родился 18 сентября 1795 г. До 1814 г. учился в 1-м кадетском корпусе, где и начал писать стихи, в 1814–1818 гг. служил в армии. Выйдя в отставку, он женился, с 1820 г. жил в Петербурге, служил заседателем Петербургской уголовной палаты, публиковался в лучших столичных журналах, издавал «Полярную звезду», приобрел литературную славу, был правителем дел Российско-Американской компании.

Параллельно с этой легальной деятельностью развивалась и его деятельность конспиративная. В 1823 г. И.И. Пущин принимает Рылеева в тайное общество, в котором поэт быстро становится одним из лидеров. Он активно участвует в подготовке восстания на Сенатской площади; через несколько часов после событий его арестовывают. После семимесячного следствия и суда тридцатилетний поэт казнен на кронверке Петропавловской крепости (13 июля 1826 г.).

Яркий, неординарный, наделенный многочисленными талантами человек, Рылеев и делами, и стихами сильно повлиял на литературный процесс 20-х гг. XIX в. Кажется, никто из серьезных исследователей не берется оспаривать этот факт. В историографии ему повезло гораздо больше, чем кому бы то ни было из декабристов: он – герой множества статей и нескольких специальных монографий.

«Нельзя... отделаться от некоторого странного чувства, когда, читая стихи Рылеева, думаешь о том, что ожидало его и его товарищей», – утверждал Н.А. Котляревский, один из первых биографов Рылеева³¹. Это странное чувство, конечно, преследовало и преследует всякого, кто берется писать о казненном поэте. Это чувство воодушевляло и вспоминавших поэта его друзей-единомышленников. В 1827 г. В.К. Кюхельбекер, находясь в заточении, написал стихотворение «Тень Рылеева». В уста своего погибшего товарища он вложил следующие слова:

Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью!³²

Такого же рода и знаменитое «Воспоминание о Рылееве» Н.А. Бестужева. Это мемуарное произведение, написанное в 1830-е гг., было опубликовано А.И. Герценом в 1861 г. в Лондоне. Согласно Бестужеву, «все действия жизни Рылеева ознаменованы были печатью любви к отечеству; она проявлялась в разных видах: сперва сыновнею привязанностью к родине, потом негодованием к злоупотреблениям и, наконец, развернулась совершенно в желании ему свободы»³³. Бестужев подчеркивал, что важнейшим качеством характера Рылеева была жертвенность. Рылеев был убежден не только в необходимости собственных действий, но и «в будущей гибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России»³⁴.

Со страниц бестужевских воспоминаний Рылеев предстает гармонической личностью, пылким идеалистом, ни о чем другом, кроме любви к отечеству, никогда не помышлявшим: «Мысль о перемене в отечестве не оставляла его ни на минуту, не давала ему покоя ни днем, ни ночью», «единственная мысль, постоянная его идея была пробудить в душах соотечественников чувствования любви к отечеству, зажечь желание свободы»³⁵.

Бестужевский подход к личности и творчеству Рылеева был закреплён авторитетом А.И. Герцена и Н.П. Огарева. По мнению Герцена, «серьезный стих Рылеева» «ударял, словно колокол на первой неделе поста, и звал на бой и гибель, как зовут на пир...»³⁶ По мнению же Огарева, Рылеев «стремился высказать в своих поэтических произведениях чувства правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию»³⁷.

Подобные рассуждения ущербны, легендарны – и эта истина уже давно усвоена наукой. Еще в 1930 г. студентка педагогического факультета Иркутского университета Августа Авербух написала статью под примечательным названием «Образ Рылеева в легендарно-поэтической традиции»³⁸. Исследовательница рассуждала о «фиктивной биографии» Рылеева, о том, каким образом эта биография обростала новыми фактами и подробностями – уже после его собственной гибели. «После смерти поэта они (произведения Рылеева. – А. Г.) зазвучали по-новому, приобрели новый смысл и значение; они наполняются той кровью, которая была пролита на эшафоте, и становятся действенными и животворящими. Они питают легенду», – писала Авербух³⁹.

Похожие утверждения можно найти и в более поздних исследованиях. Так, составитель единственного на сегодняшний день Полного собрания сочинений Рылеева А.Г. Цейтлин считал, что «вся жизнь Рылеева послужила материалом для либеральной легенды о нем»⁴⁰. В.Г. Базанов и А.В. Архипова считали, что обаяние

А.Г. Готовцева

личности Рылеева, «революционера, погибшего за свои убеждения, так велико, что для многих оно как бы заслонило эстетическое своеобразие его творчества»⁴¹.

Сразу после казни декабристов начал складываться миф о Р[ылееве]: трагический финал отбросил отблеск на всю предыдущую жизнь, на существовавшие в постоянном взаимодействии поэтическое творчество и житейскую биографию, отчетливо высветив его путь – от сатиры «К временщику» через предчувствия «Войнаровского» и «Наливайки» к Сенатской площади и кронверку Петропавловской крепости,

справедливо считает С.А. Фомичев, автор новейшей биографии поэта-декабриста⁴².

Однако осознание этой легенды никоим образом не препятствовало и не препятствует все новому и новому ее воспроизведению – настолько в данном случае велика сила традиции. Если дореволюционные ученые отмечали готовность Рылеева «пасть в борьбе за свободу родины», его «общий рыцарский характер» «как деятеля и человека»⁴³, то советским историкам и филологам импонировал «гражданский, революционный пафос» поэзии Рылеева. И Цейтлин, и Базанов, и другие исследователи убеждали друг друга в том, что поэзия Рылеева находилась в тесной связи «с прямыми интересами общественного развития»⁴⁴, а сам «поэт-гражданин» «действовал на своих читателей прежде всего тем, что все его творчество без остатка посвящено горячо любимой родине»⁴⁵. Главное, что роднило Рылеева с его советскими исследователями и почитателями, заключалось, по-видимому, в том, что «он был... партийный литератор»⁴⁶.

Между тем трагическую гибель Рылеева вряд ли следует соотносить с его стихами, вряд ли стоит видеть в этих стихах пророчество. Трудно поверить, что поэт в реальной своей жизни не думал ни о чем другом, кроме счастья родины, заранее знал о своей казни и, более того, страстно желал ее. Ни один из документов не дает возможности подозревать в Рылееве суицидальные наклонности. Кроме того, как и любой другой человек, Рылеев был многогранен: он был мужем и отцом, другом и любовником, он служил, занимался издательской и журналистской деятельностью, писал не только гражданские, но – по преимуществу – и любовные стихи.

Комментируя его письма, ирландский исследователь П. О'Мара отмечал: «Как в жизни, так и в письмах его (Рылеева. – А. Г.) возвышенные чувства обычно смешивались с грубоватым прагма-

тизмом, что приводило к весьма странным, а часто и смехотворным результатам»⁴⁷. Исследователь прав: письма Рылеева к близким родственникам представляют собою сочетание совершенно разнородных чувств и мыслей. Причем разнородность эта столь велика, что заставляла и заставляет подозревать автора писем в неискренности.

Так, в письме отцу от 7 декабря 1812 г. семнадцатилетний Рылеев делится своими мыслями о будущей жизни в свете, и в этих рассуждениях вполне виден будущий служитель муз:

Устрашенное мое воображение и рассудок мой с трепетом гласят мне: «Заблужденный молодой человек! разве ты не видишь, чего желаешь с таким безмерием. Ты стремишься в свет – но посмотри, там гибель ожидает тебя. Посмотри, там бездны изрыты на каждом шагу твоим, берегись низринуться в них. – Безрассудный! в свете каждая минута твоя будет отравляема горьким страхом, и ты не насладишься жизнью. Хотя бы ты проходил свет ощупью, но не избежишь несчастья – скрытые сети вовлекут тебя в оные, и ты погибнешь». Так говорит мне ум, но сердце, вечно с ним соперничающее, учит меня противоположному: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». – Тут я восклицаю: «Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О! я повинуюсь сердцу»⁴⁸.

Дальше можно прочесть и об отношении будущего заговорщика к государю и военной службе:

Обожаю я монарха нашего, потому что печется об подданных своих, как отец, обожающий чад своих, и как царя, над нами богом поставленного! – Хочу возблагодарить его; но чем же и где мне возблагодарить? Чем, как не мужеством и храбростию на поле славы [С. 430].

Но в том же письме – после восторженных рассуждений об уме, сердце, службе монарху и отечеству – идут рассуждения совсем иного свойства. Они позволяют увидеть в юном кадете не столько поэтическую натуру, сколько прагматика и будущего финансиста. Сын просит у отца «родительского благословения», а также «денег, нужных для обмундировки». Во имя будущей «храбрости на поле славы» Рылеев выставляет «виновнику бытия своего» достаточно крупный счет.

А.Г. Готовцева

Вам небезызвестно, что ужасная ныне дороговизна на все вообще вещи, почему нужны и деньги, сообразные нынешним обстоятельствам. Два мундира, сюртук, трое панталон, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шар серебряный, кивер с серебряными кишкентами, шпага или сабля, шляпа или шишак, конфедератка, тулуп и прочее требуют по крайней мере, тысячи полторы; да с собою взять рублей до пятисот, а то придется ехать ни с чем. Надеюсь, что виновник бытия моего не заставит долго дожидаться ответа и пришлет нужные деньги к маю месяцу; также прошу прислать мне при первом письме рублей 50, дабы нанять мне учителя биться на саблях [С. 431].

Из этого письма видно: «хорошенькая шинель» занимала мысли юного кадета столь же сильно, как и любовь к монарху...

Сочетание, условно говоря, высокой поэзии и жесткого прагматизма легко увидеть и в других, более поздних письмах Рылеева. Так, 6 марта 1815 г. он писал матери:

Наконец после годовой разлуки получил я от вас 5-го числа сего месяца письмо! Сколько неоцененного утешения, сколько неизъяснимого удовольствия принесло оно мне! – О дражайшая матушка! Я молю только создателя, да продлит он дни ваши и да утешит он вас в скорбях ваших! Впрочем, об деньгах теперь не забочусь – и, слава богу, я кой-что уже исправил, чему много помогло сукно, купленное мною за границей и проданное здесь весьма выгодно [С. 434].

Но особенно впечатляет тюремная переписка Рылеева с женой. С одной стороны, письма арестованного заговорщика исполнены вполне оправданного беспокойства за семью, осознания собственной вины перед женой и дочерью. «Могу ли быть покоен, когда ты и несчастная наша малютка беспрестанно пред моими глазами. Мой милый друг, я жестоко виноват пред тобой и ею: простите меня, ради Спасителя, которому я каждый день вас поручаю: признаюсь тебе откровенно, только во время молитвы и бываю я покоен за вас; Бог правосуден и милосерд, он вас не оставит, наказывая меня. Тебе должно беречь себя: ты мать», – писал он жене в марте 1826 г. [С. 506].

Но, с другой стороны, подобные чувства перемежаются в тюремных письмах Рылеева с точными денежными расчетами.

Марья Федотовна Данаурова давно имеет желание купить деревню нашу: она для нее и необходима, находясь в середине ее имений. Дядя Пелагеи Моисеевны Посников также хотел купить ее и, как

мне сказывали, еще при матушке предлагал за оную 50 000 р[ублей], но я полагаю, мой друг, что деревни с подобными удобствами и так близкой от столицы за сию цену отдать нельзя. Если же Данаурова или Посников согласятся дать 60 000 р[ублей], то отдай. Когда ж примут они на себя ломбардный долг, то придется получить 52 000 р[ублей]... Между тем не позабудь, что 2-го июля должно будет внести в Ломбард около 700 р[ублей] [С. 507].

Портному Яуцхе отдай теперь же 571 р., а 295 тогда, когда узнаешь, что Каховский не в состоянии заплатить, ибо я поручился за него. При отдаче возьми расписку... Сено продай за то, что дают [С. 509].

Акции мои лежат в бюро в верхнем ящике с левой стороны; там же крепость на деревню и другие разные документы. Узнай, когда будут раздаваться прибыли на акции и по сколько, тогда можно будет сообразить, чего они стоят. «Думы» и «Войнаровского» отдай Ивану Васильевичу Сленину на комиссию; у него еще прежних 100 экземпляров «Дум» [С. 510].

В самом последнем, предсмертном письме жене, написанном 13 июля 1826 г., за несколько часов до казни, соединение высоких чувств и прагматизма кажется и вовсе диким:

Бог и государь решили участь мою: я должен умереть, и умереть смертию позорною. Да будет его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле всемогущего, и он утешит тебя. За душу мою молись богу, Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на государя; это будет и безрассудно, и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды непостижимого?.. P.S. У меня осталось здесь 530 р[ублей]. Может быть, отдадут тебе [С. 518–519].

Конечно, прагматизм и этого, и предыдущих писем Рылеева к жене можно объяснить все тем же беспокойством за оставляемую в тяжелом финансовом положении семью. Однако стоит заметить, что финансовое положение семей многих других деятелей тайных обществ оставляли желать лучшего. Но подобные письма вряд ли можно найти у кого-то из других осужденных.

Первым, кто неприятно удивился сочетанию лирики и прагматики в письмах Рылеева и стал подозревать его в коварстве, был отец поэта. Он писал сыну 30 апреля 1813 г.:

Ах, любезный сын! сколько утешительно читать от сердца написанное, буде то сердце во всей наготе неповинности откровенно и просто изливается, говоря собственными его, а не чужими либо

А.Г. Готовцева

выученными словами! сколь же, напротив того, человек делает сам себя почти отвратительным, когда говорит о сердце и обнаруживает притом, что наполнено чужими умозаключениями, натянутыми и несвязными выражениями, и что всего гнуснее, то для того и повторяет о сердечных чувствованиях часто, что сердце его занято одними деньгами... Надобны ли они ему действительно или можно без них обойтись?..⁴⁹.

Жене же своей, матери будущего декабриста, Ф.А. Рылеев советовал преподать сыну «наставления», «дабы он, выходя на поприще света, главным поставлял себе правилом в пылких его пожеланиях иметь воздержность, а в снабжении и содержании себя умеренность – полезные как для него самого, так и для нас, родителей»⁵⁰. Комментируя содержание переписки Рылеева с отцом, П. О'Мара отмечал, что отец не без основания считал своего сына «прожигателем жизни и неудачником»⁵¹.

Отец, видевший в сыне лишь лживого лицемера, конечно же, был неправ. Лирическая и прагматическая стихии в характере Рылеева составляли, по-видимому, единое целое. Первая из них приведет его несколько лет спустя в большую литературу. Вторая же сделает Рылеева организатором коммерческой журналистики, удачливым финансистом, правителем дел Российско-Американской компании, а впоследствии – лидером тайного общества и организатором восстания 14 декабря 1825 г.

Примечания

- ¹ *Семевский В.И.* Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909. С. 223.
- ² *Нечкина М.В.* Движение декабристов: В 2 т. М.: Наука, 1955. Т. 2. С. 90. Ср.: *Цейтлин А.Г.* Творчество Рылеева. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 247; *Архипов В.А., Базанов В.Г., Левкович Я.Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 806, 883..
- ³ *Маслов В.И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912. С. 370.
- ⁴ *О'Мара П. К.* Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. М.: Прогресс, 1989. С. 223.
- ⁵ См. об этом: *Гриц Т.С., Тренин В.В., Никитин М.М.* Словесность и коммерция. М.: Аграф, 2001. С. 37–39 и др.
- ⁶ Благонамеренный. 1824. № 4. С. 77.
- ⁷ Литературные листки. 1824. № 2. С. 64.
- ⁸ Литературное наследство. М.: Наука, 1956. Т. 60. С. 213.

- 9 *Рейтблат А.И.* Литературный гонорар в России XIX – начала XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 3: Книга в контексте общественного и культурного развития. Л.: Изд-во РНБ, 1988. С. 131–132.
- 10 *Оболенский Е.П.* Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов: Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 85.
- 11 Воспоминания Бестужевых. М.: Наука, 2005. С. 241.
- 12 Литературное наследство. Т. 60. С. 223–224, 213.
- 13 Там же. Т. 16–18. М., 1934. С. 590–591.
- 14 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 43. Ч. 2. СПб. 1830. С. 89.
- 15 *Чернов С.Н.* Имущественное положение декабристов // Красный архив. 1926. № 2 (15). С. 170.
- 16 *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 т. М.: Захаров, 2003. Т. 1. С. 86. Ср.: *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Суворин, 1889. С. 114.
- 17 *Нечаев В.* Батово, усадьба Рылеева // Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1951. Т. 9. С. 195–196.
- 18 Былое. 1925. № 5 (33). С. 44.
- 19 РГАЛИ. Ф. 1423. Д. 37, 39; См. также письмо к Рылееву дочери Е.И. Малютиной // Там же. Д. 38.
- 20 РГАЛИ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 61. Л. 30.
- 21 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1348. Оп. 51. Д. 401. Л. 22об. – 23об., 26об. – 27; Ф. 1405. Оп. 24. Д. 750. Л. 19–20.
- 22 *Андрюшин С.А.* Банковская система России: особенности эволюции и концепция развития. М.: Институт экономики РАН, 1998. С. 82; ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 19. С. 651.
- 23 РГАЛИ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.
- 24 РГИА. Ф. 1348. Оп. 51. Д. 401. Л. 16об.
- 25 Литературные листки. 1824. Ч. 4. С. 180; Сын Отечества. 1824. Ч. 99. № 1. С. 111.
- 26 *Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 132.
- 27 *Оболенский Е.П.* Указ. соч. С. 85.
- 28 Российской государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 1375. Оп. 1. Д. 4. Л. 100.
- 29 РГИА. Ф. 1348. Оп. 51. Д. 401. Л. 21об; Ср.: *Косовский А.И.* Воспоминания // Литературное наследство. М.: Наука, 1954. Т. 59. Кн. 1. С. 244.
- 30 Воспоминания Бестужевых. С. 241.
- 31 *Котляревский Н.А.* Рылеев. СПб., 1908. С. 101.
- 32 *Кюхельбекер В.К.* Сочинения. Л.: Худ. лит., 1989. С. 85.
- 33 Воспоминания Бестужевых. С. 11.
- 34 Там же. С. 7.
- 35 Там же. С. 15, 25.

А.Г. Готовцева

- 36 *Герцен А.И.* Письма к будущему другу // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1959. Т. XVIII. С. 88.
- 37 *Огарев Н.П.* Предисловие к «Думам» Рылеева (1860) // Рылеев К.Ф. Думы. М.: Наука, 1975. С. 128.
- 38 *Авербух А.* Образ Рылеева в легендарно-поэтической традиции // Историко-литературные опыты / Под ред. М.К. Азадовского. Иркутск, 1930. С. 71–94.
- 39 Там же. С. 77.
- 40 *Цейтлин А.Г.* Примечание к письму К.Ф. Рылеева к жене от 13 июля 1826 г. // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934. С. 838.
- 41 *Базанов В.Г., Архипова А.В.* Творческий путь Рылеева // Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1971. С. 5, 52.
- 42 *Фомичев С.А.* Рылеев Кондратий Федорович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 410.
- 43 *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 67; *Котляревский Н.А.* Указ. соч. С. 194.
- 44 *Базанов В.Г.* К.Ф. Рылеев // Рылеев К.Ф. Стихотворения. Статьи. Докладные записки. Письма. М.: Худ. лит., 1956. С. 5, 39.
- 45 *Цейтлин А.Г.* Творчество Рылеева. С. 280–281.
- 46 *Гофман В.* Литературное дело Рылеева // Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. С. 66.
- 47 *О'Мара П.* Указ. соч. С. 56, 57.
- 48 *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. С. 428–429. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.
- 49 *Рылеев К.Ф.* Сочинения. Л.: Худ. лит., 1987. С. 268.
- 51 Там же. С. 268–269.
- 52 *О'Мара П.* Указ. соч. С. 56, 57.

О.Л. Гайдученя

Н.А. ПОЛЕВОЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТА

В статье анализируется становление литературного образа Николая Полевого, издателя, журналиста и историка XIX в., в период начала его литературной деятельности (до начала издания журнала «Московский телеграф»). Полевой состоял во множестве ученых сообществ, живо интересовался наукой и образованием, что впоследствии позволило ему войти в литературный круг обеих столиц на правах известного либерала. Первый успех иркутского самородка обеспечил положительный эффект его появлению на литературно-общественной арене.

Ключевые слова: Н.А. Полевой, самородок, успех, новичок, талант.

Биография Николая Алексеевича Полевого (1796–1846) хорошо известна: он родился в Иркутске в купеческой семье. Его отец, Алексей Евсеевич, был известным купцом, торговым и промышленным деятелем, одним из организаторов Российско-Американской компании. Помимо Николая, старшего, в семье Полевых было еще трое детей: Екатерина (в замужестве Авдеева), в будущем писательница, собирательница фольклора, автор «Записок» о Сибири; Евсений, основной деятельностью которого стала торговля; Ксенофонт, впоследствии известный критик, литератор, мемуарист, верный соратник брата Николая на литературном и журнальном поприще. Семья, несмотря на купеческое происхождение, была весьма просвещенной и культурной.

Появление Полевого в литературе совпало со временем массового увлечения так называемыми «самородками», самоучками. Кроме того, новой литературной модой после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. становится меце-

О.Л. Гайдученя

натство, поддержка юных дарований. «Привлекателен был сам образ молодого купца-самоучки, являвшего собой уникальный пример новорусского просвещения, что служило едва ли не главным стимулом для возбуждения дополнительного интереса к новому библиографическому известию из России – журналу...»¹

Очевидно, что Полевому в некоторой степени повезло: он попал именно в эту «самородковую» модную струю. Для столичной литературной богемы он был идеальным кандидатом – его можно было и похвалить, и пожурить, однако никто не ожидал, что этот сибирский самоучка наделает в обеих столицах столько шума.

Примечательно, что первые опыты Полевого в печати связаны именно с теми журналами, против которых он впоследствии будет выступать, будучи издателем собственного журнала. В 1817 г. журнал «Русский вестник» первый раз публикует сочинения «самородка» Полевого: два оригинальных стихотворения, один стихотворный перевод с французского, заметку «Отрывки из писем к другу из Курска» – о пребывании на курской земле царя Александра I. Заметка была подписана полным именем автора, что сразу же сделало ее автора городской знаменитостью. В 1819 г. в «Вестнике Европы» публикуется первая историко-филологическая статья Полевого – «Замечания на статью “Нечто о Велесе”».

Однако судить о безусловном писательском таланте молодого литератора еще рано – на первых порах он еще не умел достаточно владеть пером. Так, из ранних опытов Полевого известно его письмо некоему Н.А. Брянцеву 1820 г. Кроме стремления «писать красиво» в этом беспомощном литературном тексте нельзя обнаружить никаких признаков таланта Полевого как автора и писателя². Биограф Полевого Т.М. Маргулис отмечает: «Этот документ красноречиво свидетельствует о том, что Полевой не только не был подготовлен к литературным занятиям, но и не владел элементарными навыками письменной речи, что отразилось как на стиле и объеме его журнальных статей, так и в целом на характере его сочинений. Первые публикации Полевого в столичных литературных журналах: “Русском Вестнике”, “Вестнике Европы”, “Северном архиве” – являлись плодом редакторской работы издателей, в чем признавался, в частности, С.Н. Глинка, первый, кто обнаружил его курские корреспонденции – стихотворные и прозаические»³.

Сам Полевой писал: «...нелюбовь моя к письмам происходит главнейше от двух причин – 1-х от впечатлений детства: едва я начал писать складки, как меня заставляли писать письма и много; в юности, занимаясь коммерческими делами, я принужден бывал писать множество писем по чужим делам, и не приносящие отрады ни уму, ни сердцу. – 2-х от того, что я очень говорлив. Письмо жмет

меня, заставляя коротать беседу»⁴. Современники в мемуарах часто указывали на то, что Полевой не обладал искусством рассказчика: «Он говорил презабавно нараспев, в роде речитатива, с сибирским акцентом на о, и любил вставлять в свою речь французские слова, произнося как бы они были написаны русскими буквами. Всего чаще он употреблял, кстати и не кстати, словечко “сеселон”...»⁵

В начале 1820 г. Полевой занят мечтами о филологическом образовании. Он занимается французским, латинским, греческим языками, поэзией, переводами, «всеми предметами, необходимыми для вступления в университет»⁶, куда, впрочем, поступить даже и не пытается. Кроме того, он сотрудничает в «Вестнике Европы», сближается с его редактором М.Т. Каченовским, впоследствии своим яростным литературным противником, входит в круг московских литераторов, знакомится с П.А. Вяземским, затем заводит знакомства и в Санкт-Петербурге, бывая там наездами по торговым делам.

В северной столице молодой литератор знакомится с издателем, историком, художником, действительным членом Российской академии П.П. Свиньным, который его «чрезвычайно обласкал»⁷. Полевой вспоминал:

«П.П. Свиньин встретил меня как друга, с распростертыми объятиями: он видел во мне *кулика-самоучку*», и был от меня в восторге»⁸.

Свиньин приглашает Полевого участвовать в издаваемых им «Отечественных записках», помогает ему и всячески опекает. В журнале Полевой сотрудничает в 1821–1824 гг., и его статьи и рецензии сразу же начинают «обращать на себя внимание оригинальностью взгляда, изложением и смелостью заключений»⁹. Уже в том же 1821 г. сам Полевой представлял таких же, как он, самородков через «Отечественные записки», призывая издателя не дать «погибнуть во мраке неизвестности»¹⁰.

Николай Полевой был человеком, безусловно, талантливым, незаурядного ума, обладал невероятным упрямством и похвальным тщеславием. Его работы и научные изыскания были по достоинству оценены современниками, он был членом научных и литературных сообществ, и вокруг его неоднозначной фигуры долгое время велись ожесточенные споры. Дело в том, что основной задачей литератора и критика Полевой видел свержение авторитетов, прекращение архаичного застоя, прогресс и просвещение, борьбу против «седой профессуры», прочно обосновавшейся на вершинах научных и литературных олимпов. Естественно, его за это не любили, но это не помешало росту его популярности как журналиста, литератора и историка.

О.Л. Гайдученя

В 1822 г. Российская академия наградила Полевого серебряной медалью за работу «Новый способ спряжения русских глаголов». Труд этот был написан Полевым как своеобразный ответ на статью Н.И. Греча, в которой он критиковал академическое издание «Российской грамматики». Тогда Полевой, по его собственному признанию, «выписал все глаголы из Геймова словаря, переспрягал каждый отдельно»¹¹ и составил свой «способ». Труд был представлен 9 сентября 1822 г. на заседании Российской академии ее президентом А.С. Шишковым. Медаль Полевой получил при содействии своего покровителя П.П. Свиньина.

В 1820 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности» было помещено стихотворение Полевого «Вдохновение поэта»¹², после чего он стал сотрудником этого Общества, существовавшего при Московском университете. В течение многих лет, когда Полевой активно сотрудничал в Обществе, его статьи, критическая и научная деятельность отрицательно оценивались профессорами старшего поколения, называвшими его «разбойник Полевой». Однако уже в 1829 г., когда нравы в Обществе поменялись, Полевой был единогласно избран в действительные члены. Этот факт вызвал резкое негодование всегдашнего литературного противника Полевого, С.Т. Аксакова, который после этого демонстративно ушел из Общества. «Из 12 избирателей, семеро были враги – и выбрали единогласно! Выбрали в то время, когда университет потерпел за него оскорбление. Не доказывает ли это, что личные достоинства Пол<евого> заставили молчать и злобу и ненависть? <...> Дурацкая история! Я вышел из членов. Вероятно все профессора сделают то же»¹³. Конечно, мнения разделились, и одни профессора устраивали в поддержку нового члена публичные заседания, а другие демонстративно манкировали ими.

В 1823 г. петербургские литераторы вовлекли его в «Вольное общество любителей русской словесности», где он вскоре знакомится с издателями популярных тогда альманахов «Полярная звезда» – К.Ф. Рылевым и А.А. Бестужевым и «Мнемозина» – В.К. Кюхельбекером и В.Ф. Одоевским. В «Мнемозине» Полевой печатает прозаический очерк «Спутники жизни». Интересно, что издания предоставлявшие начинающему литератору свои страницы в начале его литературного пути, впоследствии поведут с ним и его журнальным предприятием, «Московским телеграфом», ожесточенную борьбу.

Однако членство в «Вольном обществе...» оказалось для Полевого лишь формальным. За все время он не обогатил издания Общества ни одним своим произведением.

В 1824 г. Полевой реализовал свои притязания историка и стал членом Московского общества истории и древностей российских,

но и здесь не все было гладко. Его кандидатуру утвердили только спустя два месяца после представления, потому что многие авторитетные члены этого общества оказались недовольны критическим тоном одной его рецензии, опубликованной в «Северном архиве» и направленной против изданной обществом летописи. Но сам Николай Полевой считал свое членство в Обществе вполне заслуженным и заслуженной считал «почетную известность как дельный исследователь и знаток любимого им предмета»¹⁴.

Однако несмотря на членство почти во всех уважаемых научных обществах того времени, Полевой оценивался современниками в первую очередь по его литературным трудам, и оценивался очень неоднозначно. Уже с начала литературного пути начинающему литератору вменялось в вину стремление взять на себя роль литературного судьи, тогда как ни читатели, ни коллеги по цеху на него такую обязанность не возлагали.

Многие исследователи утверждают, что свои звания (кроме членства в столичных литературных обществах, он состоял действительным членом Общества любителей коммерческих знаний при Московской практической коммерческой академии и Казанского общества любителей общественной словесности) Полевой использовал, чтобы узаконить свое непрочное положение в литературе и утвердить правомерность своих претензий на роль судьи. Между тем, членство во всех этих обществах для него было лишь формальным, и он не посещал заседания и за многие годы ничего не написал для регулярных изданий этих обществ.

На первых порах начинающий литератор не был уверен в своих силах:

«... наперед ужас меня обнимает, как посмотрю на желчные лица и сонные ... глаза староверов словесности»¹⁵.

Несмотря на это, он смело заявлял о себе в первых же публикациях, чем снискал неодобрение не только «седовласых» ученых. Например, его ровесник, археолог И.М. Снегирев, который был старше Полевого всего на 3 года, записал о нем в своем дневнике 12 марта 1823 г., что Полевой – «человек с дарованиями», который, однако, «всем хочет быть известен – быть Всероссийским приятелем»¹⁶.

К резким суждениям Полевого, тем не менее, относились довольно снисходительно, приписывая пыл первых публикаций авторской неопытности. Поэтому именно издание собственного журнала было для Полевого единственным и предсказуемым вариантом его настоящего литературного старта – для реализации отчаянного стремления служить обществу и литературе. Однако сам он на начальном этапе не предполагал такого влияния на чита-

О.Л. Гайдученя

теля и успеха своего предприятия – ни коммерческого, ни литературного. Подав прошение об издании «Московского телеграфа», он вместе с братом продолжал заниматься другими литературными делами:

«Мы ... нисколько не надеялись на успех ходатайства, не готовили никаких материалов и, правду сказать, не имели настоящего понятия о том, что значит срочное издание»¹⁷.

Однако уже с первых издательских шагов, благодаря сложившимся к тому времени личным связям, Полевой смог развернуть настоящую рекламу будущего журнала: он опубликовал едва ли не во всех возможных журналах и газетах объявления о нем, а в «Сыне Отечества» и «Северном архиве» поместил довольно обширный рекламный текст. Первое же публичное извещение о выходе нового издания появилось еще в приложении к одному из октябрьских номеров «Московских ведомостей»¹⁸. Конечно, это должен был быть не обычный журнал. По задумке братьев Полевых, издание должно было являть собой энциклопедию для «сообщения отечественной публике статей, касающихся до нашей истории, географии, статистики и словесности, которые бы иностранцам показывали благословенное отечество наше в истинном его виде», а также «всего, что любопытного найдется в иностранных журналах и новейших сочинениях или что неизвестно еще на нашем языке, касательно наук, искусств, художеств вообще и словесности древних и новых народов».

Так гласило «Предположение об издании с будущего 1825 года нового повременного сочинения под названием “Московский телеграф”», направленное министру народного просвещения А.С. Шишкову¹⁹.

Исследователь Т.М. Маргулис обозначает три возможные версии истории зарождения «Московского телеграфа». Во-первых, это мог быть абсолютно самостоятельный проект братьев Полевых. Об этом свидетельствуют и мемуары Ксенофонта Полевого: «После многих планов, дум и раздумываний, в половине 1824 года, брат решился испросить позволения издавать журнал от своего имени, а сотрудником иметь одного меня»²⁰.

На это же указывал и сам Полевой в автобиографических материалах. Ф.В. Булгарин писал, что планы издания журнала Полевой вынашивал с 1821 г., изучая деятельность и особенности журналистского ремесла Н.И. Греча, П.П. Свинына и самого Булгарина.

Во-вторых, журнал мог быть проектом кружка поэта С.Е. Раича: «Несколько молодых людей сообщали друг другу свои произведения и пользовались взаимными советами: в числе их был и г. Полевой. Решились издавать общими силами журнал, в котором каж-

дый занимался особой отраслью человеческих познаний, но статьи должны были помещаться по общему согласию. Г. Полевой был избран редактором, и его попечению поручены были История и Статистика»²¹.

Наконец, «Московский телеграф» мог быть открыт благодаря инициативе П.А. Вяземского. Комментатор «Записок» Ксенофонта Полевого В.Н. Орлов объединил эти версии в одну: у Полевого были довольно смутные планы издания собственного журнала, которые обрели форму в кружке Раича и были реализованы П.А. Вяземским. Однако некоторые обстоятельства, связанные с расхождением с кружком Раича и участием Полевого в журнальной полемике на стороне Вяземского в 1824 г., позволяют предположить иной ход событий. Сначала состоялся разговор Вяземского, Полевого и М.Ю. Виельгорского: «В кабинете дома моего, в Чернышевском переулке, зачато было дитя, которое после наделало много шума на белом свете»²².

Для реализации этого плана Полевой составил широкую программу издания, рассчитывая, вероятно, на силы кружка. Но она была отвергнута либо до издания первого номера, либо во время его выхода, так как Вяземский переходит от поддержки к активному участию и содействию. Кроме того, Вяземский нигде и словом не обмолвился об участии в новом деле кружка, о распределении ролей, о значении кружка в организации журнала вообще. Так или иначе, в начале 1825 г. первый номер «Московского телеграфа» увидел свет. Это был смелый, крупный проект, доставивший его создателю всероссийскую известность.

Противоречивые оценки, которые современники давали творчеству и личности Николая Полевого, не были случайны. Очевидно, что противоречивость их оценок основана на многих факторах личного и профессионального свойства. Во-первых, Николай Полевой был человеком провинциальным и во многом до конца жизни не смог смириться со столичными нравами, хотя вся жизнь и карьера его оказались связаны с Москвой и Петербургом. Кроме того, многие вещи он так и не смог понять в силу происхождения или личного упрямства. Такие, например, как дворянская литература, – именно из-за этого начался его глубокий конфликт с поэтами и литераторами пушкинского круга. Начальный этап творчества – первые публикации в журналах, знакомство со столичными литераторами – показывает, что провинциальное недворянское происхождение и недостаток образования не только не помешали Полевому снискать всероссийскую известность, но и во многом благоприятствовали ей, сделав Полевого уникальным явлением в русской журналистике и литературе.

- 1 *Маргулис Т.М.* Литературная репутация Н.А. Полевого: Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1997. С. 20.
- 2 Исторический вестник. 1896. Март. С. 948–950.
- 3 См.: *Маргулис Т.М.* Указ. соч. С. 19.
- 4 Письмо Н.А. Полевого В.Г. Анастасевичу ок. 19 марта 1828 г. // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 171–172.
- 5 *Юркевич П.И.* Воспоминания старожила // Исторический вестник. 1882. № 10. С. 168.
- 6 *Полевой Кс.* Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 126.
- 7 Там же. С. 135.
- 8 *Полевой Н.А.* // Н.А. Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 89.
- 9 Там же. С. 141.
- 10 *Полевой Н.* Чудной мальчик-живописец // Отечественные записки. 1821. Ч. 8. С. 53.
- 11 Там же. С. 88.
- 12 *Полевой Н.* Вдохновение поэта // Труды Общества любителей российской словесности. СПб., 1820. Ч. 18. Кн. 28. С. 76–82.
- 13 Письмо С.Т. Аксакова С.П. Шевыреву от 2 апреля 1829 г. // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 50.
- 14 Н.А. Полевой. С. 281.
- 15 Письмо Н.А. Полевого Ф.В. Булгарину от 24 марта 1824 г. // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 865. Ед. хр. 137. Л. 8.
- 16 *Полевой Н.* О медных капищах и медных конях, упоминаемых в летописце препод. Нестора // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 232–233.
- 17 Николай Полевой. С. 151–152.
- 18 Московские ведомости. 1824. № 87.
- 19 Николай Полевой. С. 381.
- 20 Там же. С. 151.
- 21 *Писарев А.И.* Анти-телеграф, или Отражение несправедливых нападений г. Полевого. М., 1826. С. 8.
- 22 *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1878. Т. 1. С. 48.

М.М. Одесская

С.Н. БУЛГАКОВ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК.
СТАТЬЯ О ЧЕХОВЕ И ПОЛЕМИКА ОБ ИДЕАЛАХ

В статье рассматривается литературно-критическая деятельность С.Н. Булгакова, и на примере его работы «Чехов как мыслитель» показано, что в дискуссии об идеалах, которая развернулась в конце XIX в., он занял позицию, близкую Льву Толстому и народнической критике. По мнению Булгакова, главная суть русской литературы – решение этических проблем. В статье о Чехове проявилась противоречивость позиции Булгакова: с одной стороны, он старается выявить особенность философского мышления писателя, а с другой стороны, не может выйти из круга привычных канонов и оценок.

Ключевые слова: идеалы, этический позитив, философия, добро, религиозность, пустота.

Публичная лекция «Чехов как мыслитель», прочитанная Сергеем Николаевичем Булгаковым в 1904 г. сначала в Петербурге в Тенишевском училище, а затем в Ялте, – это не только посмертное признание величия таланта писателя, но и одна из первых попыток рассмотреть его творчество в философском аспекте, о чем свидетельствует и название лекции, впоследствии опубликованной в виде статьи¹. Булгаков ставит Чехова в один ряд с такими признанными писателями-философами, как Толстой и Достоевский. Лекция о Чехове – это продолжение размышлений Булгакова о том, как отразились духовные искания русской интеллигенции в литературе. Статья «Чехов как мыслитель» была написана после переломной работы Булгакова «От марксизма к идеализму» (1903), в тот период, когда бывший марксист и специалист по экономике переосмысливал прежние взгляды и искал поддерж-

М.М. Одесская

ки и опоры в духовности русской литературы. В этой статье со всей очевидностью проявились, с одной стороны, стремление автора отказать от того, чтобы мерить Чехова «аршином существующих направлений»² и выявить особенность его философского мышления (что для «многих, вероятно, звучит парадоксально»³), а с другой стороны, невозможность выйти из круга привычных канонов в оценке писателя.

Работе о Чехове предшествовала лекция «Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип» (1901)⁴. В этом сочинении автор определяет ценностную сущность русской литературы, ее своеобразие и отличие от западноевропейской. Булгаков отметил, что в России слабо развита философия в ее классическом понимании, и потому литература берет на себя постановку и решение философских проблем. Русский писатель, по Булгакову, – своего рода философ-практик, который ставит вечные метафизические вопросы, но воплощает их не в теоретических трактатах, а в художественных образах. «До сих пор мы, русские, – пишет Булгаков, – мало чем обогатили мировую философскую литературу, и единственным нашим оригинальным философом остается пока Влад. Соловьев. Однако если мы не имеем обширной и оригинальной научной литературы по философии, то мы имеем наиболее философскую изящную литературу; та сила мысли нашего народа, которая не выразилась в научных трактатах, нашла для себя исход в художественных образах, и в этом отношении в течение XIX века, по крайней мере второй половины его, мы в лице Достоевского и Толстого, даже Тургенева, в меньшей степени и Чехова – идем впереди европейской литературы, являясь для нее образцом»⁵. Эта же идея повторяется Булгаковым и в работе о Чехове, только на этот раз автор противопоставляет живой талант писателя постигать тайны бытия философской и научной схоластики: «Вдохновенному взору художника открываются такие тайны жизни, которые не под силу уловить точному, но неуклюжему и неповоротливому аппарату науки, озаренному свыше мыслителю-художнику иногда яснее открыты вечные вопросы, нежели школьному философу, задыхающемуся в книжной пыли своего кабинета»⁶.

По мнению Сергея Булгакова, главная суть русской философии – это прежде всего решение этических проблем. И в этом он видит как достоинства, так и недостатки русской философии: «...из всех великих проблем философии излюбленной нашей проблемой является этическая. Этическая проблема, например, составляет все содержание философии гр. Толстого, этой типично русской философии. В этом ее жизненность, в этом и ее полная метафизическая

слабость. Исходя из этической проблемы, в особенности ею ограничиваясь, трудно построить цельное и ценное философское или метафизическое мировоззрение»⁷. Осознавая односторонность этического подхода в философии, сам Булгаков, как это ни парадоксально, следует этому принципу, разбирая творчество русских писателей.

Герои русской литературы, как и западноевропейской, поставлены перед вечной проблемой добра и зла. Булгаков справедливо отмечает, что в образах Ивана Карамазова и Великого Инквизитора Достоевский предвосхитил Ницше. Однако Сергей Булгаков, категорически отвергающий идеи Ницше, находит объяснение своему сочувствию Ивану Карамазову. Отличительной особенностью русского человека Сергей Булгаков считает муки совести, и именно эта черта, по его мнению, становится основополагающей для героев русской литературы. Эта национальная особенность русской литературы возвышает ее над западной буржуазностью. Именно своей совестливостью Иван близок и понятен русской интеллигенции: «Иван есть русский интеллигент, с головы до ног, с его страстием к мировым вопросам, с его склонностью к затяжным разговорам, с постоянным самоанализом, с его больной, измученной совестью. В последнем признаке я вижу самую яркую и характерную черту русской интеллигенции, черту, много раз отмеченную в литературе: в известном смысле можно сказать, что вся наша художественная литература и добрая часть публицистической прямо или косвенно говорят об этой болезни совести. Признаюсь, я люблю и ценю эту черту русской интеллигенции, отличающую, на мой взгляд, ее от западноевропейской. Она придает ореол нравственного мученичества и чистоты, она исключает самодовольство и культурную буржуазность, она одухотворяет»⁸.

Больная совесть – национальная русская черта, считает Сергей Булгаков, потому что «между идеалом и действительностью, между требованием совести и разума и жизнью у нас лежит огромная пропасть, существует страшный разлад, и от этого разлада мы и становимся больны. Идеал по самому своему понятию не соответствует действительности, он ее отрицает; но степень этого несоответствия может быть различна, и в России это несоответствие измеряется разницей в несколько веков, ибо, тогда как интеллигенция идет в своих идеалах в ногу с самой передовой европейской мыслью, наша действительность в иных отношениях на много веков отстала от Европы»⁹. Эти замечания Булгакова непосредственно связаны с идейной основой его статьи о Чехове. Правда, следует оговориться: Булгаков отмечает универсальность характеров, изображенных Чеховым.

Мыслитель и художник в понимании Булгакова – человек с «больной» совестью. «Мыслитель и художник должны страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение»¹⁰. Чехова Булгаков называет вдумчивым «экспериментатором», но при этом не «холодным регистратором жизни, а мыслителем, сердце которого болит и любит и истекает от сострадания»¹¹. Для Булгакова, искавшего в русской литературе духовную и нравственную опору, было особенно важно подчеркнуть то, что Чехов обладал талантом «человеческим». Чехова он видит не столько как новатора, сколько как продолжателя великой традиции русской литературы, и потому, защищая его от критиков, обвинявших в безыдейности, ставит в один ряд с «великими гуманистами»: «Наша литература выставила ряд великих гуманистов, мы имеем Достоевского, Толстого, Гаршина, Гл. Успенского, и к их почетному лику достойно причтется имя Чехова»¹². Булгаков не оговаривается, когда ставит Чехова рядом с писателем-народником Успенским. Несомненно, он, как и многие современные Чехову критики, отдает предпочтение этическому перед эстетическим в литературе и искусстве. Проповедование Добра (не случайно Булгаков пишет это слово с большой буквы), которое способно «переродить поврежденного и поддержать слабого человека»¹³, и есть то, по его мнению, что составляет сущность писателя и мыслителя. Своей лекцией Булгаков с некоторым опозданием дает положительный ответ на вопрос, поставленный критиком-народником А.М. Скабичевским в его обличительной статье «Есть ли у г-на А. Чехова идеалы?» (1892). Таким образом, главный смысл работы Булгакова о Чехове сводится к дискуссии об идеале в творчестве писателя, которая развернулась в 80–90-е годы XIX в.

Именно вопрос об идеалах стал той самой «одежкой», по которой народническая критика, занимавшая ведущие позиции в «толстых» журналах, встречала, а затем определяла место писателя в литературе. Критиков не могло не беспокоить то, что идеалистическое здание литературы XIX в., которое держалось триадой – *правда, красота, добро*, – с уходом Некрасова, Достоевского, Тургенева начало рушиться. Серьезным ударом было закрытие в 1884 г. журнала «Отечественные записки», имевшего огромное влияние на читателя. Заглавие статьи Скабичевского «Есть ли у г-на Чехова идеалы?»¹⁴ симптоматично. Оно было адресовано не только молодому таланту, мастерство которого к 90-м гг. XIX в. начали признавать, но и целому поколению литераторов этого периода.

Новое поколение литераторов вызывало тревогу оттого, что в их сочинениях не было главного – идеалов. Отсутствие идеалов воспринималось как беспринципность, безнравственность, даже

святотатство. Буквально крик отчаяния слышится в словах М.А. Протопопова, вставшего на защиту идеалов: «Смена поколений всегда сопровождается сменой идеалов <...> Но идеалы уступают место идеалам же, а не отрицанию идеалов»¹⁵. А Скабичевский прямо, без обиняков говорит, что готов был бы простить недостаток таланта, но не отсутствие идеалов: «Вы можете отрицать в писателе талант <...> Но отрицание идеалов – шутка ли сказать: ведь это равносильно отрицанию святынь святого человека, всего его внутреннего содержания, отрицание самого человека!..»¹⁶

Эти и другие аналогичные им высказывания критиков показывают, насколько прочно утвердилось идеалистическое представление в умах и как болезненно переживалось его крушение. А удары по идеализму приходилось отражать с разных сторон – со стороны дарвинизма, неопозитивизма, атеизма, агностицизма, марксизма, натурализма, эстетизма. Михайловский, как вспоминает И. Ясинский, работая в публицистическом отделе «Отечественных записок», делал, как и другие сотрудники, вылазки против Спенсера, Дарвина, Маркса¹⁷. И ведь речь шла не о смене поколений, борьбе «отцов» и «детей», что отлично понимали сами «отцы». Не случайно Михайловский иронизирует в статье «Об отцах и детях и о г-не Чехове» (1890) над великовозрастными, «старообразными» детьми.

В этой дискуссии Лев Толстой выступил на стороне «отцов». Трактат «Что такое искусство?», над которым писатель работал в течение 15 лет, отражает сложный процесс крушения идеалистического сознания, происходивший в конце XIX в. Трактат, написанный после духовного перелома Толстого 80-х годов, – произведение, в котором запечатлелись сомнения, религиозные и нравственные метания писателя, на протяжении всей жизни искавшего для себя этический позитив. Этот моральный кодекс, созданный во многом для самого себя, отражает душевную трагедию русского гения. Проклятие искусству, в том числе и собственному, которое Толстой воспринимает как забаву для привилегированного круга общества, которое считает непонятным для простого народа, не приносящим народу никакой пользы и противоречащим естеству природы, напоминает самоотречение Гоголя и акт сожжения им рукописи второго тома «Мертвых душ».

Сочинение Толстого «Что такое искусство?», несомненно, не в последнюю очередь было вызвано раздражением против эстетства французских декадентов, за творчеством которых писатель пристально наблюдал еще с 80-х гг. Интересно, что Толстой, в полемике 50–60-х гг. сам занимавший позицию аристократа-эстета, теперь почти повторяет предъявляемые Писаревым к искусству требова-

М.М. Одесская

ния, в частности, он измеряет ценность искусства демократичностью и пользой¹⁸.

Народнический идеализм принял формы дидактизма и морализирования, что, несомненно, было в ущерб художественности. Литераторы 80-х гг. почувствовали, что прежние идеалы не удовлетворяют, они стали восприниматься как некие химеры, своего рода фетиши. И потому напрасны призывы к ним «отцов»-идеалистов соорудить «другой, лучший храм» на месте опустошенного, чтобы повести за собой людей (Протопопов)¹⁹.

Первой манифестацией идей «детей» в печати принято считать дискуссию, развернувшуюся на страницах киевской газеты «Заря» в 1884 г. А поводом для литературных дебатов, в которых обнаружались разные эстетические позиции, послужили два крупных выступления. Это, во-первых, речь, произнесенная Достоевским на открытии памятника Пушкину (1880), и «Исповедь» (1882) Толстого.

Выступление Н.М. Минского на страницах «Зари» предвосхитило знаменитую декларацию нового искусства, изложенную в лекции Д.С. Мережковского «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1892). В чем же состояла суть дебатов?

В статье «Старинный спор» (1884) Н.М. Минский, начинавший как поэт-народник и коренным образом изменивший свои взгляды, отстаивал принципы чистого искусства. Полемизируя с шестидесятилетней позицией, сближающей науку и искусство, он настаивал на том, что нужно различать назначение и задачи науки и искусства, так как они полностью противоположны. Минский обожествлял роль искусства и художника. Он спорил и с шестидесятилетним взглядом на искусство как подражанием действительности. И, наконец, морализаторство в искусстве автор статьи назвал «временным» и «суетным» и противопоставил его подлинному искусству – «чистому» и «вечному». Заглавие статьи – «Старинный спор» – подчеркивало связь нового поколения поэтов с пушкинской традицией в литературе, которую «дети» отождествляли с принципами свободного искусства.

В статье «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» Дмитрий Мережковский впервые с уверенностью нападает на народническую критику. Бросается в глаза то, что за прошедшие несколько лет со времени написания первой статьи о Чехове «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888) Мережковский скорректировал свою позицию по вопросу, который являлся яблоком раздора между «отцами» и «детьми». В работе «О причинах упадка...», в отличие от ранней статьи, он более опре-

деленно обозначил свою позицию по отношению к идеализму. Вопросы, над которыми бьется народническая критика, – «искусство для жизни, или жизнь для искусства», – в равной степени, как и вопрос о красоте и нравственности, представляются ему схоластическими, существующими только для «мертвых людей». Для него все компоненты триады едины, и нет сомнений в том, что «искусство – для жизни» и «жизнь – для искусства»²⁰ и что справедливое – прекрасно, а прекрасное – справедливо²¹. В статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» молодой критик, испытывая неуверенность, очевидно, потрафлял могущественным оппонентам, когда писал: «Конечно, не жизнь – для искусства, а искусство – для жизни, так как целое значительнее своей части, а искусство – только часть жизни»²².

О неустойчивости позиции Мережковского, его идеологических колебаниях пишет в интересной монографии, посвященной этому периоду литературы, Елена Толстая. На примере разбираемого Мережковским рассказа Чехова «На пути» исследовательница показала двойственность его позиции. Стараясь продемонстрировать свободу Чехова от тенденциозности, критик, по существу, обвиняет писателя в имморализме. Именно это, по мнению исследовательницы, вызвало раздраженную реакцию Чехова на статью Мережковского²³.

Свое время Мережковский определяет как время двух противоположных тенденций – крайнего материализма и «самых страстных *идеальных* порывов духа»²⁴. Рассматривая идеализм в искусстве, главным образом, как антитезу натурализму, Мережковский называет Чехова верным учеником Тургенева «на пути к новому грядущему идеализму» и так же, как и Тургенева, считает импрессионистом. Стоит напомнить, что еще ранее, в статье «Старый вопрос по поводу нового таланта», молодой критик определял писателя как мистика, отмечая его музыкальность, ставил в один ряд с такими знаковыми для нового искусства именами романтиков, как Гофман и Эдгар По. Ясно, что мистицизм и «эстетический идеализм»²⁵ в устах Мережковского – это высокая похвала писателю²⁶. Знаменательно, что, несмотря на свои колебания, Мережковский все же против тенденциозности, хотя и с оговорками. Он отвергает ту тенденцию, которая неорганична художественному произведению. Характерно, что статью «Старый вопрос по поводу нового таланта» критик заканчивает ссылкой на Шиллера, которого, по его словам, «трудно заподозрить в общественном индифферентизме ... а между тем и он определяет творческий акт как что-то произвольное, стихийное, над чем не властны никакие внешние предписания, теоретические формулы и рассудочные требования»²⁷. Этой

ссылкой на Шиллера как заключительным аккордом статьи Мережковский подтверждает свою приверженность идеализму.

Интересно, что и Чехов обратил внимание на конец статьи и в письме к Суворину (3 ноября 1888 г.) назвал его характерным, только в другом смысле. Чехова заинтересовало, по-видимому, то, что Мережковский называет творческий акт бессознательным, непроизвольным и стихийным и для разъяснения своих идей обращается к примерам из естественных наук, биологии. Можно предположить, что Чехова привлекли вопросы психологии творчества, но смутили не только естественно-научные параллели в устах критика, но и сам тезис о стихийности творчества. Ранее (27 октября 1888 г.) в письме Суворину он иронизировал над творчеством по вдохновению, не подчиненным воле автора. Как естествоиспытатель по образованию, Чехов, очевидно, предпочитал разделять науку и творчество и с недоверием относился к критике, пытающейся встать «на научную почву». По всей вероятности, Чехов не находил в критике черты научности, в отличие от философии творчества²⁸. Эти замечания Чехова, скорее всего – реакция на обсуждавшиеся в прессе проблемы психологии творчества и на новое модное в литературе направление «натурализм». Несмотря на довольно скептический отзыв о внедрении научного метода в искусство, сам Чехов все же, как известно, не только использовал знания, полученные на медицинском факультете, но также и научный подход в целом к явлениям жизни, характерам людей в своих произведениях. Позднее он все более настойчиво обсуждает в письмах вопрос о необходимости для писателя естественно-научных знаний.

Научную объективность и точность изображения поставили во главу угла натуралисты. Для художника-натуралиста уродливое явление жизни – самоценный объект пристального внимания, в то время как для идеалиста прекрасное всегда присутствует или мыслится как антипод безобразного. Натурализм наносил сокрушительный удар по идеализму, по триединству – правда, красота, добро. Золя, основатель теории экспериментального романа, провозгласил свободу искусства от политики и религии. По его мнению, литература должна ставить чисто научные задачи, стать частью физиологии в изучении организации человека, «механизма» его чувств и страстей. Эти принципы, несомненно, шли вразрез с социолого-политической установкой народников. И в этом смысле натурализм сближался с принципами чистого искусства.

Точный анализ «экспериментального романа» и верные наблюдения над отличиями французского натурализма от русского сделал Н.М. Минский в работе «Золя и экспериментальный роман». Ссыла-

ясь на европейскую критику, которая давно установила, что «натуралистический роман во Франции вызван к жизни соображениями эстетического характера», в то время как русский роман «проникнут идеалом нравственным»²⁹, Минский углубляет и развивает в своей статье это сравнение. Учительский характер русской литературы – неотъемлемая ее часть. Причем, как пишет критик, «со времен Гоголя все великие наши писатели смотрят на себя как на учителей не только нравственности, но и религиозной истины». Напротив, главная заповедь художника для Флобера, Гонкуров, Золя – «не поучай»³⁰.

Отсутствие учительской направленности в произведениях Чехова, его идейный индифферентизм ставили критику в тупик. Михайловский почувствовал новые тенденции в том, что разрушилась прежняя модель взаимодействия писателя с читателем. Критик сожалеет о времени, когда между писателями и читателями была постоянная живая связь и когда писатель возвышался над действительностью, а его талант «светил и грел». Теперь же «г-н Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает»³¹. Михайловский пронизательно отметил и другую важную особенность «детей» – их новый подход к действительности, «пропагандистом» которого явился Чехов. «Дети», по словам Михайловского, заявляют: «Для нас существует только действительность, в которой нам суждено жить, и которую мы потому и признали»³². И понятно, что реакция критика-народника однозначна: «Как может быть талантлива идеализация отсутствия идеалов?»³³

В контексте дискуссии конца XIX в. об идеалах становится понятно, почему Сергей Булгаков говорит, что «литературная деятельность Чехова проникнута весьма своеобразным и трудно поддающимся определению на языке школьной философии идеализмом»³⁴. По его мнению, идеализм Чехова в том, что все преобладающая сила Добра одерживает победу над изображаемой писателем реальностью, в которой живут «все эти хмурые, нудные люди, чудаки, отвратительные пошляки, гнусные эгоисты, претенциозные бездарности»³⁵. То есть идеал автора и есть тот свет, «при котором только и можно ... опознать хорошее и дурное. ...Только по силе его возможна оценка жизни и осуждение существующего во имя должного»³⁶. Разрыв между действительной жизнью и идеалом, «существующим и должным», не приводит, по мнению Булгакова, Чехова к пессимизму, который «убивает всякую жизнедеятельность»³⁷. В отличие от Шопенгауэра – последовательного пессимиста – и Ницше, утверждавшего «обожание натурального, зоологического сверхчеловека»³⁸, философию которого Булгаков называет филистерством, настроение Чехова представляется ему «в

высшей степени жизнедеятельным»³⁹. Интересно, что героям, изверившимся в прежних идеалах и оказавшимся в конце жизни перед пустотой, как, например, профессор из «Скучной истории», Булгаков противопоставляет других персонажей Чехова, призывающих работать, делать добро. Это дает ему основание назвать писателя «оптимопессимистом», «видящим торжество зла, призывающим к мужественной и активной борьбе с ним, но твердо верящим в победу добра»⁴⁰. Таким образом, если критики-современники вменяли Чехову в вину отсутствие идеалов и гражданской позиции, идентифицируя писателя с героем «Скучной истории» и другими его «хмурыми» персонажами, то Булгаков находит жизнеутверждающий пафос в произведениях Чехова, сливая голос писателя с теми героями, которые в определенные моменты жизни и под воздействием тех или иных обстоятельств приходят к осознанию того, что вечные идеалы правды и красоты направляют человеческую жизнь «и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле»⁴¹. Приводя эту известную цитату из любимого рассказа Чехова «Студент», Булгаков недвусмысленно заключает: «Трудно здесь определить, где кончается студент и начинается сам автор»⁴².

Мысли студента в момент высокого озарения, а также финалы «Дяди Вани» и «Трех сестер» приводят Булгакова к предположению о том, что вера Чехова в добро в основе своей религиозна. «Религиозная вера в сверхчеловеческое Добро дает опору для веры и в добро человеческое, для веры в человека. И, несмотря на всю силу своей мировой скорби, скорби о человеческой слабости, Чехов никогда не терял этой веры, и за последнее время она все жарче и жарче разгоралась в нем. Правда, по свойству таланта и всего душевного склада Чехова, взор его всегда оставался устремлен больше на отрицательные стороны жизни, чем на положительные, больше на ее плевелы, чем на пшеницу»⁴³. Несомненно, Булгаков справедливо отметил умение Чехова понимать и передавать красоту и поэзию религиозного чувства. Именно в религиозности будущий священник и философ, хотя и с оговорками, старается найти позитив творчества писателя «скорби». Однако не следует забывать, что вопрос о религиозности писателя не так однозначен, как это представляется Булгакову.

Булгаков прав в том, что Чехов испытывал тоску по идеалам, которых не находил в жизни. Однако Чехов не встраивается в тот ряд русских писателей, которые, возвышаясь над действительностью, ведут читателей к идеалу – единству правды, добра и красоты. Чехов – писатель новой эпохи – рубежа веков, когда прежняя система ценностей рушится, когда происходит осознание того, что правда, добро и красота не являются триединством. Сам Чехов понимал, что принадлежит к другому поколению писателей. Он слов-

но испытывал комплекс неполноценности, сравнивая себя и свое «рыхлое», «скучное», больное поколение с «отцами», писателями «вечными или просто хорошими», которые, признается он Суворину, «пьянят нас», «куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель» (П. 5, 133). Исповедуясь своему «падре» Суворину, Чехов прямо заявлял, что у него нет такой высшей цели, общей идеи, и ему некуда вести читателей. И если у самого писателя хватило сил, по его выражению, «поднять подол» своей музе только перед Сувориним, то Лев Шестов после смерти писателя в 1905 г. в статье «Творчество из ничего» заявил публично о том, что у Чехова не просто отсутствуют идеалы, но более того, «идеализм во всех видах, явный и тайный, вызывал в Чехове чувство невыносимой горечи»⁴⁴. Шестов прямо пишет о том, что Чехов считался с общественным мнением и потому заставил своего антигероя профессора Николая Степановича на протяжении всей повести «Скучная история» каяться в отсутствии общей идеи. Однако это покаяние не позволило самому писателю обрести идею. Отсутствие идеи или идеала и самобичевание Чехова Шестов противопоставляет тем писателям, которые убеждены, что «идеям присуща чудодейственная сила». Они «строят мировоззрения – и полагают при этом, что занимаются необыкновенно важным, священным делом!»⁴⁵ Шестов доказывает в статье, что Чехов не просто не приемлет и отвергает готовые формулы добра, идеалы, он – мастер изображения «гниющего, разлагающегося существования», к которому он заставляет читателя испытывать «вместо естественного и законного чувства негодования» «ненужные и опасные симпатии»⁴⁶. Шестов прозрел и произнес во всеуслышание то, в чем Чехов сам боялся себе признаться, но не мог не выразить как художник. Писатель показал человека, столкнувшегося с *ничто* как внутри самого себя, так и в окружающей его жизни. Идеалы, которые сформированы в сознании человека под влиянием воспитания, которые создавались на протяжении веков, чтобы объяснить смысл существования мира, обветшали и исчерпали себя. Заслуга Льва Шестова состоит в том, что он показал драматизм и внутренний конфликт писателя, оказавшегося лицом к лицу с пустотой.

Как известно, первым, кто провозгласил *ничто* как данность существующую в мире, и то, что человек заполняет это *ничто* им самим воздвигаемыми идолами и таким образом создает мир, существующий в его представлении, был Ницше. Столкновение человека с *ничто* как своим *alter ego* – тема, которую воплотил в художественных образах старший современник Чехова норвежский драматург Ибсен. К сердцевине своего «Я» отправляется в путешествие Пер Гюнт и обнаруживает в конце пути, что сердцевины

нет, он устроен как луковица. Не случайно, думается, одна из статей Шестова о литературе посвящена драмам Ибсена. В статье «Победы и поражения (Жизнь Генриха Ибсена)» Шестов обратил внимание на то, что норвежский драматург утверждает в своих драмах временность, недолговечность идеалов, их жизнь длится, по словам Стокмана, не более 20 лет («Враг народа»), что идеалы и ложь – это одно и то же, как считает доктор Роллинг («Дикая утка»), что более жизнеспособными оказываются те, у кого нет идеалов – посредственность («Гедда Габлер»).

Оба писателя, и Ибсен, и Чехов, развенчивали идеалы и одновременно понимали, как пуста без них жизнь. Чехов, выходец с «задворков» литературы, из бульварной прессы, врач по образованию и дарвинист по убеждениям, воспитанный в традициях русской купеческой религиозной морали, генетически обреченный на болезнь и раннюю смерть, как никто другой умел трезво смотреть в лицо судьбе и жить в предлагаемых обстоятельствах. И он прошел путь преодоления (выдавливал из себя по капле раба⁴⁷) и восхождения, и понял закон вечного возвращения, и привел своих героев к осознанию *amor fati* – «Умей нести свой крест и верить», «Будем жить!» Эти слова, выстраданные героинями пьес «Чайка» и «Три сестры», – знание, а не оптимистический призыв, знание, которое можно приобрести после разочарования в идеалах, воспринятых готовыми, на веру.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что Сергей Булгаков сделал очень большой шаг вперед в том, что увидел в Чехове мыслителя, чего не хотели замечать предшествующие критики. Он также прав в том, что талант Чехова в большей степени устремлен к отрицательным сторонам жизни. Однако Булгаков во что бы то ни стало старается найти в его творчестве нравственный позитив, идеалы, следуя в этом уже сложившейся традиции русской литературы и критики. Другой философ, современник Сергея Булгакова, Лев Шестов показал, что отрицание идеалов, изживших себя к концу XIX в., – это тоже философия, но философия другой эпохи – эпохи, когда со всей очевидностью обозначился кризис мысли.

Примечания

¹ Новый путь. 1904. № 10, 11.

² *Булгаков С.Н.* Чехов как мыслитель // А.П. Чехов: Pro et contra. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2002. С. 538.

³ Там же. С. 539

⁴ Впоследствии лекция была опубликована как статья в «Вопросах философии и психологии» (1902, кн.1).

- 5 Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 16.
- 6 Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. С. 541.
- 7 Булгаков С.Н. Иван Карамазов как философский тип. С. 43.
- 8 Там же. С. 42.
- 9 Там же. С. 43–44.
- 10 Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. С. 540. Здесь Булгаков неточно цитирует статью Л.Н. Толстого «Так что же нам делать?» См. комментарий: А.П. Чехов: Pro et contra. С. 1031.
- 11 Там же. С. 548.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 553.
- 14 Скабичевский А.М. Есть ли у г-на Чехова идеалы? // А.П. Чехов: Pro et contra. С. 144–179.
- 15 Протопопов М.А. Жертва безвременья // Там же. С. 129.
- 16 Скабичевский А.М. Указ. соч. С. 144.
- 17 Ясинский И.И. Роман моей жизни / Среди великих: Литературные встречи. М.: РГГУ, 2001. С. 358.
- 18 Подробнее см.: Одесская М.М. Трактат Толстого «Что такое искусство?» в контексте крушения идеалистической эстетики // Филологические науки. 2009. № 2.
- 19 Протопопов М.А. Жертва безвременья. С. 129.
- 20 Там же. С. 531.
- 21 Там же. С. 534.
- 22 Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта // А.П. Чехов: Pro et contra. С. 76.
- 23 Толстая Е. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-х – начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994. С. 163.
- 24 Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. Мережковский Д.С., Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 536.
- 25 Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта. С. 59.
- 26 В полемической статье «Отражение французского символизма» Н.К. Михайловский отрицает мистицизм в творчестве Чехова. Он также не согласен и с тем, что критик причисляет его собственные работы к идеалистическим. Михайловский считает, что они по-разному понимают идеализм. См.: Михайловский Н.К. Отражение французского символизма // Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. М., 1989.
- 27 Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта. С. 79.
- 28 Интересно, что в полемической статье «Красота, жизнь и творчество», пересматривающей положения диссертации Чернышевского, П.Д. Боборыкин ставит в упрек русской критике недостаточный интерес к «научно-философской обработке явлений художественного творчества», вместо этого объектами исследования стали «идеи морали и общественности», критика, по его мнению, приоб-

М.М. Одесская

рела в последние сорок лет исключительно «публицистическое направление». См.: *Боборыкин П.Д.* Красота, жизнь и творчество // Вопросы философии. 1893. № 1. С. 82.

29 *Минский Н.М.* Зола и экспериментальный роман // Мир искусства. 1902. № 9–10. С. 249.

30 Там же. С. 250.

31 *Михайловский Н.К.* Об отцах и детях и о г-не Чехове // А.П. Чехов: Pro et contra. С. 86.

32 Там же. С. 86.

33 Там же.

34 Там же. С. 554.

35 Там же. С. 553.

36 Там же. С. 554.

37 Там же.

38 Там же. С. 553.

39 Там же. С. 554.

40 Там же.

41 *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 8. С. 309.

Далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках в тексте статьи.

42 Там же.

43 Там же. С. 557.

44 *Шестов Л.* Творчество из ничего // А.П. Чехов. Pro et contra. С. 590. Подробнее об оценке творчества Чехова Львом Шестовым см.: *Одесская М.М.* Были ли идеалы у господина Чехова? // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2008. № 11. С. 219–227.

45 *Шестов Л.* Творчество из ничего. С. 579.

46 Там же. С. 575.

47 Об осознании Чеховым связи вырождения с генетической болезнью см.: *Финк М.* Столкновение с ущербным «Я»: Чехов и вырождение // Ибсен, Стриндберг, Чехов. М., 2007. С. 227–242.

Е.Л. Яворская

ЖУРНАЛ «ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО» И ЕГО АВТОРЫ С. ГЕХТ И М. ПОЛЯНОВСКИЙ

В статье дана история создания и обзор детского журнала «Детство и отрочество», выходившего в Одессе в 1912–1913 гг. Прослеживается изменение характера публикаций и на основе разделов «Страничка наших читателей» и «Почтовый ящик», развитие работы редакции с юными авторами. При рассмотрении опубликованных в журнале стихотворений можно уточнить литературные биографии писателей С.Г. Гехта и М.Л. Поляновского и внести изменения в даты первых публикаций, которые состоялись намного ранее, чем указано в справочниках.

Ключевые слова: журнал «Детство и отрочество», стихотворение, шарада, ответ редакции, первая публикация.

В 1910–1918 гг. в Одессе выходило пять журналов для детей: «Детский мир» при газете «Русский мир» Одесского союза русского народа (1911); «Детство и отрочество» – литературно-художественный с научным отделом двухнедельный журнал для детей (1912–1913); «Лепестки» – еженедельный иллюстрированный журнал для детей, бесплатное приложение к журналу «Детство и отрочество» (1913); «Колосья» – ежемесячный художественно-литературный иллюстрированный журнал для еврейских детей (1913–1918); «Детский листок» (1915)¹.

С литературным журналом «Детство и отрочество», на страницах которого публиковались произведения юных читателей, связаны имена С. Гехта (1903?–1963) и М. Поляновского (1901–1977).

Семен Григорьевич Гехт начинал литературную деятельность как поэт, после переезда в Москву в 1923 г. стал прозаиком. Тема его книг 20–30-х гг. – жизнь евреев в годы революции и в совет-

Е.Л. Яворская

ское время: «Человек, который забыл свою жизнь» (1927), «Сын сапожника» (1931), «Пароход идет в Яффу и обратно» (1936) и другие. Очерки, рассказы и рецензии появлялись практически во всех московских журналах 20–30-х гг. В переводе Гехта напечатаны ряд рассказов Шолом-Алейхема; он был автором повестей «Поучительная история» (1939) и «Вместе» (1941), описывающих атмосферу подозрительности в обществе и механизм фабрикации дел НКВД. Весной 1944 г. Гехт был арестован за «антисоветскую агитацию» и приговорен по статье 58–10 ч. 2 УК РСФСР к восьми годам исправительно-трудового лагеря. Освобожден в 1952 г. Последующие книги «Будка Соловья» (1957), «В гостях у молодежи» (1960), «Долги сердца» (1963) состоят из очерков и воспоминаний.

Макс Леонидович Поляновский известен в основном как журналист и фоторепортер. Наибольший успех имела книга «Улица младшего сына» (1949), написанная в соавторстве с Л. Кассилем. В книгах «Остановись, мгновенье» (1968) и «Одна сотая секунды» (1973) опубликованы фотографии В. Маяковского, Э. Багрицкого, Ю. Олеси, К. Чуковского и других, сделанные М. Поляновским.

В справочниках годом первой публикации М. Поляновского указывают 1918 г., С. Гехта – 1922 г.² публикации в журнале позволяют уточнить и перенести на более ранний период датировку начала литературной деятельности.

Упоминание о журнале «Детство и отрочество» есть в поздних текстах обоих писателей.

Рассказ С. Гехта «В гостях у молодежи» (1958):

<...> придется вспомнить еще одну историю – про еженедельный журнал «Детство и отрочество». Издавался журнал в городе, который в целях литературной конспирации принято называть «городом на юге». Редакция помещалась в ряду железно-скобяных лавок на торговой улице.

Последние дореволюционные годы. Миновав несколько лавок с огромнейшими амбарными замками, останавливаюсь у дверей редакции. Особой, присущей новичкам робости не испытываю. Наоборот, ожидаю от встречи чего-то исключительно приятного.

Месяц назад я написал стихотворение и, по совету взрослых, послал его в редакцию детского журнала. Стихи, конечно, нудные, но и в то время находились повсюду восхвалители детской ерунды, и много ли моей вины в том, что взрослые подчас глупее, чем следовало бы? Недели через две я увидел свое стихотворение опубликованным. Ну, уж тут руки зачесались всюду, буквально не сходя с места, написал я еще стишок: с бурунами, чайками, а главное – реями. Что такое рея, я не знал, но слово, по-моему, годилось. Увы,

в следующем номере я стихов уже не нашел. Школьный товарищ посоветовал: Загляни в «Почтовый ящик».

Фамилию свою я нашел в «Почтовом ящике» сразу. Меня приглашали посетить редакцию. Посетить – вот именно! Приемный день – вторник, от трех до пяти.

<...> Редактор-издатель стоял у окна, он принимал какую-то пилюлю, которую ему никак не удавалось проглотить. Она всякий раз застревала у него в горле, затем снова оказывалась на кончике языка. «Что ты скажешь, не могу и не могу, – пожаловался редактор-издатель, – бывает же такое дурацкое горло!»

Проглотив, наконец, пилюлю, он усадил меня в кресло, спросил фамилию и похвалил мой «Пиратский флаг». «Пиратский флаг» – это не я, – осмелился я возразить. «Верно, верно, – поправился редактор-издатель. – “Пиратский флаг” прислал сынишка Аслана с Александровского проспекта, у них на проспекте винный погреб. Аслан как раз вчера подписался на пятнадцать годовых экземпляров».

<...> редактор-издатель спросил: «Где ты, мальчик, живешь?» – и все разглядывал мои ботинки с резиновыми ушками. «На Болгарской», – назвал я одну из бедных улиц города. «И где же ты, мальчик, учишься?» – «В казенном училище. Меня освободили от платы за право учения». – «Освободили? Похвально, – проговорил он, скучая и даже чуть не враждебно. – А дядя, мальчик, у тебя есть?»

Краткая биография моего дяди его также не порадовала.

«Слушай меня, мальчик, внимательно. Когда придешь домой, скажи папе, чтобы он подписался на пять годовых экземпляров “Детства и отрочества”. Пстой, хватит на четыре. Мой журнал очень дешевый, шесть рублей на год, на полный год. Скажешь?» – «Он не подпишется, у нас нет денег», – ответил я редактору-издателю. «А если три экземпляра?» – «Он совсем не подпишется. У нас совсем нет денег». – «Как хотите, дело ваше, – грустно и обиженно проговорил он. – Это значит, что печататься ты у меня больше не будешь. У меня журнал, а не благотворительное общество “Капля молока”». – «И “Свистели буруны” тоже?» – спросил я ... обессиленный. «И буруны, и шуруны, – проворчал он, – и чайки, и сайки...» Проворчал, и раскаялся, и ласково взял меня за руку. «Я погорячился, мальчик. Но должны же вы все, наконец, понять, что у меня долги и мне половину жизни приходится торчать в Луганске. Луганские типографщики, слава богу, не такие кровопийцы, как наши. И потом – не думайте, что ваши стихи получше аслановских. Ты тоже, мальчик, не Саша Черный и не Фруг. А папаша Аслана подписался на пятнадцать годовых...»³.

Е.Л. Яворская

В тексте, как будет видно далее, очень много точных деталей. Но вот приглашения С. Гехту зайти в редакцию в «Почтовом ящике» в действительности ни разу не было.

Очерк М. Поляновского «...И все бывшее» (1968): «Ведь я знал Кроткого еще по Одессе, вернее, по стихам того времени. С малых лет я читал его в журнале “Детство и отрочество”»⁴. (В журнале было напечатано всего три стихотворения Э. Кроткого).

Первое официальное упоминание о журнале в «Деле старшего инспектора по надзору за заведениями печати и книжной торговли в Одессе» датировано 10 января 1912 г., № 4881/6.

Уведомляю Ваше превосходительство, что домашней учительнице Хане Менделевой Рабинович под ответственным редакторством мещанина Ноеха Менделева Хависа мною разрешено издавать в Одессе двухнедельный журнал «Детство и отрочество» с подписной ценой на 1 год: – 4 р., 6 мес. – 2 р. 25 коп, 3 мес. – 1 р. 25 коп. и отдельный номер – 15 коп. по следующей программе: отдел беллетристики: стихи, юмористические сценки в стихах, рассказы и повести с иллюстрациями и без оных, детский театр и развлечения, детская жизнь (местная, иногородняя и иностранная), почтовый ящик (ответы, письма и советы), смесь, шарады, загадки и конкурсы, художественный отдел (снимки, портреты, шаржи, статьи и художественные произведения и иллюстрации), библиография, художественные детские книги и краткое изложение их содержания, отдел воздухоплавания: основы и задачи воздухоплавания, сообщения последних дней авиационной жизни, новейшие изобретения в области игрушечных летательных машин и хроника, приуроченная соответственно детской любознательности, рассказы из области естествознания, сведения из области медицины, гигиены, бактериология и заразные болезни. Означенный журнал будет печататься в типографии Сапожникова, помещающейся в д. № 41 по Полицейской улице⁵.

Программа дословно воспроизводилась в журнале. Ее дополнял отдел «Развитие детской самостоятельности: лепка, строение, плетение, рисование, вышивание, вязание и выпиливание. Отдел этот отвечает потребностям детей. В нем упражняется детская фантазия и образуются вкус ребенка».

Журнал объемом 20 страниц (№ 1–6, 1912), затем 16 страниц (с № 7, 1912 до конца) выходил с 20 февраля 1912 г. по апрель–май (?) 1913 г. (последний номер без указания месяца). Заявленный как двухнедельный, он чаще выходил раз в месяц. В 1912 г. вышло двенадцать номеров, в 1913 г. – семь.

Редакторами были последовательно: Ноех Менделевич Хавис, С.Г. Хаимович, с № 4 1912 г. – личный почетный гражданин Владимир Васильевич Максаков, с № 9 1912 г. – Хана Менделевна Рабинович, домашняя учительница. Она же была издателем журнала⁶.

Адрес редакции: Екатерининская, 70 (в районе рынка «Привоз»).

Печатался журнал в Одессе, поочередно в типографиях: А.М. Швейцера, с № 7 за 1912 г. – С. Розенштрауха и Н. Лемберга, с № 8 – «Спорт и наука» Б. Брандмана, с № 4 за 1913 г. – в типографии вдовы личного почетного гражданина Э.П. Карлик.

Читателями журнала, судя по фамилиям юных авторов и перечню верно ответивших на шарады и ребусы, были преимущественно дети из еврейских семей среднего достатка.

Первый номер вышел из печати 20 февраля 1912 г.

Обложка – цветная литография с изображением читающих детей – повторяется во всех номерах за 1912 год (кроме № 5). Содержание журнала размещено на второй странице обложки. На первой странице вверху выходные данные, ниже над текстом виньетка с изображением мальчика и девочки у книжного шкафа с книгами в руках. Это оформление страницы сохраняется до последнего номера 1912 г.

Редакция сообщает:

Открыта подписка на двухнедельный иллюстриров. литературно-художественный с научным отделом журнал для детей «Детство и отрочество».

В журнале принимают активное участие А. Аркадьев, И.М. Василевский (Не-Буква), Вилли (Петербург), И.А. Гореликов, В.И. Дмитриева (Петербург), Осип Дымов (Петербург), Б. Ивинский (Петербург), Кармен (Петербург), Э. Кроткий, Лоренцо, Ар. Муров, Незнакомец, Петр Пильский, Скиталец (Петербург), Н.К. Самойлова (Петербург), Седой, А. Свирский (Петербург), С. Солодов, Александр Тамарин, Д. Тальников, Семен Юшкевич, А.М. Федоров и мн. др. Художники Б. Антоновский, В. Никулин, Ф. Сегал, А. Цалюк (Саша Ц.).

Подписная цена на 1 год 4 р., на 6 мес. 2 р. 25 коп, на 3 мес. 1 р. 25 коп.

Подписка принимается в конторе журнала: Одесса, Екатерининская, № 70 и в книжном магазине «Труд»⁷.

№ 1, 20 февраля 1912 г.

Опубликованы рассказы Н. Самойловой, С. Юшкевича, А. Тамарина, Незнакомца, П. Пильского, Седого, И. Горелика; стихи А. Фортунатова, Н. Т-за [Топуза], переводы двух рассказов с фран-

Е.Л. Яворская

цузского. Ко дню смерти А.С. Пушкина помещен очерк А. Павлова «Любите Пушкина» с тремя портретами поэта.

Журнал рассказывает читателям о жизни сверстников за рубежом: в очерке Боровича рассказ о деятельности школьной колонии в Аббатсхольме, где «все вопросы передаются на обсуждение общего собрания колонии»; Б. Лазарева – об американской лиге рассказывания сказок.

Рубрика «Лидочкина мама. Хозяйство маленькой Лидочки» – о поделках из бумаги.

В рубрике «В помощь читателю» – планы книжек для лучшего запоминания книг детьми.

В. Глоговский ведет раздел «Авиация».

«Ребусы, шарады, почтовый ящик и пр.» – редакция обещает фамилии приславших верное решение ребусов и шарад печатать в следующем номере. Объясняется также название «Почтовый ящик» – «в этом отделе будут даваться ответы на все ваши вопросы. Просим не стесняться изложением и спрашивать обо всем, что вас интересует»⁸. В дальнейшем именно здесь редакция будет давать рецензии как на опубликованные, так и на отвергнутые произведения юных авторов.

На обороте журнала информация об открытии подписки и приведенный выше перечень участников (повторяется с № 1 по № 7).

Необходимо сразу отметить, что произведения половины заявленных авторов так и не появились на страницах журнала. Среди них как петербургские писатели, так и одесские: А. Аркадьев, И.М. Василевский (Не-Буква), Вилли, И.А. Гореликов, О. Дымов, Скиталец, Б. Ивинский, Ар. Муров, Ал. Тамарин, Д. Тальников, А.М. Федоров.

Были опубликованы рассказы или отрывки из рассказов и стихи В. Дмитриевой, Л. Кармена, Э. Кроткого, Седого, А. Свирского, Незнакомца (псевдоним Б. Флита), П. Пильского, Н. Самойловой, С. Юшкевича, статья театрального критика Б.Я. Лоренцо (псевдоним Е. Гениса).

Кроме того, в журнале печатались произведения молодых одесских поэтов, активно публиковавшихся в периодике вплоть до 20-х гг. XX в. (Б. Бобович, Н. Топуз, М. Осипович). Принимали участие и «зубры» одесской журналистики вроде Фауста (псевдоним Я. Сиркеса, отца О. Колычева). Незнакомец (Борис Флит) впоследствии был редактором большинства юмористических одесских журналов 1917–1920 гг.

Из указанных в рекламе художников несколько раз опубликованы рисунки только В. Никулина.

Любопытно проследить изменение характера рекламы в течение первого года издания. Во всех выпусках за 1912 г. она размещена на третьей странице обложки. В первых двух номерах – реклама южнорусского книгоиздательства Ф.А. Иогансона; объявление о подписке на еженедельный журнал «Крокодил» (следует отметить, что все названные выше художники принимают активное участие в работе «Крокодила» (1911–1912)); объявления женщин и девушек, владеющих немецким и французским языками, дающих уроки рисования и черчения; немок, ищущих места бонны и гувернантки. С третьего номера появляется реклама магазинов детской одежды: реклама в стихах первого на юге России конфекциона для детей (№ 3, 9–12) и «Товарищества Бродский и Ко. Готовые изящные детские наряды для мальчиков и девочек до 15 лет» (№ 4–12).

В дальнейшем появляется объявление о подписке на журналы «Мир», «Художественно-педагогический журнал» (№ 3, 4), реклама книжного магазина «Труд» (№ 7).

№ 2, 5 марта 1912 г.

После столь многообещающего первого номера содержание второго значительно скромнее. Из заявленных авторов – только Эмиль Кроткий. Опубликовано стихотворение Э. Германа. «Лидочкина мама» становится «Людочкиной мамой». Помещен очерк о школьном самоуправлении в Тифлисе. В разделе «Текущая жизнь» сообщают об открытии Южного полюса, дается краткое описание разницы в снаряжении экспедиций Амундсена и Скотта. Добавляются рубрики «Книжные новости», «Всякая всячина», «Страничка наших читателей» – публикации стихов и шарад (в дальнейшем «Страничка» будет занимать значительное место), в рубрике «Решение шарады» названы фамилии читателей из Елисаветграда и Бельц. В «Почтовом ящике» редакция дает ответы юным авторам и читателям. Здесь же два объявления: «Для личных объяснений и бесед с читателями редакция журнала открыта по воскресеньям и вторникам и четвергам от 3 до 4 часов пополудни» (как и сказано выше в рассказе С. Гехта) и «Со следующего № в журнале будут помещаться отзывы редакции о произведениях, печатающихся в «Страничке наших читателей»⁹. При первой публикации обязательно указывали возраст автора, при последующих указание отсутствовало. Среди авторов журнала были мальчики и девочки от 7 до 14 лет.

№ 3, март, без указания даты (так будет и в следующих номерах).

Публикации А. Радченко, Б.Я. Лоренцо, Б-ича [Б. Бобовича]. В журнале фото и стихи Валентины Ивановой, умершей в 16 лет

Е.Л. Яворская

от туберкулеза. Очевидно, отсутствие именитых авторов вызвало снижение цены. Начиная с этого номера и до № 12 указана цена за подписку: на год 2 р. 50 коп., на шесть месяцев 1 р. 40 коп., на 3 месяца 75 коп. с доставкой и пересылкой. Снижается и розничная цена – с 15 копеек до 10 (на железнодорожных станциях соответственно с 20 до 15 копеек).

№ 4, апрель 1921 г.

С этого номера редакция уточняет возраст читателей, на которых ориентирован журнал. В выходных данных на первой странице появляется уточнение «литературно-художественный ... для детей в возрасте 9–14 лет».

В четвертом номере публикации Е. Гениса, Э. Кроткого, Э. Германа, статья о чахотке доктора М.И. Кранцфельда (отца поэта Александра Кранцфельда), Н. Топуза, продолжение статьи Б. Лоренцо. Начиная с этого выпуска исчезает рубрика «Людочкина мама», в дальнейшем в отдельных номерах будут советы в рубрике «Ручной труд». Редакция сообщает, что получено свыше 100 ответов на шарады и ребусы, и в связи с этим «будут печататься фамилии первых десяти читателей, приславших правильное решение»¹⁰.

На «Страничке наших читателей» стихотворением «Дитя» дебютирует Макс Поляновский, 10 лет.

Целый день играет
Малое дитя;
Горя ведь не знает,
Что ему – нужда?
Но отец – бедняга
Спину свою гнет,
Поневоле – скряга,
Полон дум, забот.
Должен он малютку
Накормить, одеть.
Труд для него – шутка,
Да работы нет.
Думает – гадает,
Как тут быть с бедой,
Мозг его съедает,
Ходит сам не свой.
А дитя играет,
Милое дитя!
Горя ведь не знает,
Что ему – нужда?¹¹

Рецензия гласит: «Стихотворение хорошее, особенно если оно написано без посторонней помощи. В 11 строке нужно только переставить слова, чтобы получилось так “Для него труд – шутка”»¹².

В «Почтовом ящике» ответ «М. Поляновскому, 10 л. Ребус Ваш принят и будет напечатан. Пейзаж присоединен к другим полученным редакцией рисункам для будущей “странички”»¹³. (Рисунки читателей были опубликованы только в № 4).

Журнал намерен печатать произведения молодых авторов в достаточно большом объеме: «Страничка», как правило, занимает две страницы журнала, «Развлечения и забавы» со второго номера печатают только придуманные читателями шарады, реже ребусы и занимают одну (порой две) страницы. Требований к текстам не так уж много. Собственно, главное: «Редакция журнала очень просит присылать для напечатания лишь те произведения (рассказы, стихи, загадки и пр.), которые придуманы *самими* читателями без посторонней помощи»¹⁴.

В журнале сознательно не правят тексты. В ответ на письмо недовольного читателя появляется обращение «К сотрудникам Странички»:

Если бы мы исправляли и переделывали работы читателей, то это были бы наши работы, а не их. Мы даем в Страничке то, что сами получаем, – интересно иметь настоящие, собственные произведения молодых авторов. Есть ошибки, но это не страшно – ведь писатели все молодые, которые позже научатся лучше писать. <...> Если же автору все же неприятны ошибки, если ему стыдно за них, пусть он поступает так, как многие из молодых – даже взрослых – писателей. Пусть подписывается не своей фамилией, а какой-нибудь придуманной им¹⁵.

За все время существования журнала этим воспользовался только один автор, подписавший свой рассказ «Наполеон Бонапарт»¹⁶. Надо отметить, что число юных поэтов значительно больше, рассказы появляются далеко не в каждом номере.

№ 5, апрель 1912 г.

Номер посвящен дню «белого цветка», обложка черно-белая, со стихотворением С. Давыдовой «Белый цветок», рисунком и фото на ту же тему.

Вновь публикуются стихи умершей от туберкулеза В. Ивановой. Статья М.И. Кранцфельда «Для чего устраиваются санатории и как в них живут» объясняет необходимость санаториев. Опубликована статья «Гибель Титаника».

Е.Л. Яворская

«Страничка наших читателей» с этого номера уже не дает развернутых рецензий на опубликованные тексты. Кроме упомянутого небольшого рассказа Наполеона Бонапарта опубликовано начало рассказа В. Гриншпуна 14-ти лет «Маленький художник». Продолжение обещают поместить в следующем номере. (Эта публикация будет иметь скандальные последствия). В «Почтовом ящике» обещают за недостатком места ответить на остальные письма в № 6.

Похоже, после первого всплеска интереса к журналу число покупателей уменьшается. Об этом можно судить по сообщению: «С № 6 редакция по-прежнему будет помещать фамилии всех читателей, приславших верные решения шарад, задач, ребусов и пр.»¹⁷.

№ 6, май 1912 г.

Публикации Г. Владимирского, Галины Найи, И. Ребельского, Ар. Фортунатова, В. Глоговского. Впервые появляется раздел «Для маленьких детей» с рассказами и сказками Дана, М. Осиповича, С.Д. Фельдмана, С. Давыдовой. В дальнейшем это не будет иметь продолжения.

В рубрике «Текущая жизнь» – очерк «День колоса ржи» («день» проводился 9 мая, средства шли на помощь голодающим крестьянам), дополняющий рассказ И. Ребельского на ту же тему. Сообщается, что 23 апреля, в «день белого цветка», собрали 48 тысяч рублей.

В номере помещен некролог писателю-народнику П.В. Засодимскому.

Журнал сталкивается с откровенным плагиатом юных авторов. В «Почтовом ящике» сообщают: «В. Гриншпуну. Вы ввели редакцию в заблуждение, поставив свое имя под рассказом Н. Брешко-Брешковского, помещенном в № 3 журнала “Нашим детям” за 1910 г. Сам собой разумеется, что обещанного окончания этого рассказа в страничке наших читателей не будет»¹⁸.

После этого в регулярном издании журнала наступает перерыв до октября.

№ 7, октябрь 1912 г.

Количество страниц журнала сокращается до 16. Номер значительно беднее, всего четыре автора: В. Дмитриева, Гр. Владимирский, Л.З. Ларина, Ар. Фортунатов. Появляются рубрики «Ручной труд», «Наблюдения и опыты».

Расширяется круг читателей и юных авторов – на «Страничке» помещены стихотворение и рассказ Нюры Александровой, 12 лет (Воронеж).

№ 8, октябрь 1912 г.

Впервые содержание журнала напечатано не на отдельной странице, крупным шрифтом, а на первой, мелким, под выходными данными. В таком виде журнал будет выходить и в дальнейшем.

Уменьшается количество авторов, в номере лишь Л. Ларина и М. Герцман. Журнал выходит из положения, публикуя стихи В. Ивановой.

«Развлечения и забавы» помещают шараду:

Звериное рычание будет первый слог;
Целого окончание – простой предлог;
Целое ж без крови не обходится никогда;
Это злобный спор двух народов, вражда. [Отгадка – война]
С. Гехт, 12 лет¹⁹.

Как уже отмечалось, журнал при первой публикации обязательно указывал возраст автора. Следовательно, год рождения С.Г. Гехта – 1900 г. Но, согласно справочникам, «Семен Григорьевич Гехт родился 14 (27) марта 1903 года в Одессе»²⁰. По словам родных, он родился в конце 1900 – начале 1901 гг.²¹. При рождении Гехта назвали Авраамом, но «по старой еврейской традиции, если кто-либо из детей заболевает, ему дополнительно давалось новое имя. Таким образом, у меня с детства два имени – Авраам и Семен»²². В Метрической книге одесского раввината о родившихся за 14 марта 1903 г. запись о рождении Авраама (либо Семена) Гехта отсутствует²³. Ребенок с таким именем и фамилией не зарегистрирован в книгах Одесского раввината за 1900–1904 гг. Следовательно, на сегодня нет документально подтвержденных данных о годе и месте рождения С.Г. Гехта.

В «Почтовом ящике» ответ редакции: «С. Гехт, 12 лет. Стихотворение Ваше не подходит. Шараду поместим. Тщательно работайте над стихотворениями и присылайте: может быть, будет удачнее»²⁴.

На четвертой странице обложки впервые появляется реклама вместо повторявшегося из номера в номер перечня авторов журнала.

№ 9, ноябрь 1912 г.

В этом номере появляются рассказы заявленных в рекламе авторов – Л. Кармена и Н. Самойловой. Опубликовано сообщение о смерти Д.Н. Мамина-Сибиряка и его портрет. К привычным рубрикам «Ручной труд» и «Всякая всячина» примыкают очерки о дрессировке собак и китайских тенях.

«Развлечения и забавы» печатают загадки М. Поляновского, есть его фамилия и в списке решивших ребус. По этому списку можно составить представление о широте распространения журна-

Е.Л. Яворская

ла к этому времени (названия городов приводятся после фамилии): Кишинев, Аккерман, Измаил, Елисаветград, Умань, Херсон, Бирзула, Смела, Унгены, Каменецк-Подольск, Черкассы, Переяслав, Николаев, Златополь, Раздельная. До этого в ответах упоминались только Елисаветград и Смела. Ответы читателей из Одессы особо не оговаривались, за исключением Большого Фонтана (в то время считавшегося дачной местностью).

В «Развлечениях...» – очередная задача М. Поляновского, в «Почтовом ящике» – ответ: «Шарады не подходят. Задачу помещаем»²⁵.

№ 10, ноябрь 1912 г.

На второй странице обложки сообщается об открытии подписки на 1913 г. «Программа журнала: Отдел беллетристики, художественный отдел, отдел воздухоплавания, научный отдел, развитие детской самодеятельности, библиография, смесь. Подписка принимается в конторе и редакции и во всех книжных магазинах». Это сообщение повторяется и в 11, и 12 номерах. В номере статьи и стихи А. Радченко, Б. Бобовича, Л. Гаяши. Помещен небольшой текст памяти Д.Н. Мамина-Сибиряка. Появляются читатели в Вознесенске, Симферополе, Керчи, Голте, Харькове, Чернигове, Гомеле, Каневе, Киеве, Бельцах.

Опубликована шарада С. Гехта, в «Почтовом ящике» – ответ: «Стихотворение не подходит. Не смущайтесь и посылайте еще»²⁶. Начиная с десятого номера, редакция регулярно напоминает юным авторам: «Всех читателей, посылающих в редакцию письма, просим обозначить свой точный почтовый адрес, письма, неоплаченные соответствующими трехкоп[еечными] марками, не принимаются редакцией и предоставляются в собственность почтальона». Текст расположен сразу под «Почтовым ящиком».

№ 11, декабрь 1912 г.

В номере публикуются С. Зусер (в дальнейшем несколько биографических очерков будут подписаны инициалами «С.З.»), М. Герцман, Б. Борисов-Владимирский.

На «Страничке» опубликован рассказ «Норма» (об охотничьей собаке) М. Поляновского²⁷ и стихотворение С. Гехта «Тоска»:

Тихо догорает свечка...
Свет свой на меня бросает...
Не теплится больше печка...
Все тоска меня снедает.
Все, свои закрывши очи,
Крепким дремлют сном,
Только я сажу средь ночи
Бодрым, как и днем.

Про дни минувшие тоскую,
Когда я счастлив был,
Когда обласкан был родными,
Когда в согласьи с ними жил.
Я дни былые призываю
С мольбою, со слезами,
Я счастье и добро им обещаю
Напрасно... Ограда меж нами²⁸.

«Развлечения» публикуют очередную шараду М. Поляновского.

Журнал завоевывает новых читателей, в том числе и за границей.

«Почтовый ящик» сообщает С. Гехту: «Одно из Ваших стихотворений помещаем. Желательно было бы получить Вашу автобиографию (подробное описание Вашей жизни)»²⁹. Редакция явно интересуется жизнью своих авторов, особенно если стихи их в должной мере трагические. В том же номере аналогичная просьба и к Прагеру (автору журнала с № 3): «Прежде чем поместить Ваше стихотворение, желательно было бы получить от Вас Вашу автобиографию (описание своей жизни). Стихотворение Ваше нас очень заинтересовало. Смеем Вас уверить, что автобиография Ваша будет содержаться в тайне»³⁰.

№ 12, декабрь 1912 г.

Журнал открывается очередным стихотворением В. Ивановой (похоже, это стало спасением для редактора при отсутствии должного количества материалов). Также в номере – Макутов, С. Зусер, Б. Бергасова (перевод рассказа со шведского), Л. Гаяши.

«Страничка наших читателей» публикует второе стихотворение С. Гехта «Природа»³¹.

В списке решивших ребусы и шарады добавляются фамилии читателей из Бендер, Бара, Белокаменки, Ровно. В «Почтовом ящике» впервые ответы даны лишь части авторов опубликованных стихов и рассказов (Гехта среди них нет), остальным обещают «ответить в следующем номере». В следующем номере ответ редакции Гехту не появился, впрочем, ни стихи, ни шарады Гехта на страницах журнала в 1913 г. не публиковались.

В этом номере опубликован последний развернутый ответ одному из авторов, чьи стихи не были опубликованы. Из него следует, что журнал намеревался развивать умение владеть словом.

Желательно было бы, чтобы все наши читатели уделяли больше времени литературным работам. Можно, конечно, в досужее время написать шараду или шутку, но интереснее было бы для чита-

Е.Л. Яворская

телей поучиться письменно излагать свои мысли, чувства и настроения путем присылки своих работ для «Странички наших читателей»³².

С 1913 г. меняется внешний облик журнала. Вместо повторяющейся цветной обложки появляется черно-белая, с портретом русского или иностранного писателя. В номере печатается биографический очерк о писателе.

В отличие от предыдущего года журнал более четко придерживается графика выхода – два номера в месяц (за исключением февраля), но с каждым номером содержание становится все беднее. Больше места занимают «Всякая всячина» и курьезы.

С № 1 по № 3 на четвертой обложке печатается объявление об открытии подписки на 1913 г., с № 4 по № 7 – о продолжении подписки. Цена вновь увеличивается. «Подписная цена на 1 год 4 р., на 6 мес. 2 р. 25 коп, на 3 мес. 1 р. 25 коп. Подписка принимается в Конторе и Редакции “Детство и Отрочество” (Одесса, Екатерининская, № 70) и во всех книжных магазинах».

Журнал начинает печатать черно-белые репродукции картин малоизвестных художников размером в лист. Тема – картинки из жизни детей или сентиментальные сюжеты (игра котенка и щенка).

Реклама становится все более коммерческой. Со второго номера ее размещают и на второй, и на третьей страницах обложки. В № 4 на третьей странице обложки впервые названа стоимость объявления: «За строку петита впереди текста 60 к., за такую же позади текста – 40 к.», в № 5 эта информация размещена под выходными данными на первой странице.

Кроме сообщений о подписке на журналы «Сибирский архив», «Вістник культури та життя» (№ 1–2), «Природа и люди» (№ 4), рекламы книг «Г. Борн. “Турецкий султан” – свыше 1000 страниц убористой печати большого формата на роскошной бумаге и три тома посмертных художественных произведений Л.Н. Толстого» и объявления о распродаже по удешевленной цене 15 томов Г. де Мопассана (№ 5–6), появляются и совсем другие. Рядом с уже привычной рекламой магазина детской одежды «Бродский и Ко» возникают «корсетная Нелли в Одессе» и «М-ме Мария Озерская – парижские модели и новости. Готовые и на заказ шляпы, платья, костюмы, манто» (№ 2–7). «Вина товарищества Кармель» рекламируются с № 2 по № 7, «Международная экспортная контора А. Финкельштейна – велосипеды, швейные и пишущие машинки, фотографические и кинематографические аппараты» в № 4–6. К четвертому номеру окончательно падает уровень рекламы. Так, печатаются объявления о самоучителях немецкого, французского, англ-

лийского и латыни, с помощью которых можно выучить язык за 40 дней, о высылке бесплатного проспекта «Не кури».

В «Почтовом ящике» уже нет рецензий, только сообщение об отклоненных стихах и рассказах, нескольких авторов приглашают «заглянуть в редакцию между 11 и 1 часом дня».

К списку городов, в которых читают журнал, в 1913 г. добавляются Варшава, Ченстохова, Тифлис, Мариуполь, Ананьев, Бендеры, Проскуров, Килия, Бельцы, Шабо.

№ 1, январь 1913 г.

На обложке портрет Н.А. Некрасова (к 35-летию со дня смерти). На второй странице обложки очерк «Пожалейте их» – о детях-нищих. Авторы рассказов и стихов – С. Зусер (начало публикации рассказа «В пансионе»), Л. Гаяши, Н. Геккер, Д. Днепрова-Черкасская.

Редакция «просит своих дорогих читателей, присылающих рассказы и стихотворения ... вместе с материалами присылать свои фотографические карточки. Перед каждым произведением редакция будет помещать портрет юного автора»³³.

«Страничка» публикует стихотворение М. Поляновского «Впегонку»³⁴.

Появляется новый раздел «Переписка наших читателей» – письма о понравившихся книгах, оценки стихов сверстников и т. п.

№ 2, январь 1913 г.

На обложке портрет Г.Х. Андерсена. В номере – С. Зусер (продолжение), два рассказа в переводе Л. Гаяши (с английского и с французского), очерк «Жизнь и творчество Г.Х. Андерсена». «Почтовый ящик» перемещается на третью страницу обложки, под ним тексты рекламы и объявления. Одно выбивается из стандартного ряда: «Электротехник, вернувшийся из-за границы, принимает заказы».

№ 3, февраль 1913 г.

На обложке портрет Г. Бичер-Стоу. В номере рассказ Г. Бичер-Стоу «Летун» (начало) и биография (подписана «С.З.»), С. Зусер (продолжение), И. Ребельский.

«Почтовый ящик» вновь на третьей странице обложки, под ним объявление: «Первое приложение к журналу “Детство и отрочество” – “Нашим детям” для детей дошкольного возраста выйдет к следующему №»³⁵. То же объявление будет повторено и в следующем номере.

№ 4, март 1913 г.

На обложке портрет Д. Дефо. Номер откликается на празднование 300-летия дома Романовых: портреты царя Михаила Федоровича и Николая II украшают статью «Триста лет тому назад» на

Е.Л. Яворская

первой странице, далее очерк «Как живет и работает государь император». «Из жизни русских царей» публикует исторические анекдоты. Литературные материалы представлены окончанием рассказов Г. Бичер-Стоу и С. Зусера, биографией Д. Дефо (подписана «С.З.»). В научном отделе очерк о гейзерах.

Контора журнала «просит гг. подписчиков, пользующихся рассрочкой платежа, внести следующий взнос до 10 марта. В противном случае высылка журнала будет приостановлена»³⁶.

№ 5, март 1913 г.

На обложке портрет Дж. Свифта. С переходом в новую типографию в верстке почти каждого номера досадные ошибки. В этом – страницы 14–15 идут перед страницами 4–5. В номере стихи Э. Кроткого «Ожил Пан», сказка Алисы Мартен «Принц Тьерри» в переводе неизменной Л. Гаяши и неизданные стихи В. Ивановой. Журнал публикует путевые заметки юной путешественницы о поездке во Францию не на «Страничке», а рядом со «взрослыми» авторами. Страницы заполнены описанием железнодорожной катастрофы на станции Лахны, сообщением об убийстве греческого короля Георга и фотографиями короля Георга и наследника Константина. Появляются фото во «Всякой всячине» – «малютка-дирижер» (шестилетняя девочка, дирижирующая детским хором из 200 человек), «чудеса природы» – карлик, двухголовая девочка, двухголовый червяк.

На «Страничке» опубликовано стихотворение М. Поляновского «Весна», рядом фото автора³⁷.

№ 6, апрель (в выходных данных ошибка: указан № 5 1913 г.)

На обложке портрет Сервантеса, над портретом: «год издания II-й». Практически весь номер занимает пьеса для детей по повести Элизы Фельзин «Его юбилей». Опубликовано окончание сказки «Принц Тьерри» и биография Сервантеса (подпись – «Ф»). Во «Всякой всячине» страницу занимают четыре фотографии «американской воздушной почты» с небольшими разъяснительными текстами под каждой.

№ 7 выходит без указания даты.

На обложке портрет В. Гюго. Журнал публикует рассказ Е. Любич и переводы с немецкого – Р. Штернберга «Смерть Цезаря» и французского – Р. Базена «Дева долины» без указания переводчика. В номере также биография Виктора Гюго (подпись – «Ф»).

После выхода этого номера журнал прекращает существование.

Два юных поэта – Гехт и Поляновский – впоследствии станут прозаиками. Но все же еще некоторое время посвятят поэзии. Любопытно сравнить отзывы и рецензии на их более позднее публикации.

В 1917 г. М. Поляновский удостоится ответа в «Почтовом ящике» сатирического журнала «Бомба» (редактором был один из авторов «Детства и отрочества» Б. Флит-Незнакомец): «М. Поляновскому. Этот автор откровенно пишет: *Господин редактор! Делаю первую попытку. До настоящего времени я работал в детских изданиях.* Лишнее доказательство того, что детей почему-то питают литературной трухой»³⁸. И лишь в 1918 г. он начинает печататься в выходявших в Одессе журналах «Буржуй», «Восход», «Фигаро» (одним из редакторов «Фигаро» был так и не появившийся на страницах «Детства и отрочества» Ар. Муров).

С.Г. Гехт возобновляет литературную карьеру значительно позже. 22 января 1922 г. газета «Известия Одесского губисполкома и губкома КП(б)У» напечатала стихотворение «9 января». Первая рецензия на его стихи была благожелательной: «Наибольшего внимания из читавших на последних заседаниях [литературного кружка «Потоки Октября». – Е. Я.] заслуживает, несомненно, молодой поэт С. Гехт. Прочитанные им новые стихи являются образными, художественно замыкающими картины и мысли, и лучшее его стихотворение “Быль” поражает своей простой “лирикой обыденщины”»³⁹.

Но именно на страницах малоизвестного одесского детского журнала впервые появились публикации будущих писателей.

Примечания

- 1 См.: Бельский М.Р., Ижик Л.В. Журналы старой Одессы: Справочник. Одесса: ВМВ, 2008. 118 с.
- 2 Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. С. 872. Там же. Т. 2. М., 1964. С. 172.
- 3 Гехт С.Г. В гостях у молодежи. М.: Советский писатель, 1960. С. 142–143.
- 4 Поляновский М.Л. «...И все бывшее» // Литературная Россия. 1968. 2 февр. № 6 (266). С. 18.
- 5 Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф.13. Оп.1. Д. 312. Л. 15. В заявленной типографии Сапожкова журнал не печатался.
- 6 Бельский М.Р., Ижик Л.В. Указ. соч. С. 23. Ошибочно указана типография Н. Лемберга (с № 1 по № 6 1912 г.).
- 7 Детство и отрочество. Одесса. 1912. № 1. 4-я страница обложки.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 Там же. № 2. С. 20.
- 10 Там же. № 4. С. 11.
- 11 Там же. С. 17.
- 12 Там же. С. 19.

Е.Л. Яворская

- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 17.
- 15 Там же. С. 19.
- 16 Авторы, как правило, вместо псевдонима ограничивались первой буквой фамилии. В «Почтовом ящике» четвертого номера редакция сообщает «Наполеону Бонапарту, 8 лет. Рассказик напечатаем. ... скажите, пожалуйста, неужели Вы и есть тот самый, – великий Наполеон Бонапарт?» (с. 19–20). (Рассказ «Как Миша и Гриша научились плавать» был опубликован в пятом номере.)
- 17 Детство и отрочество. № 5. С. 20.
- 18 Там же. № 6. С. 20.
- 19 Там же. № 8. С. 14.
- 20 Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М. 1964. С. 172; Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Иерусалим, 1982. С. 119; Российская советская еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 301; *Казак Вольфганг*. Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. С. 100.
- 21 Разговор с Ф.Л. Раскиной, внучатой племянницей Гехта, июль 2003.
- 22 *Шульман Э.* Опасность, или Поучительная история. По материалам одного следственного дела: Тексты и комментарии // Вопросы литературы. 2006. Март–апр. С. 265.
- 23 ГАОО. Ф. 39. Оп. 5. Д. 107. Л. 115–117.
- 24 Детство и отрочество. № 8. С. 16.
- 25 Там же. № 9. С. 13, 14.
- 26 Там же. № 10. С. 16.
- 27 Там же. № 11. С. 11–12.
- 28 Там же. С. 12.
- 29 Там же. С. 16.
- 30 Там же.
- 31 Там же. № 12. С. 12.
- 32 Там же. 3-я страница обложки.
- 33 Там же. 1913. № 1. С. 14.
- 34 Там же.
- 35 Бесплатное приложение к журналу «Детство и отрочество» – еженедельный иллюстрированный журнал для детей, как было сказано выше, выходил под названием «Лепестки».
- 36 Детство и отрочество. № 4. С. 17.
- 37 Там же. № 5. С. 13.
- 38 Бомба: Журнал революционной сатиры. Одесса, 1917. № 24. С. 14.
- 39 Литературная Одесса // Известия Одесского губисполкома и губкома КП(б)У. 1922. № 910. 16 дек. С. 3.

М.П. Одесский, Р.С. Спивак

РУССКИЕ ГАЗЕТЫ И «НЕЗНАКОМКА» БЛОКА: УБИЙСТВО ГАПОНА

В статье анализируется стихотворение А. Блока «Незнакомка» и показывается связь этого стихотворения с российской периодикой. В 1906 г. основной темой российских газет стало убийство знаменитого политика Г. Гапона. В статье доказывается, что в стихотворении Блока существует специфический «гапоно-газетный» фон.

Ключевые слова: газета, поэзия, политическое убийство, символизм, А.А. Блок, Г.А. Гапон.

Организация дач в России – продолжительный и сложный процесс, однако можно утверждать, что специфический «дачный текст», отличный, к примеру, от провинциального или усадебного, был освоен культурой только к рубежу XIX–XX вв. (пьесы А.П. Чехова, «Дачники» М. Горького)¹. В том числе – мотив «темной стороны» дачной жизни.

Самое простое выражение этого мотива – (1) криминальное – связано с базовой оппозицией «природа/цивилизация». Дача, которая удалена от цивилизации, есть место блаженного отдохновения и одновременно опасное место, где без городского освещения, без бдящей полиции человек превращается в легкую добычу злоумышленников. Нервозный персонаж «Дачников» бормочет: «...и кажется, что в лесу притаился кто-то <...> недобрый <...> Свистят сторожа и свист такой ...насмешливо-печальный... Зачем они свистят?»² В популярной книге «Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным» дачные топонимы то и дело выступают как место совершения преступления (события происходят в 50–80-х гг. XIX в.). Такова новелла, оза-

© Одесский М.П., Спивак Р.С., 2010

главленная «Парголово-ские черти». Зачин – почти идиллический: «...я частенько навещал мою семью, проводившую лето на даче, в третьем Парголово. Наслаждаться прелестями дачной жизни приходилось, однако, немного. Приедешь, бывало, на своем Серке (о железных дорогах и т. д. тогда еще и помину не было) на дачу часам к пяти, пообедаешь с семьей, погуляешь, а уже часам к 10 вечера спешешь обратно в город ...»³. И – по контрасту – «теплой августовской ночью» дачное шоссе обнаруживает infernalную изнанку: «Вдруг моя лошадь неожиданно остановилась и затем круто шарахнулась в сторону. Но в тот же момент чья-то сильная рука схватила Серку под уздцы и осадил его на месте... Я растерянно оглянулся вокруг и увидел по обеим сторонам своего кабриолета две самые странные и фантастические фигуры <...> Рожи их были совершенно черны, а под глазами и вокруг рта обрисовывались широкие красные дугообразные полосы. На головах красовались остроконечные колпаки с белыми кисточками. Черти, совершенные черти, как их изображают на дешевых картинках <...> Недостает только хвоста и рогов, подумал я; однако ясное дело – жулики!..»⁴ И т. п.

Более сложное выражение мотива «темной стороны» дачного текста – (2.1) социально-обличительное – предполагает противопоставление самозабвенной «праздности», которой предаются дачники, тоскливой изнанке их жизни (ср. в «Дачниках» напыщенно аллегорическую реплику человека из народа – ночного сторожа: «Сору-то сколько ... черти! Вроде гуляющих, эти дачники ... появляться, насорят на земле – и нет их <...> А ты после ихнего житья разбирай, подметай ...»⁵).

Применительно к Петербургу это противопоставление могло поддерживаться (2.2) привычкой столичных жителей использовать загородные дачи – Шувалово, Озерки – не только для летнего проживания, но для прогулок и всякого рода развлечений. Здесь хрестоматийным может считаться стихотворение А.А. Блока «Незнакомка», при публикации которого автор счел необходимым указать в качестве места создания (и действия) Озерки.

Как писала З.Г. Минц, «в плане социальной интерпретации пространственных характеристик было бы интересно сравнить образы “дачи” и “дачников” у Блока с их решением в реалистической прозе начала XX в. (М. Горький, А. Куприн, Л. Андреев, И. Бунин и др.)»⁶. Первоначально «Незнакомка» предназначалась для сатирического журнала З.И. Гржебина «Адская почта» (ср. постоянно цитируемое свидетельство В.Б. Шкловского⁷) в качестве «произведения комического или сатирического плана»⁸, вполне соответствуя обличительному дискурсу⁹. Однако вскоре стихотворение, завоевав широкую популярность, эмблематизировало и обогатило новыми нюан-

сами текст петербургских дач. Григорий Чулков: «... эти “испытанные остряки”, этот “крендель булочной” и эти “загородные дачи” – лишь фантомы и призраки ... остался лишь призрак быта, лишь темный кошмар ...»¹⁰. Вильгельм Зоргенфрей: «Помню, “Незнакомка”, недавно написанная и прослушанная нами весенним вечером, в обстановке “загородных дач”, после долгой прогулки по пыльным улицам Лесного, произвела на всех мучительно тревожное и радостное впечатление...»¹¹. Борис Садовской: «По пути Александр Александрович указал мне исторический “крендель булочной”, воспетый в “Незнакомке”. На солнце он действительно золотился»¹². Корней Чуковский: «Я часто встречал Александра Александровича там, в Сестрорецке, а чаще всего в Озерках и в Шувалове, которые он увековечил в своей “Незнакомке” и в стихотворении “Над озером»»¹³. Константин Мочульский: «Таинственное видение включено в пошлую раму сестрорецкого пейзажа: переулочная пыль, крендель булочной, остряки в котелках, сонные лакеи, пьяницы с глазами кроликов»¹⁴.

Суммируя наблюдения о «темной стороне», можно сказать, что существенный признак дачного топоса – принципиальная двуприродность. Вспоминая – в устойчивой связи с блоковской «Незнакомкой» (ср., по Мочульскому, оппозиция «таинственное/ пошлое») – Озерки, В.А. Пяст назвал их (3) «тревожно-будничными»¹⁵.

В апреле 1906 г., когда Блок работал над «Незнакомкой», «тревожно-будничная» природа озерковских дач приобрела прямо шокирующий характер: именно в Озерках оборвалась бурная деятельность героя «кровавого воскресенья» – священника Георгия Гапона (1871–1906). Вернувшись в Россию в декабре 1905 г., он с женой, Марией Кондратьевной Уздалевой, поселился на территории Великого княжества Финляндского – в Териоках, на даче Питкинен, откуда легко было выбираться в Петербург (где он также снимал квартиру под фамилией Гребницкого). Гапон был очень занят: он стремился восстановить в России функционирование своей рабочей организации, он налаживал контакты с властью – с вице-директором департамента полиции П.И. Рачковским.

Кроме того, с февраля 1906 г. в прессу проникали сведения о его финансовых махинациях. Гапон, борясь за спасение репутации, в числе прочих мер требовал общественного суда, избрав уполномоченным литератора В.М. Грибовского и пригласив в комиссию кадета П.Н. Милюкова, авторитетного журналиста А.А. Столыпина (брата политика) и других. 12 марта в открытом письме он возмущался некомпетентностью и ничтожеством российской журналистики: «Какая жалкая, болезненная подозрительность политических дегенератов и неврастеников <...> О, Феликсы из “Биржевых

ведомостей”, Иуды из других газет и всякие мигающие совы на литературном болоте!.. Карлики и кроты! Вы видите только ближайшее, – вид золота вас тревожит и смущает, и вы, как продажная женщина, не в состоянии понять гордое сердце, чувствующее себя выше всяких искушений»¹⁶.

Одновременно Гапон затеял ту интригу, которая вскоре обернулась для него гибелью. Встретившись в московском ресторане с П.М. Рутенбергом – ближайшим знакомым в среде эсеров и соратником по событиям 9 января, Гапон неожиданно предложил ему от лица Рачковского сотрудничество с охранкой, то есть оплачиваемую должность полицейского осведомителя. Как известно, пораженный Рутенберг известил о предложении руководство партии (Е.Ф. Азеф, М.А. Натансон, Б.В. Савинков, В.М. Чернов) и получил разрешение на ликвидацию прежнего революционного лидера. Далее Рутенберг самостоятельно работал с группой революционеров, стремясь заручиться свидетелями, готовыми подтвердить факт предательства Гапона перед теми, кто продолжал доверять вождю. Убедив группу в своей правоте, Рутенберг приступил к выработке конкретного плана.

Прежде всего отвергли идею убить Гапона в Териоках. По воспоминаниям Рутенберга, «сначала, согласно инструкции Азефа, все было мною сорганизовано в Финляндии. Но я вовремя увидел неуместность этого акта на финляндской территории и все отменил»¹⁷. «Никто, кроме меня», – пояснял Рутенберг, – до смерти Гапона не знал о даче в Озерках, которая была нанята мной неожиданно, вопреки инструкциям Азефа, поручившего все сделать на финляндской территории. (Может быть, он этим имел в виду скомпрометировать Финляндию)»¹⁸ «Обсуждался и вариант ликвидации Гапона на его квартире в Петербурге»¹⁹. В итоге остановились на специально снятой даче близ Петербурга. Думали о Шувалове, даже осмотрели помещение, но там дача, согласно анонимному мемуаристу, «не подошла из-за слишком близкого соседства станового»²⁰. Потом сняли дачу в Озерках, на углу Ольгинской и Варваринской улиц, в глухом месте – в сосновой роще на берегу озера. Рутенберг вспоминал: «Была нанята дача Звержицкой, в Озерках, на имя И.И. Путилина, явившегося туда в сопровождении своего “слуги”. Из конспиративных соображений пришлось потребовать, чтобы дачу убрали...»²¹. Пикантно, что Рутенберг назвался Иваном Путилиным, возможно, игриво напоминая полиции об известном сыщике. Мебель была только в одной комнате, и, как позднее живописал ее эсер-литератор С.Д. Мстиславский, «именно это придавало ей особенно нежилой вид. Стол овальный, с потрескавшейся, горбами скоробленной, ореховой фанерой, два стула, чуть осевший

на одну ногу, розовым пыльным кретоном крытый, диванчик. Со стола чахлым огоньком мигала жестяная лампочка. Два стакана, четыре тарелки, горкой, одна на одну, вилки, столовый нож»²².

Все было готово, Рутенберг вызвал Гапона. На Страстной неделе – 28 марта 1906 г. – Гапон отправился в Озерки с Финляндского вокзала, запасшись обратным билетом. На даче Рутенберг спровоцировал откровенный разговор о полиции, его сотрудники, заранее спрятавшись, услышали все необходимое, и Гапон был ими безжалостно казнен как предатель. П.М. Рутенберг: «Гапон был повешен в 7 часов вечера во вторник 28 марта 1906 года. Я не присутствовал при казни. Поднялся наверх, только когда мне сказали, что Гапон скончался. Я видел его висящим на крюке вешалки в петле. На этом крюке он остался висеть. Его только и укрыли шубой. <...> Все ушли. Дачу заперли»²³.

Убийство Гапона в течение некоторого времени оставалось тайной. На следующий день либеральная газета «Русское слово» сообщала: «... Георгий Гапон в настоящее время стал появляться в одном из рестораников на Владимирской улице, где обыкновенно собирается мелкая пишущая братия. Среди этой братии упорно говорят, что Гапон приступает к изданию политико-сатирического журнала»²⁴.

Только 13 апреля 1906 г., пока другая либеральная газета, «Биржевые ведомости», продолжала брезгливо спорить с «гадостью» – открытым письмом Гапона от 12 марта, информированная газета «Новое время» поместила заметку «Убийство о. Гапона»: «По слухам, распространившимся сегодня ночью в городе, в посаде Колпино Николаевской железной дороги найден обезображенный труп Гапона, убитого неизвестно кем и неизвестно при каких обстоятельствах. Труп оказался зарытым в кучу мусора. При нем найдено сто рублей. Но правда ли? Те подробности, которые нам переданы, мы не могли проверить за поздним часом. Несколько дней тому назад, в заметке об исчезновении о. Гапона, мы приводили рассказ о свидании его с одной дамой, которая предупреждала его о возможности убийства. Затем говорилось, что его сослали в монастырь, но сегодня это известие опровергнуто. И вдруг сегодня слух об его насильственной смерти. Если это справедливо, то это так же возмутительно, как все эти так называемые политические преступления, эти тайные судилища, напоминающие жестокие нравы средних веков».

Газетный сюжет развивался по нарастающей, преимущественно на страницах «Нового времени». 15 апреля – на «ударной» первой полосе – материал «К исчезновению Гапона»: «В четверг 10 апреля о. Гапон тайно повешен четвергья русскими революционерами,

принадлежащими к рабочим классам. <...> Фигурирует дача <...> А возможно, что все это комедия, или роман во вкусе “Воскресший Рокамболь”». На следующий день – информационный блок: аналитическая статья А.А. Столыпина и статья «К убийству о. Гапона», подписанная «Маска». Это был псевдоним И.Ф. Манасевича-Мануйлова, отчасти журналиста, отчасти сотрудника разведки и контрразведки. Статья, как теперь принято говорить, имела характер «слива» – вброса в общественное сознание достоверных, однако тенденциозно препарированных сведений. Например: «За несколько дней до рокового случая Гапон является к лицу, переговоривавшему с Мартыном (партийный псевдоним Рутенберга. – М. О.), и сообщил ему, что решительный разговор должен произойти на сих днях в окрестностях Петербурга, причем почти с уверенностью можно предсказать успех делу <...> Нет сомнения, что свидание состоялось, и тут-то Мартын решил покончить со своим “демон-искусителем” <...> Весьма возможно, что они виделись в Озерках <...> Знаменитый Мартын и его товарищи исчезли из Петербурга и находятся теперь за границей ...». В статье «О Гапоне», помещенной в номере «Нового времени» от 18 апреля, «Маска»-Мануйлов дал развернутую характеристику Рутенберга: «Одним из таких типичных жуиров, между прочим, является некий Мартын (Рутенберг), для которого революция лишь одно сплошное гешефтмахерство. Под предлогом осуществлений разных предприятий революционного характера он выманивает немало денег и тратит их с легкостью гусарского корнета на первоклассные рестораны и девиц легкого поведения».

Наконец, сюжет убийства Гапона перестал быть эксклюзивом «Нового времени» – 17 апреля информация дается в «Русском слове» (почти идентичный текст – в «Биржевых ведомостях»): «... вчера совершенно случайно сыскная полиция получила сведения, что в Териоках в одной из старых запущенных дач найден труп Гапона. Немедленно на место происшествия прибыли судебные власти, которыми и удостоверено убийство Гапона. Подробности убийства еще не выяснены, но достоверно известно, что Гапона заманили в Териоки на свидание с одной дамой». Как нетрудно заметить, вторичность сведений либеральной прессы привела к тому, что вместо Озерков фигурируют Териоки (возможно, по той причине, что там находилась дача Гапона).

Впрочем, «Новое время» удерживало первенство: 19 апреля убийству Гапона посвящен новый блок, в который входят эссе В.В. Розанова «Пегий человек»; разосланный в газеты текст «суда» рабочих; протесты жены Рутенберга против инсинуаций «Маски». Отсутствие тела, разноречивый характер информации, авантюризм

Гапона наталкивали журналистов на странные подозрения: «В самом деле, люди убили человека и не говорят, где его убили. По-видимому, скрывать это нет никакой причины. Английский корреспондент назвал какую-то дачу в Озерках, где его повесили на лампе (так!). <...> Приходит даже мысль, не сам ли Гапон это проделывает, чтобы навек удалиться из России». 21 апреля некий М.А. также во всем усомнился, аргументируя выводы литературным анализом революционного «приговора»: «Приговор этот фальшив до очевидности. <...> Для революционного приговора он длинен и достаточно глуп. По своим ненужным подробностям о свидании с чиновниками, по фразам вроде “он осквернил память”, что-то женское. *Cherchez la femme*. <...> Но мертвого тела Гапона не существует».

Тем временем обеспокоенная отсутствием съемщиков хозяйка дачи в Озерках, Звержинская, стала наводить справки; в адресном столе выяснилось, что лже-Путилин отбыл из Петербурга; Звержинская обратилась в полицию; 30 апреля дача – в присутствии урядника, дворников – была вскрыта; труп обнаружили. Опустили Гапона. Было произведено вскрытие (в полицейском архиве сохранилась жутковатая фотография). Собралась пресса. Журналист Н.И. Кравченко сделал карандашный набросок убитого, который позднее был опубликован.

В номере «Нового времени» от 1 мая (отдел хроники) были представлены точки над «i» – «Гапон найден»: «30 апреля в 5 ч. дня в Озерках нашли тело Гапона. Таинственная история его исчезновения раскрылась неожиданно. Правда, были слухи, циркулировавшие давно, что Гапон повешен в Озерках где-то в пустой даче. Слухи подтвердились буквально. <...> Страшно кончил этот человек, заставивший так много говорить о себе».

Ситуация была настолько одиозной, что 12 мая министр внутренних дел П.А. Столыпин отправил петербургскому генерал-губернатору А.Д. Зиновьеву гневное письмо-выговор: «В целом ряде сообщений, опубликованных в течение прошлого апреля в наиболее распространенных газетах, заключались самые настойчивые и подробные указания, со ссылкой на местные и заграничные источники и на свидетельства очевидцев, относительно убийства Гапона, при таких, именно, условиях места и времени, которые впоследствии в точности подтвердились обнаруженными фактами. <...> Не подлежит сомнению, что при большей заботливости достаточно было бы обратиться к своевременной беглой проверке Озерковских дач, и преступление было бы раскрыто, а не оставалось бы безгласным в продолжение целого месяца»²⁵. Генерал-губернатор трогательно оправдывался: в Озерках – до 2000 дач, а полицейских уча-

стковых чинов – двое, однако местного станового пристава уволил от должности²⁶.

4 мая «Русское слово» поведало об итоговых событиях предыдущего дня: «Сегодня на Успенском кладбище состоялись похороны Гапона. Присутствовали представители всех гапоновских организаций. Возложено много венков с красными лентами и надписями на них: “Герою 9-го января”, “Дорогому учителю”, “Истинному вождю всероссийской революции” и т. д. С госпожой Уздалевой, женой Гапона, несколько раз была истерика. Над могилой произнесено несколько речей». Могила Гапона также оказалась в пределах Петербургского дачного локуса: Успенское городское кладбище расположено недалеко от станции Парголово.

Сторонники Гапона продолжали чтить его могилу и даже совершали паломничества к озерковской даче – своего рода новой Голгофе. По сообщению «Русского слова» (номер от 18 августа), «15-го августа, в день празднования Успения Божией Матери, на Успенское кладбище отправлялось много народа; три поезда были настолько переполнены, что некоторые пассажиры поместились на локомотив. Особенно много народа собралось около могилы Георгия Гапона, которую посетители буквально засыпали цветами. По окончании литургии отцом Захарием, товарищем Гапона по семинарии, была отслужена панихида, причем пел хор последователей Гапона. Тут же находилась г-жа Уздалева и горько рыдала. Один из последователей Гапона хотел произнести речь, но полиция не допустила этого. После этого многочисленная публика посетила могилу павших 9-го января. На обратном пути последователи Гапона посетили дачу в Озерках, на которой Гапон был убит».

Итак, апрель 1906 г. – это прогулки Блока по пригородам, по Озеркам, создание «Незнакомки» и это агрессивное обсуждение в газетах исчезновения Гапона, вероятного убийства, причем в качестве места совершения преступления упорно называются Озерки.

Разумеется, не исключено, что Блок – поэт-символист, к тому же выпускник, занятый университетскими экзаменами, и муж, подавленный семейными неурядицами, – мог попросту игнорировать газетную шумиху или, заметив ее, не обратить внимание на Озерки.

Однако Блок далеко не пренебрегал прессой²⁷. В 1905 г. он (наверное, подобно всем россиянам) увлекался Гапоном²⁸, и если собственно в апреле 1906 г. упустил газетный «сюжет», то спустя некоторое время должен был осознать невольный политико-профетический подтекст «Незнакомки». «Тревожно-будничная» природа дачного текста оказывалась мотивированной не только оппозицией «таинственное/ пошлое», но и, так сказать, (4) «внутренне чреватое катастрофами/наружно спокойное».

Возможно, этим объясняется внесение Блоком даты написания стихотворения при работе над «Мусагетовским» изданием «Собрания стихотворений» (1911 г.): к пространственной локализации «Озерки» (как значилось в «Нечаянной радости», 1907 г.) он здесь добавил темпоральную – «апрель 1906». Судя по дате в беловом автографе, Блок написал «Незнакомку» 24 апреля²⁹, так что «апрель» в «Мусагетовском» издании, бесспорно, соответствует биографической летописи поэта (и, кстати, лишний раз доказывает, что стихотворение создано после шумихи с Гапоном). Но – при учете формирующейся общей идеи трехтомника – актуализация даты открывает дополнительный метаисторический уровень в интерпретации стихотворения (ср. общее суждение З.Г. Минц: «Соотнесенность ранней лирики Блока с тем, что “реально” происходило в начале XX в., была очень важна для поэта, и чем дальше, тем больше осознавалась им»³⁰). Получается, что, хотя российское общество, не подозревая (буквально) о «скелете в шкафу», погружено во мнимое спокойное «дачное» существование, поэт-пророк в апреле 1906 г. провидит роковое преступление – убийство Гапона, обнаружившееся только 1 мая, и это убийство – симптом грядущих катастроф, того, «что никто не придет назад» (в стихотворении «Девушка пела в церковном хоре...» (август 1905 г.) – «...плакал ребенок/О том, что никто не придет назад»; в «Незнакомке» – «раздается детский плач»).

Похоже, история Гапона не прошла бесследно и для Андрея Белого, свидетеля гапоновской агитации Блоков в январе 1905 г. Соплазнительно предположить, что заглавие его последнего романа «Маски» (заключительная часть эпопеи «Москва») среди прочих смыслов содержит аллюзию на псевдоним Манасевича-Мануйлова «Маска», «засвеченный» в апреле 1906 г. Действительно, роман посвящен, в том числе, коррумпированной политической жизни России, ее преступным тайнам, что эффектно обобщалось фигурой Манасевича-Мануйлова. Стоит напомнить, что в мемуарной книге «Между двух революций» Белый рассказал о встрече с Манасевичем-Мануйловым в Париже в конце 1906 – начале 1907 г. и дал ему нелестную характеристику: «темная личность, провокатор», «журналист, подозрительный делец и охранник»³¹. А по воспоминаниям П.Н. Зайцева, Манасевич-Мануйлов послужил прототипом Велес-Непещевича, правительственного чиновника, организовавшего в романе «Маски» кампанию по выслеживанию и убийству агента иностранных разведок Мандро³².

В качестве лирического постскриптума – номер «Нового времени» от 5 мая 1906 г., где в очередной раз манифестировалась двуприродность дачного текста. Газета сообщала, со ссылкой на «на-

М.П. Одесский, Р.С. Спивак

ших корреспондентов», что в Лондоне «появилась таинственная личность, выдающая себя за Гапона, которого хотела убить полиция, но ошиблась и убила другого. Многие поверили и стали созывать митинги, но самозванец скрылся». С этой информацией соседствовала другая: «Дача, на которой был найден повешенным Гапон, уже снята и ремонтируется. Сюда переселяется какое-то семейство, уже живущее в другом флигеле, в котором много молодежи. Они относятся к вещам без предубеждения и не находят ничего страшного прожить лето в квартире, где было совершено преступление». Замечательный пример отсутствия суеверия и в то же время той социальной и эсхатологической слепоты, с которой полемизировал Блок.

Примечания

- 1 См.: *Лавелл С.* Дачники: История житья в России. 1710–2000. СПб.: Академический проект, 2008. Знаменательно, что автор этой основополагающей монографии апеллировал именно к заглавию пьесы Горького. «Дачники».
- 2 *Горький А.М.* Дачники // Горький А.М. Собр. соч.: В 17 т. М.: Художественная литература, 1963. Т. 16. С. 155.
- 3 *Путилин И.Д.* Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путилиным. М.: Текст, 1990. С. 148.
- 4 Там же. С. 150.
- 5 *Горький А.М.* Дачники. С. 228; см. карикатуры в газетах «Петербургский листок» и «Шут», высмеивающие приобретение имени народным писателем Горьким: *Русаков В.* Максим Горький в карикатурах и анекдотах. СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1903. С. 20–21.
- 6 *Мицк З.Г.* Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство – СПб, 1999. С. 483.
- 7 *Шкловский В.Б.* К теории комического // Эпопея. 1922. № 3. С. 58.
- 8 *Громов П. А.* Блок, его предшественники и современники. Л.: Советский писатель, 1986. С. 159.
- 9 О благотворном аспекте прогулок Блока как бегства от «узости» и «ужаса» столицы – «на острова, в Удельную, Шувалово, Озерки, Сосновку» см.: *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс–Культура, 1995. С. 243. См. также замечания о социально мотивированном страхе фабричных «Островов» у бюрократа Аблеухова в «Петербурге» Андрея Белого: Там же. С. 235–236.
- 10 *Чулков Г.* Покрывало Изиды: Критические очерки. М.: Золотое Руно, 1909. С. 112–113.
- 11 Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. В. Орлов. М.: Художественная литература, 1980. Т. 2. С. 12.
- 12 Там же. С. 53.

- 13 Там же. С. 220.
- 14 *Мочульский К.В.* А. Блок. Андрей Белый. В. Брюсов. М.: Республика, 1997. С. 84.
- 15 Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 375.
- 16 Цит. по: *Ксенофонов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М.: РОССПЭН, 1996. С. 245.
- 17 *Рутенберг П.* Убийство Гапона. М.: Слово, 1990. С. 71–72.
- 18 Там же. С. 110.
- 19 *Ксенофонов И.Н.* Указ. соч. С. 250.
- 20 Там же. С. 251.
- 21 *Рутенберг П.* Указ. соч. С. 72.
- 22 *Мстиславский С.* Смерть Гапона. М.: Огонек, 1928. С. 17.
- 23 *Рутенберг П.* Указ. соч. С. 80.
- 24 Благодарим Сергея Сокуренько за доброжелательные консультации о прессе начала XX в.
- 25 *Ксенофонов И.Н.* Указ. соч. С. 263.
- 26 См. резко отрицательную оценку операции Рачковского по заагентуриванию Гапона и Рутенберга руководителем политической полиции: *Герасимов А.* На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 66–67.
- 27 См., напр., упоминание «Нового времени» в записных книжках за май 1906 г.: *Блок А.* Записные книжки: 1901–1920 / Сост. В.Н. Орлов. М.: Художественная литература, 1965. С. 75.
- 28 *Андрей Белый.* О Блоке / Сост. А.В. Лавров. М.: Автограф, 1997. С. 131–139.
- 29 *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2: Стихотворения. Книга вторая (1904–1908). М.: Наука, 1997. С. 759; в посмертном «Алконостовском» издании Собрания сочинений (1922 г.) вместо «апрель 1906» поставлено «24 апреля», то есть дата белого автографа, что с тех пор обрело статус публикационного «канона».
- 30 *Миц З.Г.* Указ. соч. С. 390.
- 31 *Белый Андрей.* Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990. С. 131, 155; ср. в записных книжках Блока за 1917 г.: «Омерзительный, малорослый, бритый; “журналист” – из нововременской пивной» (*Блок А.* Записные книжки. С. 338).
- 32 Цит. по: *Белый Андрей:* Проблемы творчества / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М.: Советский писатель, 1988. С. 576.

Ю.Г. Бит-Юнан

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА В.С. ГРОССМАНА В СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 30-х гг.

Автор статьи анализирует отзывы о творчестве советского писателя и журналиста В.С. Гроссмана, опубликованные в советской периодической печати 30-х гг. Сопоставляя их с материалами «проработочных кампаний» в советской журналистике, исследователь доказывает, что критическое отношение Гроссмана к советским идеологическим установкам было сразу замечено рецензентами. Именно поэтому журналисты, писавшие о Гроссмане вполне доброжелательно, ценившие его высокий профессионализм, избегали подробного рассмотрения некоторых рассказов на страницах периодических изданий.

Ключевые слова: Гроссман, советская журналистика, критики, история советской журналистики, история советской литературы, рецепция, «проработочные кампании», литературная репутация, еврейский вопрос в советской литературе.

Анализ рецепции творчества В.С. Гроссмана – достаточно сложная задача. В первую очередь потому, что его литературная репутация противоречива.

До момента публикации романа «Жизнь и судьба» в СССР Гроссман официально считался пусть и весьма одаренным, но в целом обычным советским писателем. Его литературному дебюту в 1934 г. сопутствовали похвалы М.А. Горького¹. Ранние произведения были встречены благожелательными отзывами критиков². Довоенные «проработочные кампании» Гроссмана не коснулись. И массовые аресты писателей на исходе 30-х гг. – тоже. В период Великой Отечественной войны Гроссман был фронтовым корреспондентом. Репутация опять безупречна: «по тылам не отсиживал-

© Бит-Юнан Ю.Г., 2010

ся». Уже в 1943 г. повесть Гроссмана «Народ бессмертен» рассматривалась руководством Союза советских писателей при номинировании на Сталинскую премию³. Немногочисленные послевоенные эксцессы, казалось бы, ничего не меняли. Да, в 1946 г. пьесу Гроссмана «Если верить пифагорейцам» критики бранили довольно жестоко⁴. Еще более жестокой была критическая кампания в 1953 г., после публикации романа «За правое дело»⁵. Но извергали громы в те годы на многих и многих арестовали. Опять же, была причина, считавшаяся очевидной: Гроссман постольку стал объектом «проработки», поскольку был евреем, а в 1953 г. продолжалась очередная антисемитская кампания – «борьба с безродными космополитами»⁶. И пострадал не только Гроссман. Тем не менее, автор романа, объявленного «клеветническим», не был арестован. «За правое дело» же впоследствии признали соответствующим всем канонам социалистического реализма и неоднократно переиздавали в 50-е гг.⁷

Об истории романа «Жизнь и судьба» в Советском Союзе мало кто знал. Конфискация рукописи сотрудниками КГБ не стала достоянием гласности. Потому литературная репутация Гроссмана официально не пересматривалась. И в начале 80-х гг., когда за границей была напечатана «Жизнь и судьба», почти ничего не изменилось. В соответствии с цензурной установкой, публикацию официально игнорировали. О ней опять мало кто знал, потому и открытых переоценок творческого наследия Гроссмана не было.

Еще через несколько лет, когда роман «Жизнь и судьба» был издан на родине автора, гроссмановская репутация изменилась кардинально. На рубеже 80–90-х гг. Гроссман – советский писатель-нонконформист. Именно в таком порядке. Во-первых, советский, во-вторых, нонконформист. Судя по критическим отзывам тех лет, Гроссман – истинный коммунист, верный последователь В.И. Ленина, пытавшийся обличить пороки тоталитарного режима, установленного стараниями И.В. Сталина⁸. Получился некий парадокс: Гроссман боролся за советскую власть против советской власти.

В 1990-е гг. литературная репутация Гроссмана вновь меняется. Цензуры уже нет, благодаря чему критики объявляют Гроссмана нонконформистом, на исходе 50-х гг. решившимся во имя общечеловеческих ценностей бороться с тоталитарным режимом⁹. Примерно так гроссмановская репутация осмыслиется и ныне. Итоговая оценка экстраполируется на феномен в целом.

Непонятным было только, когда и как Гроссман стал таким. Когда и почему «прозрел». Гипотезы, объяснявшие это явление, высказывались неоднократно. Одни исследователи утверждают, что мировоззрение Гроссмана резко изменилось после так называемо-

го «разоблачения культа личности Сталина», почему и был написан роман «Жизнь и судьба». Другие настаивают на том, что «прозрение» было постепенным и началось гораздо раньше. Наиболее интересным и полным исследованием такого типа можно считать монографию британского ученого Фрэнка Эллиса «Василий Гроссман. Рождение и эволюция русского еретика»¹⁰.

В обоих случаях вне сферы внимания исследователей остается очень важное обстоятельство. Как бы ни «прозревал» Гроссман, сразу ли, постепенно ли, роман «Жизнь и судьба», признанный «антисоветским», а после и арестованный, был подготовлен к публикации на родине. Автор официально заключил договор с журналом «Знамя». Рукопись вполне официально изучалась редакцией. Значит, Гроссман должен был предвидеть, чем это может кончиться, ожидать возможного цензурного запрета, если уж решил, например, демонстрировать бесчеловечность некоторых советских идеологических установок и обличать антисемитизм не в качестве эксцесса, а как элемент государственной политики.

Почему в конце 50-х гг. многоопытный советский литератор действовал так дерзко, чуть ли не вызывающе – особый вопрос. В данном же случае существенно, что анализ рецепции работ Гроссмана позволяет сделать следующий вывод: писатель и прежде не раз оказывался если не за гранью, то у самой грани допустимого.

Своего рода индикатором в рецепции творчества Гроссмана можно считать еврейскую тему. С нее все начиналось. А в дальнейшем обращение Гроссмана к ней вызывало наиболее ожесточенные нападки критиков.

Отношение к этой теме было достаточно сложным в связи со специфическим положением евреев сначала в императорской России, а потом и в Советском государстве.

Как известно, в Российской империи дискриминация была прежде всего конфессиональной. Евреи были ограничены в правах постольку, поскольку исповедовали иудаизм. Запрет на владение землей, на государственную службу (кроме «всеобщей воинской повинности», но без права дослужиться до офицерского чина), ограничение в праве проживать вне специально отведенных территорий – «черты оседлости», а также ограничения при приеме в средние и высшие государственные учебные заведения были связаны именно с вероисповеданием. Крещеные евреи формально уравнивались в правах с христианами. Однако дискриминация конфессиональная неизбежно обуславливала и дискриминацию этническую, уже неофициальную, что, конечно, обеспечивалось идеологически.

Постепенно сформировался и начал распространяться «еврейский миф», в соответствии с которым всем евреям органически присущи алчность, трусость, лживость, порочность, все евреи неспособны к физическому труду, военной службе – интересуется их лишь торгашество и т. п. Вряд ли нужно доказывать, что антисемитизм был частью государственной идеологии, причем это отражалось даже на уровне гимназических учебников истории, высмеянных русскими интеллектуалами. Дебаты по «еврейскому вопросу» – общее место в российской периодике.

Февральская революция 1917 г. радикально изменила ситуацию. Представители всех конфессий были уравнены в правах. А в Советском государстве конфессиональной дискриминации поначалу не было вовсе, так как нападкам подвергались все верующие. Иудеи в этом отношении были равноправны, точнее, «равнобесправны». Зато антисемитизм формально отрицался, более того, преследовался в законодательном порядке. И «еврейский вопрос» в СССР был официально объявлен решенным. Считалось, что евреи, как и представители иных этносов, «вошли в братскую семью народов СССР». Однако реально уже к началу 20-х гг., когда в коммунистической элите развернулась борьба за власть, И.В. Сталин использовал антисемитскую карту. Прежде всего – для дискредитации Л.Д. Троцкого¹¹.

В 1929 г. Троцкий был выслан за границу. Между тем официальная борьба с его сторонниками, часто пропагандировавшаяся неофициально как борьба с «еврейским засильем в партии», нанесла серьезный ущерб советской идеологии: все же интернационализм был одной из компонент этой идеологии. Нужда в антисемитской карте отпала, и Сталин инициировал очередную пропагандистскую кампанию по «борьбе с антисемитизмом». Своего рода итог ее подведен в романе И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок», изданном в 1931 г. Как выразился один из персонажей, в СССР «евреи есть, а еврейского вопроса нет»¹². Подразумевалось, что в других странах евреи равноправны лишь формально, однако бытовой антисемитизм далеко не изжит, порою даже поддерживается на государственном уровне, почему и актуален «еврейский вопрос». А в СССР государственного антисемитизма нет, это и принципиально невозможно, бытовой же антисемитизм – лишь рецидив успешно изживаемого «царистского прошлого».

В 1929 г. журнал «Огонек» напечатал очерк Гроссмана «Бердичев не в шутку, а всерьез»¹³.

В русской культуре Бердичев – маркированный топоним. Своего рода символ «еврейского местечка», то есть небольшого городка в «черте оседлости». Бердичев – город, регулярно упоминаемый

в многочисленных «еврейских анекдотах». Но это, как подразумевалось в очерке Гроссмана, было одной из шуток, причем зачастую весьма злых. Всерьез же само слово «Бердичев» подразумевало ссылку на «еврейский миф». Сам Гроссман подчеркивал, что в досоветскую эпоху Бердичев – чуть ли не общеизвестный символ «еврейской торговой буржуазии, гнездо спекулянтов, – город, где живут торговлей и обманом»¹⁴.

Писатель настаивал, что и в Бердичеве «еврейский миф» очевидно противоречил действительности. Да, евреи составляли в Бердичеве большинство населения. Что, однако, не давало им преимуществ, потому как в остальном политическая ситуация соответствовала общероссийской. В Бердичеве были эксплуататоры: евреи и не евреи; в Бердичеве были эксплуатируемые: евреи и не евреи. Причем евреев эксплуатировали точно так же, как русских, украинцев и поляков, живших в Бердичеве. Потому эксплуатируемые солидаризовались в борьбе против эксплуататоров – и победили с оружием в руках. Опять же евреи и не евреи.

Больше нет в Советском государстве «черты оседлости», нет и «еврейских местечек». Бердичев стал обычным советским городом. Живут там обычные советские граждане. В советском Бердичеве евреи – равные среди равных. Рабочие, служащие, инженеры, красноармейцы, красные командиры – это норма, а не исключение. Завершался очерк патетически – описанием «великого памятника» героям гражданской войны, памятника на «братской могиле красноармейцев, погибших при взятии города. Там лежат бердичевские рабочие, добровольцы: поляки, евреи, украинцы; красноармейцы Интернационального полка: латыши, мадьяры, китайцы... Это великий памятник Интернационала»¹⁵.

Вполне, казалось бы, заурядный очерк в одном из наиболее массовых советских журналов. Как тогда говорили, «идеологически выдержанный». И основной вывод не противоречил ироническому афоризму, сформулированному героем Ильфа и Петрова. Действительно, в Бердичеве теперь «евреи есть, а еврейского вопроса нет». Разве что написан очерк лучше многих других, тогда опубликованных. Но есть и другие отличия.

«Бердичев не в шутку, а всерьез», можно сказать, у грани допустимого. Не за гранью, и не на грани, однако близко к ней. Слишком очевидны были ссылки на «еврейский миф», столь часто эксплуатирувавшийся в антитроцкистских кампаниях 20-х гг.¹⁶ Значит, содержалось в очерке и напоминание об этих кампаниях, когда антисемитские суждения в периодике почти не маскировались. Да и само заглавие подсказывало, что «еврейский вопрос» все-таки есть, а «еврейский миф» не разрушен окончательно за десять лет

советской власти. Потому и финал очерка, в сущности, становился констатацией факта и звучал почти как заклинание. Неслучайно писавшие о Гроссмани в советское время обходили вопрос о специфике его журналистского дебюта. Не так уж все безобидно в этой статье, лучше ограничиться упоминанием или вовсе «замолчать». В конце концов, главное для писателя – дебют литературный.

Литературная карьера Гроссмана началась несколько необычно. В литературу инженер-химик, выпускник МГУ, пришел почти тридцатилетним. До этого он и в промышленности работал, и учительствовал. И вот в 1934 г. альманахом «Год XVII» была опубликована его первая повесть – «Глюкауф»¹⁷.

Критика встретила ее, можно сказать, с энтузиазмом. Еврейской темы там нет, и вообще нет ничего «на грани» или хотя бы «у грани». Самая обычная повесть о модернизации донбасской шахты («Глюк ауф» – старинное шахтерское присловье, буквально, в переводе с немецкого, – «счастливо подняться», «счастливо вернуться из шахты»). И рецензировали повесть чуть ли не все крупные периодические издания: «Литературный критик»¹⁸, «Красная новь»¹⁹, «Художественная литература»²⁰, «Литературная газета» и т. п.²¹ Все отзывы были положительными, критики отметили «незначительные недостатки» и признали, что автор не новичок, а зрелый, опытный литератор – настоящий советский писатель.

В том же 1934 г. «Литературная газета» опубликовала рассказ Гроссмана «В городе Бердичеве»²². Но тут реакция критиков была иной: это произведение они «замолчали». Хотя, казалось бы, в печати появился самый обычный советский рассказ.

Время действия – 1920 г., советско-польская война. В центре повествования – женщина-комиссар Клавдия Вавилова, о которой никто из ее сослуживцев никогда и не думал как о женщине. Она в первую очередь – боец. Затем – политический руководитель. Должность обязывает ее быть образцом для соратников. И вдруг выясняется, что Вавилова беременна и вскоре родит. Вавилову «ставят на постой» в дом еврейского ремесленника Хаима Магазаника и его жены Бэйлы. Оплата – мыло и продовольствие. У Магазаников семь детей, так что Бэйла сумеет помочь беременному комиссару. Очень скоро Вавилова забывает о гражданской войне и становится обычной женщиной. Когда на свет появляется Алеша (так Вавилова назвала сына), жизнь революционера меняется в корне. Ребенок становится главным в ее жизни. Под грохот пушек счастливая мать поет младенцу колыбельные. Но вскоре товарищи сообщают Клавдии, что польские войска скоро займут Бердичев. Сначала она решает переждать тревожное время в доме Магазаника, а потом вместе с Алешей пробраться к своим через линию фрон-

Ю.Г. Бит-Юнан

та. Но через несколько дней, стоя на крыльце, она видит, как взвод красных курсантов под знаменем и с песней шагает навстречу наступающим польским войскам. Вавилова понимает, что эти мальчики идут на смерть, чтобы обеспечить отступление. И тогда она, оставив сына в колыбели, бросается вслед отряду. Мать становится бойцом и оставляет младенца. А Хаим смотрит ей вслед и говорит жене: «Вот такие люди были когда-то в Бунде. Это настоящие люди, Бэйла. А мы разве люди? Мы навоз»²³.

Гроссман акцентировал в финале, что отчуждение Вавиловой и Магазаников обусловлено не этнически. Хаим говорит, что он видел людей, подобных Вавиловой, в Бунде, еврейской социалистической организации. Подразумевалось тогда, что многие бундовцы, сражавшиеся с погромщиками в начале XX в., позже стали большевиками и погибли на гражданской войне.

Рассказ «В городе Бердичеве» не раз был опубликован. Его включали в сборники 1935, 1936 и 1937 гг. Гроссман, стоит подчеркнуть еще раз, не был обойден вниманием критиков. За шесть лет до начала Великой Отечественной войны появилось более тридцати рецензий на его публикации. Это довольно много, если сравнивать с количеством рецензий на публикации литераторов, дебютировавших в первой половине 30-х гг. Рассказы и повесть Гроссмана критики анализировали весьма подробно. Только «В городе Бердичеве» стал исключением. Этот рассказ упомянут лишь в трех статьях: А.З. Лежнева «Чувство товарищества»²⁴, С.Г. Гехта «“Рассказы” В. Гроссмана»²⁵ и И.Л. Гринберга «Мечта и счастье»²⁶.

Отзывы о рассказе тоже весьма специфичны. Лежнев считал, что динамику повествования обуславливает парадоксальность ситуаций и поступков героев: «Здесь сюжет образуют три парадокса. Первая ситуация парадоксальна сама по себе (рожающий комиссар!)... Вторая ситуация парадоксальна относительно первой: женщина-комиссар, которая только и думала о том, как бы «извести» ребенка, и жила исключительно интересами батальона, армии, войны, становится нежной матерью, принимает решение отстать от своих при отступлении, чтобы уберечь дитя. Третья ситуация парадоксальна относительно второй: мать бросает ребенка и уходит с армией»²⁷.

Лежнев обозначил факторы, которые определяют внутреннюю динамику повествования. Остальное предоставил читателю додумать самостоятельно – логического завершения нет.

Гехт акцентировал профессионализм Гроссмана. По словам рецензента, абсолютно неожиданно в «Литературной газете» среди «литературных эмбрионов, принадлежащих перу известных авторов» появилось зрелая работа. Это был, скорее, упрек редакции,

впрочем и похвала тоже: сумели редакторы оценить дебютанта, и в результате «за подписью неизвестного автора появился хороший рассказ»²⁸.

Затем критик в нескольких предложениях пересказал содержание рассказа. Вывод же относился лишь к мастерству автора: «Читатель проглотил всего пятнадцать книжных страничек, но надолго запомнил всех героев рассказа...»²⁹

Замечания Гринберга о рассказе «В городе Бердичеве» тоже кратки и невняты: «Люди, готовые отдать счастье за кусок мыла, составляют вторую группу героев Гроссмана. Они встречаются, вернее – сталкиваются, с большевиками почти в каждом рассказе». Далее приводится финальная фраза Магазаника, после чего рецензент отмечает, что гроссмановский персонаж – «бедняк и именно поэтому он так жесток к себе»³⁰.

Логическая связь здесь, по меньшей мере, сомнительная. Магазаник, понятно, бедняк, однако и Вавилова не из богатей. Критик ушел от анализа.

Судя по всем упоминаниям, пусть и скупым, «В городе Бердичеве» – рассказ, написанный мастером. Но тогда неясно, почему о нем появилось лишь три упоминания, и первое только через год после публикации. Этот рассказ похвалил Горький, чье мнение в 1930-е гг. было очень авторитетным. Но критики, рассуждая о гроссмановской прозе, ограничивались скухими характеристиками этого произведения. Статей с развернутым анализом «В городе Бердичеве» нет. Однако отсутствие в данном случае означает гораздо больше, чем написанное о других рассказах.

Причины значимого отсутствия неочевидны. «Еврейская тема» тут вроде бы ни при чем. Как таковая она не была запрещена. Молчание критиков объясняется, если обратиться к общеидеологическому контексту. Гроссман – буквально на грани допустимого.

Критики не могли не видеть, что в рассказе конкурируют две правды. Одна – правда идеологии, правда комиссара, пренебрегающего материнским долгом во имя идеи. Другая правда – общечеловеческая, в соответствии с которой мать своим долгом пренебречь не может. Для матери жизнь и счастье ребенка – высшая ценность. И позицию автора в рассказе сформулировать однозначно нельзя.

Формально коллизия решается в пользу идеологической правды. Жертва комиссара признается допустимой. Однако сама постановка вопроса о жертве и ее масштабах предсказуемо ассоциировалась с творчеством Ф.М. Достоевского. Прежде всего – с одним из хрестоматийно известных диалогов Ивана и Алеши Карамазовых – о принципиальной недопустимости страданий ребенка.

Достоевский предлагал однозначный вывод. И любые рассуждения критиков о страданиях брошенного матерью ребенка так или иначе отсылали бы к традиции Достоевского. Если ребенок – жертва, то ассоциации неизбежны.

Конечно, жертвоприношение в советской литературе – общее место. Отчасти это связано с общекультурной традицией. Жертва, приносимая во имя идеи, подтверждала величие этой идеи. Однако в советской литературе тема жертвы приобретает иное звучание. Лишь одна идея требует глобальной жертвы – идея социализма, борьбы за социализм. И, соответственно, ради победы в этой борьбе брат может и должен убить брата, сын может убить отца или отречься от него и наоборот. Жена может принести в жертву мужа, а муж пожертвовать женой и т. п. Вариантов множество, они описаны, к примеру, И.Э. Бабелем, А. Веселым, Б.А. Лавреневым, К.А. Треневым, М.А. Шолоховым и т. д.³¹

Но жертвующая ребенком мать – тема, словно бы находящаяся под негласным запретом. Это табу, исключений практически нет. Пожалуй, не найти полного соответствия гроссмановской модели в советской литературе 20–30-х гг. Например, героиня романа Ф.В. Глакова «Цемент» Даша Чумалова, коммунистка и жена коммуниста, оставляет дочь в сиротском приюте, где та умирает, но такой исход все же воспринимается читателями как случайность. Можно поверить, что героиня надеялась вернуться к дочери. А в рассказе Гроссмана недосказанности нет. Вавилова ушла от ребенка навсегда – Гроссман нарушил негласный запрет. Авторитетный литературовед А.Г. Бочаров писал в конце 80-х: «Наверное, сейчас все наши писатели – в том числе и сам Гроссман, будь он жив, – не решились бы изобразить столь категоричный выбор. Даже в обширнейшей литературе о Великой Отечественной войне мы не найдем книги, в которой предстал бы образ матери, способной сознательно бросить малое дитя ради необязательного для нее боя»³².

Жертва, о которой повествовал Гроссман, не столько утверждала величие идеи, сколько опровергала ее. Мать, жертвующая материнским долгом, – это провокационная постановка вопроса. Если такая жертва возможна, значит, никаких границ уже нет. Вавилова бросает ребенка в чужой семье исключительно ради идеи. В конце концов, арьергардный бой примет даже не ее батальон, она не повинуется приказу своего начальника. Она уходит вовсе не затем, чтобы обезопасить хозяев, которые, безусловно, пошли бы на риск, укрыв у себя комиссара. В последний бой Вавилова уходит, следуя долгу коммуниста. Она не может поступить иначе. А значит, она не может не пожертвовать материнским долгом. Вот что критики обсуждать не желали.

Гроссман видел грань дозволенного. Отчасти он снял напряжение: эмоционально оправдал комиссара. Вавилова не просто ушла, бросив ребенка у малознакомых людей, – она ушла на верную смерть, и Хаим Магазаник признал, что правда Вавиловой выше его правды. Но проблема не решена окончательно. В финале рассказа читатель слышит не только песню красных курсантов. Слышит и плач младенца, брошенного матерью: «Проснувшийся Алеша плакал и бил ножками, стараясь развернуть пеленки». Матери нет и не будет рядом. За нее развернет пеленки Бэйла, признающая лишь свою правду – материнскую³³.

Безусловно, критики не смогли бы обойти противоречие, соберись они анализировать рассказ подробно. Это и не нужно было делать. В конце концов, Гроссман не оспорил правду комиссара, хотя и не признал ее единственной. Разумнее было либо вовсе умолчать о рассказе, либо ограничиться упоминанием. Что и было сделано.

Несколько иной была реакция критиков на рассказ «Четыре дня», опубликованный в 1936 г.³⁴ Место действия и время действия те же Бердичев, советско-польская война. И сюжет отчасти повторяет сюжет рассказа «В городе Бердичеве». Польские войска захватывают ночью Бердичев, и трое комиссаров – Верхотурский, Москвин и Факторович – не успевают покинуть оккупированный город. Им приходится спрятаться и дожидаться, пока красные перейдут в контрнаступление. Коммунисты находят убежище в доме городского врача, одноклассника Верхотурского. Вероятность обыска сравнительно невелика, запасов провизии в докторском доме хватит надолго, хозяйка хлебосольна. Сам врач к войне относится скептически, он занят больными, зарабатывает деньги, чтобы кормить семью, политические проблемы ему неинтересны, хотя другу юности он, безусловно, не откажет в убежище.

У комиссаров за плечами годы боев и лишений, теперь же Верхотурский, Факторович и Москвин могут некоторое время, вполне оправданно, бездействовать в сытости и комфорте. Но как раз это их угнетает. На четвертый день они тайно покидают дом врача, чтобы пробраться к своим. Они уходят навстречу опасности, презирая доктора, укрывшего их у себя. Уходят, не выдержав, как говорит Верхотурский, «пытки сливочным маслом и цыплятами»³⁵.

На этот раз критики не были скупы: «Четыре дня» подробно анализировались в шести рецензиях³⁶. Но примечательно, что все отзывы были однотипны. Все они сводились к противопоставлению мещанства большевистскому стремлению к борьбе. Критики

безоговорочно признали правоту комиссаров, и только в степени их презрения и озлобления по отношению к доктору проявилась небольшая разница.

Верхнюю грань обозначил Г.А. Бровман: «Коммунисты задыхаются в затхлой мещанской атмосфере, и между ними и доктором происходит глухая и жестокая, хотя и невидимая борьба. За окном белополяки, коммунисты недосыгаемы для них, но доктор – враг еще более страшный, чем вооруженные противники»³⁷.

Несколько менее ожесточен И.Л. Гринберг. По его словам, доктор хоть и не страшнее вражеских войск, однако далеко не безобиден. Он ведь «на поверку оказывается существом довольно страшным. Читатель понимает отращивание, овладевающее Верхотурским, кошмары, мучающие Факторовича, который сам провел детство и юность в таком “паточном доме”»³⁸.

Границу нижнюю обозначил Л.И. Левин. Доктору он вообще уделяет минимум внимания: обыватель большего и не стоит. Приземленность врача лишь подчеркивает комиссарскую решимость и самоотверженность – «могущественный и суровый пафос революционного дела»³⁹.

Таковы границы, но в данном случае интересно, что оценки критиков не подтверждены суждениями автора рассказа. Комиссары доктора презирают, но это мнение комиссаров, персонажей, а не автора. Позиция писателя гораздо сложнее, что критиками откровенно игнорировалось.

У Гроссмана доктор отнюдь не монстр. Хозяин дома сравнительно богат, но ведь он и много работает, буквально не может сидеть без дела, как неоднократно отмечает автор. У доктора «обширная практика» не только в городе, но и в окрестных деревнях. И он, кстати, единственный врач, который делает обходы постоянно, даже когда на улицах стреляют. Единственная защита доктора – повязка на рукаве, благодаря которой воюющие, коль скоро захотят, заметят, что перед ними не противник. Доктор жизнью рискует, исполняя профессиональный долг. А еще он рискует жизнью, пряча комиссаров. У него своя правда, и аргументы комиссаров ему неинтересны, потому что комиссары так и не смогут ответить толком на вопрос, доктором заданный: «Почему во время революции, которая якобы сделана для счастья людей, в первую очередь страдают дети, старики, беспомощные и ни в чем не виноватые люди? А? Объясните мне это, пожалуйста!»⁴⁰

Но критики настаивали, что врач – просто обыватель, сросшийся с удобным для него прошлым. Гроссман, конечно, не акцентировал свою позицию, однако очевидно, что у комиссаров своя правда, а у врача своя – только и всего.

В рассказе «В городе Бердичеве» две правды сходятся и расходятся. Между Вавиловой и Магазаниками нет вражды – наоборот, они симпатичны друг другу. «Комиссарша», как охарактеризовали героиню критики, начинает ценить многодетную мать как своего старшего, более опытного товарища. А комиссары в рассказе «Четыре дня» непримиримы. Правда врача противоречит их правде, и четыре дня, которые доктор и большевики проводят под одной крышей, не меняют ничего.

Примечательно, что заглавие гроссмановского рассказа отсылало читателей к известному рассказу В.М. Гаршина «Четыре дня». Там, конечно, сюжет иной. Сходства, казалось бы, нет вовсе, да и война совсем другая. Война русско-турецкая, почти сорок лет превращаемая стараниями российской пропаганды в легенду, воспринималась как «справедливая война», цель которой – «освобождение братьев-славян от турецкого ига». Но у Гаршина и Гроссмана общее все же есть. У Гаршина раненый русский солдат-доброволец четыре дня лежит на поле боя, а рядом с ним лежит им же убитый турецкий солдат. За четыре дня мировоззрение героя меняется. Вольноопределяющийся Иванов приходит к выводу, что любая война – преступление. Он, проникаясь сочувствием к убитому врагу, приходит к отрицанию убийства. Такой, по мнению Гаршина, участника русско-турецкой войны, тоже могла быть правда. Это правда солдата, честно исполнявшего долг, пролившего не только чужую, но и свою кровь⁴¹.

У Гроссмана же комиссары, воспользовавшиеся помощью доктора, не помышляют о примирении. Врач, спасший большевиков от гибели, воспринимается как враг. Он помешает строительству нового общества. Следовательно, врага надлежит любой ценой одолеть, приспособить к большевистской идеологии. Если же врач не примет коммунистическую веру, то он будет уничтожен как классовый враг.

Гроссман, конечно, комиссаров осудить не мог. Но и врача он не осудил. Комиссары даже вызывают симпатию читателя. Они бескорыстны, отважны, мужественны, наделены чувством юмора. Они готовы ради идеи жертвовать прежде всего собой, что не раз доказывали на деле. Наконец, они вершат судьбу великого красного дела.

Врач же от абстрактных идей далек. И хотя он далеко не всегда бескорыстен – работа приносит ему хороший заработок, он никого не убивает. И понять бескорыстных комиссаров, которые не могут не жертвовать своей и чужой жизнью, он не способен: убийство было и остается убийством. Но об этом критики не пишут, потому что анализ убеждений доктора обязательно привел бы к противоречиям и сомнениям в комиссарской правде.

В рассказе «Четыре дня» Гроссман снова у грани допустимого. Не за гранью и не на грани. Постановка главной проблемы здесь провокационна. И на этом уровне очевидным становится сходство «Четырех дней» с рассказом «В городе Бердичеве». Нравственный выбор, который делает Вавилова, не дает ответа – ставит вопрос, и вопрос не только непростой, но и опасный. Отношение комиссаров к врачу тоже подразумевает достаточно сложный вопрос. Критики от него опять уклонились, сделали вид, что не заметили.

Есть еще одна важная деталь. Анализ подтекста был бы, по сути, политическим доносом. Неизбежным стало бы обвинение в «контрреволюционной пропаганде». И под удар попал бы не только Гроссман, но и все, кто санкционировал публикацию рассказов. С другой стороны, обвинения легко было бы обратить против обвинителей. В конце концов, анализ подтекста всегда признавался интерпретацией. А антисоветская интерпретация тоже преступление.

Но очевидно, что в обоих случаях Гроссман рисковал. Причем следует признать, что он делал это сознательно и каждый раз убедился, что критики подтекст увидели. Умолчание о произведении, отказ от полноценного анализа его содержания были куда красноречивее благодушных откликов о романе «Глюкауф» и таких рассказах, как «Весна», «Мечта», «Счастье»...

Впрочем, было и явное свидетельство того, что уже в ранних произведениях Гроссмана можно было усмотреть «неканонические» мысли. В ноябре 1936 г. в «Правде» (заметим, в главной газете СССР) была опубликована статья А.Ф. Гурштейна «В поисках простоты»⁴². Литературовед писал, что Гроссман «еще до сих пор не освободился от влияния писателей, зараженных скептицизмом старой, умирающей культуры», а герои его произведений – чаще всего с «червоточинкой». Критика особенно возмутила два образа: безумная старуха, которая смеется, радуясь тому, что просто живет на белом свете («Рассказик о счастье»), и старый запальщик, решивший встретить смерть в недрах шахты: он заложил заряд – и подорвал себя («Старый запальщик»). Однако «Червоточинка» определяла не только характеры героев у Гроссмана, она становилась определяющей для всего художественного построения. Скептицизм вносил фрагментарность, обрывочность в форму повествования. Потому что скептик не видит граней, для него не существует “начала” и “конца”, он во всех явлениях видит извечную повторяемость и на все машет рукой: “всякое, мол, бывало!..”⁴³

Гурштейн, впрочем, заявил, что «последняя книга В. Гроссмана “Четыре дня” свидетельствует о любопытных поисках автора, о его стремлении освободиться от чуждых его собственной природе вли-

яний...»⁴⁴. Такая оценка отчасти снимает напряжение и даже свидетельствует о том, что автора могут признать «своим». Однако не стоит забывать также о том, что статья была опубликована в конце 1936 г., когда уже начал разгоняться маховик репрессий. Что же касается самого слова «червоточинка», то понимать его можно было как угодно, даже точнее – как выгодно. «Червоточинка» – это и художественный изъян, ошибка малоопытного писателя, и подверженность влиянию «старой, умирающей культуры». Но что это за умирающая культура? Культура буржуазная, враждебная культуре социалистической? Это уже повод для судебного разбирательства, а суд в тоталитарном государстве, как известно, скорый на расправу...

Возможно, именно статья Гурштейна стала первым явным сигналом того, что Гроссман ведет рискованную игру. Тогда, в конце 30-х гг., обошлось без «проработочных» кампаний, публичной травли писателя и всего прочего, но предупреждение было сделано.

Анализ критической рецепции ранней гроссмановской прозы позволяет сделать вывод, что писатель не «прозревал», а довольно рано стал «зрячим». Это и закономерно: до своего литературного дебюта Гроссман успел многое пережить. В частности, наблюдал гибельные последствия коллективизации⁴⁵. Он понимал, что по вине советского правительства деревни буквально вымирали от голода. Неважно, ради какой великой цели реквизировался хлеб, главное, что жертвы были неисчислимы и – безвинны⁴⁶.

Однако Гроссман хотел быть – и стал – писателем. Но реалии советской жизни он не мог игнорировать: иначе он не получил бы допуск в круг литераторов. И все же, как это ни банально прозвучит, он стремился быть искренним. О.Э. Мандельштам утверждал на рубеже 20–30-х гг.: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух»⁴⁷. Гроссману приходилось «воровать воздух», чтобы оставаться честным с собой и читателем.

Стоит подчеркнуть еще раз: Гроссман видел грань дозволенного. Всегда видел и всегда умел вовремя останавливаться. Работал в этом отношении практически безошибочно. И главный свой роман, «Жизнь и судьба», он планировал издать прежде всего на родине. Однако на исходе 1950-х гг. советский писатель Гроссман не сумел адекватно оценить ситуацию. Почему так произошло – тема другого исследования.

- ¹ *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. С. 11.
- ² См., напр.: *Селивановский А.* Первый роман В. Гроссмана // Литературный критик. 1934. № 12. С. 159–160; *Глаголев Н.* Новое в советской литературе // Художественная литература. 1935. № 2. С. 1–5; *Лежнев А.З.* Чувство товарищества // Красная новь. 1935. № 2. С. 219–230; *Слепнев Н.* Счастье нового человека // Художественная литература. 1935. № 10. С. 16–17.
- ³ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 5.
- ⁴ См.: *Ермилов В.В.* Вредная пьеса // Правда. 1946. 4 сен. (№ 211 (10 293)). С. 3; *Фадеев А.А.* О литературно-художественных журналах // Правда. 1947. 2 фев. (№ 29 (10 420)). С. 3.
- ⁵ См.: *Бубеннов М.С.* О романе Василия Гроссмана «За правое дело» // Правда. 1953. 13 фев. (№ 44 (12 612)). С. 3–4; *Фадеев А.А.* Некоторые вопросы работы Союза писателей // Литературная газета. 1953. 28 мар. (№ 38 (3 067)). С. 2–4; *Шагинян М.С.* Корни ошибок: Заметки писателя // Известия. 1953, 26 мар. (№ 73 (11 144)). С. 2–3.
- ⁶ *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 кн. М.: МИК, 1995. Кн. 2. С. 46–53.
- ⁷ Роман печатался в 1952 г. в журнале «Новый мир» (№ 7–10). В 1954, 1955 и 1959 гг. был опубликован Воениздатом. В 1956, 1964 и 1989 гг. – издательством «Советский писатель».
- ⁸ См., например: *Бочаров А.Г.* Часть правды – это не правда // Октябрь. 1988. № 4. С. 143–148; *Он же.* Мифы и прозрения // Октябрь. 1990. № 8. С. 160–173.
- ⁹ См., например: *Сарнов Б.М.* Мучительное право // Литературная газета. 1995. 13 дек. (№ 50 (5 581)). С. 3, 6; *Болажнова Т.* Все течет на круги своя // Книжное обозрение. 1994. 29 ноя. С. 5.
- ¹⁰ *Ellis F.* Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994.
- ¹¹ Подробнее см.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 238–246.
- ¹² *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок. М.: Вагриус, 2000. С. 303.
- ¹³ *Гроссман В.С.* Бердичев не в шутку, а всерьез // Огонек. 1929. № 51–52. С. 12–13.
- ¹⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁵ Там же. С. 13.
- ¹⁶ *Агурский М.* Указ. соч. С. 260–262.
- ¹⁷ *Гроссман В.С.* Глюкауф // Год XVII. Альманах четвертый. М.: Гослитиздат, 1934. С. 5–125.
- ¹⁸ *Селивановский А.В.* Указ. соч.
- ¹⁹ *Лежнев А.З.* Указ. соч.
- ²⁰ *Арвич С.* Книга о большой любви // Художественная литература. 1935. № 2. С. 5–8.

- 21 *Мунблит Г.Н.* Мера и грация // Литературная газета. 1934. 16 нояб. (№ 153 (469)). С. 2.
- 22 *Гроссман В.С.* В городе Бердичеве // Литературная газета. 1934. 2 апр. (№ 40 (356)). С. 3.
- 23 *Гроссман В.С.* Счастье. Рассказы. М.: Советский писатель, 1935. С. 68.
- 24 *Лежнев А.* Указ. соч.
- 25 *Гехт С.Г.* «Рассказы» В. Гроссмана // Литературное обозрение. 1937. № 17. С. 6–7.
- 26 *Гринберг И.Л.* Мечта и счастье // Звезда. 1937. № 5. С. 174–184.
- 27 *Лежнев А.* Указ. соч. С. 220.
- 28 *Гехт С.Г.* «Рассказы» В. Гроссмана // Литературное обозрение. 1937. № 17. С. 6–7.
- 29 Там же. С. 7.
- 30 *Гринберг И.Л.* Мечта и счастье // Звезда. 1937. № 5. С. 180.
- 31 См.: *Бабель И.Э.* Соч.: В 2 т. М.: Терра, 1996. Т. 2. С. 10–14; *Веселый А.* Избранная проза. Л.: Лениздат, 1983. С. 296–316; *Лавренев Б.А.* Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1979. С. 94–161; *Тренев К.А.* Любовь Яровая. Л.: Лениздат, 1978. 159 с.; *Шолохов М.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1980. Т. 4. С. 315–323.
- 32 *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. С. 28.
- 33 *Гроссман В.С.* Счастье. Рассказы. С. 68.
- 34 *Гроссман В.С.* Четыре дня. Рассказы. М.: Художественная литература, 1936. С. 27–93.
- 35 Там же. С. 78.
- 36 *Бровман Г.А.* Пафос социалистического гуманизма // Знамя. 1937. № 12. С. 242–252; *Гринберг И.Л.* Указ. соч. С. 176–182; *Левин Л.И.* Уважение к жизни // Знамя. 1936. № 12. С. 256–257; *Гехт С.Г.* Указ. соч. С. 8; *Друзин В.* Василий Гроссман. Четыре дня. Гослитиздат, 1936 г. // Литературный современник. 1937. № 2. С. 243–244; *Котляр А.* Четыре дня в страшном доме // Литературная газета. 1936. 6 мая (№ 26 (589)). С. 3.
- 37 *Бровман Г.А.* Указ. соч. С. 250.
- 38 *Гринберг И.Л.* Указ. соч. С. 181.
- 39 *Левин Л.И.* Указ. соч. С. 257.
- 40 *Гроссман В.С.* Четыре дня. Рассказы. С. 49.
- 41 *Гаршин В.М.* Избранное. М., 1982. С. 20.
- 42 *Гурштейн А.Ш.* В поисках простоты // Правда. 1936. 12 ноя. (№ 311 (6 917)). С. 4.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 См.: *Garrard J., Garrard C.* The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasilij Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. P. 94.
- 46 См.: *Гроссман В.С.* Несколько печальных дней. М.: Современник, 1989. С. 400.
- 47 *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М.: АРТ–Бизнес–Центр, 1994. Т. 3. С. 171.

Е.Н. Басовская

«ШКВОРЕНЬ» ПРОТИВ «ПАБЛИСИТИ»
(ДИСКУССИЯ О «ЧИСТОТЕ ЯЗЫКА»
НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х гг. XX в.)

В статье рассматривается обсуждение вопросов культуры речи в «Литературной газете» первой половины 70-х гг. XX века. Автор демонстрирует размытость понятия «чистота языка» и возможность его использования в подцензурной прессе с целью неявного выражения идеологически спорных взглядов. В тексте представлены воззрения «почвенников» – сторонников особого пути России, а также прозападнически настроенной либеральной интеллигенции. Сделан вывод о том, что такие качества концепта, как размытость понятийного содержания, наличие очевидных позитивных коннотаций, длительная история публичного обсуждения, делают его эффективным средством идеологического воздействия, востребованным публицистическим дискурсом.

Ключевые слова: концепт, чистота языка, пропаганда, заимствованные слова, диалектизмы, просторечие, речевой штамп.

«Литературная газета» – главная советская газета для интеллигенции – начиная с первых лет своего существования постоянно обращалась к теме так называемой «чистоты» русского языка. В разные годы с материалами, посвященными общей культуре речи, а также языковому качеству художественных текстов, на страницах «ЛГ» выступали Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, В.Б. Шкловский, М. Горький, А.Н. Толстой и другие крупные ученые и писатели¹.

С 1964 г. в «Литературной газете» существовала рубрика «Служба русского языка». Ее работой руководили К.И. Чуковский и Л.В. Успенский – истинные энтузиасты лингвистического просвещения. Они регулярно печатали не только статьи о развитии

© Басовская Е.Н., 2010

русского языка, но и ответы на читательские письма, касавшиеся речевых норм. Однако к концу десятилетия материалы под рубрикой «Служба русского языка» фактически прекратили публиковаться (одной из причин этого была смерть К.И. Чуковского в 1969 г.).

В начале 1970-х гг. новый всплеск общественного интереса к теме русского языка был ознаменован появлением на страницах «ЛГ» большой статьи М. Алексева, С. Баруздина, Г. Березко, В. Кожевникова и Л. Татьяничевой «Заслон – словесной шелухе»². Показательно само название, построенное по одной из типичнейших моделей советского газетного языка. (Н.С. Валгина, говоря о стандартности эллиптических конструкций – газетных заголовков, приводит стилистически узнаваемые примеры из советской прессы: «Вузы – народному хозяйству»; «Горному земледелию – научные основы»; «Перевозкам зерна – скорость и ритм»; «Ученые – родине»; «Радио – школьникам»; «Мир – Земле»; «Хлеб – Родине»³).

Советскому канону соответствовала и композиция статьи: текст начинался с констатации негативного факта («Время от времени на страницах наших газет и журналов появляются статьи и письма, в которых высказывается тревога в связи с засорением устной и письменной речи уродливыми словами и словосочетаниями»); далее следовала ссылка на В.И. Ленина, учившего писать «ясно, точно, сжато»⁴, и М. Горького, боровшегося «с паразитивным хламом»⁵; затем были приведены примеры ошибочных и безвкусных словоформ и словосочетаний; завершался же материал призывом: «Язык – наше национальное богатство, будем же относиться к нему бережно и уважительно».

Показательно, что, с одной стороны, в публикации М. Алексева, С. Баруздина, Г. Березко, В. Кожевникова и Л. Татьяничевой была воспроизведена структура советской проблемной статьи с ее обязательными идеологическими атрибутами; с другой стороны, приведенные в тексте примеры речевых уродств свидетельствовали не только об искренней любви писателей к русскому языку и беспокойстве о его судьбе, но и о неприятии, скорее подсознательном, нежели осознанном, многих сугубо советских черт этого языка.

В отличие от своих предшественников, в том числе и от почтительно упомянутых В.И. Ленина и М. Горького, авторы письма даже не упоминают об иностранных словах, вульгаризмах и жаргонизмах – традиционных лингвистических «сорняках». Их внимание приковано к стереотипизации речи, к газетному штампу, разрушающему экспрессивную сущность метафоры. По словам писателей, «безвкусной красотью» стали от частого употребления «черное» и «белое», «золото», «серебристые лайнеры», «прописка трудового коллектива» и другие современные клише.

В данном случае обнаруживается одна из примет журналистики периода так называемого «застоя»: в отсутствие свободы слова в эти годы допускалось, однако, некоторое разнообразие точек зрения; правда, для выражения собственного мнения требовалось облечь его в официально одобренную форму. Ссылки на В.И. Ленина и другие идеологически безупречные имена могли не иметь прямого отношения к существу текста, но играли роль своего рода пропуска в печать.

Лишенные возможности открыто говорить о реальных недостатках советской прессы, ее критики, чтобы выразить возмущение, использовали концепт «чистота языка», принадлежавший к числу разрешенных и даже поощряемых. Содержавшийся же в конце текста призыв придавал высказыванию необходимо позитивный, жизнеутверждающий характер.

Надо отметить, что реакция на письмо М. Алексева, С. Баруздина, Г. Березко, В. Кожевникова и Л. Татьяничевой была также организована в традициях советской газетной кампании, имевшей определенную макрокомпозицию. Письмо литераторов в целом сочувственно прокомментировал Л.В. Успенский, оговорившись, правда: «... Я враг всякого пуризма (думается, “Литературная газета” придерживается этой же позиции)» [1971. № 21. С. 6]. Конкретизируя важнейшие положения письма, Л.В. Успенский указал, что «самый страшный грех газетной стилистики» – штамп, такой как «голубые огоньки, дороги, просторы», «серебристые лайнеры, птицы, стрелы».

В одном из ближайших номеров «ЛГ» были напечатаны отклики заместителей главных редакторов двух газет – «Советский спорт» и «Советская торговля». Оба они признавали, что их издания не лишены стилистических недостатков [1971. № 23. С. 4].

Еще через две недели редакция отметила, что получила более 200 писем: «Читатели живо откликаются на призыв писателей бороться с языковыми сорняками, (выделено автором. – Е. Б.), беречь чистоту русской речи» [1971. № 25. С. 5]. Здесь же были помещены однотипные письма ленинградского инженера П. Тюменева и редактора газеты «Ленинградская правда» М. Куртынина, причем последний писал о том, что с современным образованным читателем нельзя говорить «языком примитивным, изобилующим штампами, канцеляризмами, словесными сорняками». Обращает на себя внимание тот факт, что, осуждая газетные штампы, участники кампании сами постоянно прибегали к их использованию.

В августе 1971 г. с подзаголовком «Приглашение к разговору» на пятой странице газеты появилась редакционная статья «Язык и время» [1971. № 34. С. 5], давшая название новой рубрике. Редак-

ция предложила читателям обсудить вопрос: есть ли основания тревожиться за судьбу русского литературного языка?

Начало дискуссии положила статья В. Липатова «Слово в опасности...» [1971. № 34. С. 5]. Известный прозаик описал сцену в элетричке: по дороге за город он стал свидетелем того, как две женщины читали и обсуждали отрывок из его повести. Не поняв таких слов, как «столешница», «кожух», «шкворень», «прясло», они возмутились: «Как автор недифференцированно относится к словам!» В. Липатов оценивает эту фразу как симптом культурной катастрофы: «Мне было тоскливо от того, что интеллигентный русский человек не стыдится незнания слов *кожух, шкворень, прясло, босошлетьй, городьба, плетень* и т. д.». По мнению писателя, во многом виноваты авторы словарей, выбрасывающие эти истинно народные слова из литературного языка «с грозной пометой “областное”»⁶.

Пафос статьи В. Липатова заключался в предложении полностью пересмотреть содержание понятия «чистота языка» и вместо объявления войны нескольким десяткам или сотням слов и выражений, напротив, встать на их защиту, видя в просторечии и диалектизмах воплощение народного духа. Утрату сочности и выразительности современной речи В. Липатов связывал прежде всего с ее бюрократизацией и засильем штампов.

В материале В. Липатова, как и в письме М. Алексева, С. Баруздина, Г. Березко, В. Кожевникова и Л. Татьяничевой, содержалась ссылка на В.И. Ленина, который, по свидетельству Н.К. Крупской, зачитывался словарем В.И. Даля и настаивал на его переиздании⁷. В духе времени В. Липатов обращался к авторитету вождя революции, а не к существу его высказываний. Совершенно очевидно, что ни заметка 1920 г. «Об очистке русского языка», направленная против бездумного употребления иностранных слов, ни сам факт интереса Ленина к словарю Даля не давали ни малейших оснований для предложенной писателем интерпретации: «Поиски и мысли вождя пролетарской революции свидетельствуют о том, что борьба за чистоту русского языка лежит в области пополнения его теми словами, которые ныне легко становятся областными».

Статья В. Липатова вызвала возражения бывшего члена редколлегии «Литературной газеты» прозаика Н. Атарова. Он заступился за читателей, не понимающих отдельных устаревших слов и диалектизмов: «...Ратуя за сохранение всех богатств и сокровищ языка, не будем его ненароком обеднять: справедливо видя в деревне корневую основу языка, не будем обижать и городской народ <...> он внес в язык свой вклад...» [1971. № 35. С. 6].

Столкновение взглядов В. Липатова и Н. Атарова стало одним из симптомов ускорившегося в брежневский период советской ис-

тории «процесса размежевания интеллигенции»⁸. Возникновение оппозиции, принявшей форму диссидентского движения, сопровождалось поляризацией мнений о русском народе, судьбе России, Западе, социализме. Одно из заметных идейных течений 70–80-х гг. – почвенническое, или русофильское, имело ряд весьма разнообразных проявлений – от безусловно талантливой «деревенской прозы» до крайнего национализма, характерного для ряда публикаций в журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия»⁹.

Предложенное В. Липатовым толкование «чистоты языка» как простонародности, архаичности стало воплощением формировавшегося в начале 1970-х гг. нового русского национализма, неотделимого от скрытого неприятия советской реальности.

Через месяц «Литературная газета» организовала «второй тур» дискуссии о судьбе языка, опубликовав материал Вс. Рождественского с красноречивым названием «Основания для тревоги есть!» [1971. № 42. С. 5]. Эта заметка была основана на анализе речевых погрешностей, допущенных современным молодым поэтом, и завершалась призывом: «Берегите слово в его первозданной свежести и в умножающих его силы облициях искусства!» Такой тип лозунга, исключающий возможность конкретных ответных действий и направленный на формирование эмоционального фона концепта (так называемый прием «блистательной неопределенности»¹⁰), типичен для газетной пропаганды 70-х гг.

Такие черты публикаций этого периода, как нечеткость авторской позиции, неясность лозунгов, обилие противоречий, в высокой степени свойственны и программной статье Вл. Солоухина «Океан родной речи» [1971. № 45. С. 6–7]. Автор использует сочетание слов «боец за чистоту языка» как позитивную характеристику писателя А. Югова, хотя и не соглашается с ним в том, что ограничительные стилистические пометы в словарях обедняют язык художественной литературы. Говоря об «очищении» языка как об «удалении пустой породы», Солоухин уже в следующем абзаце противоречит сам себе: «Не надо бороться за чистоту языка (непосредственно перед этим речь шла о полезном процессе «очищения». – Е. Б.), надо учиться красиво и правильно говорить, имея в виду, что неряшливая, а тем более грязная речь хуже, чем грязное платье или грязная кожа».

Можно предположить, что Солоухин вполне грамотно различает язык как систему, не нуждающуюся во внешнем очищении, и речь как процесс ее функционирования, который требует оптимизации. Однако в тексте статьи это противопоставление не разъясняется и вряд ли может быть понятно читателю-непрофессионалу (а именно к нему обращены публикации «Литературной газеты»).

Поэтому даже если допустить, что сама позиция Солоухина на содержит серьезных противоречий, форма ее представления неизбежно порождает в сознании аудитории «информационный шум».

Дискуссия 1971 г. велась не так энергично, как было принято в предшествующие десятилетия. Публикации, продолжавшие тему, появлялись в газете через несколько недель, поэтому следить за обсуждением вопроса могли только очень заинтересованные читатели. Понятно, что следствием такого темпа дискуссии было и то, что допускавшиеся в ней повторы не бросались в глаза большинству аудитории. Например, статья писателя С. Шуртакова «Шелуха и янтарное зерно» была напечатана через три месяца после материала В. Липатова «Слово в опасности», и читатели скорее всего не обратили внимания на возвращение к теме «столешицы».

С. Шуртаков повторил многие утверждения своего предшественника в значительно более резкой форме. Он не только выразил сожаление в связи с уходом таких существительных, как «столешица» и «калужина», но и объяснил причину этого явления: исконные слова вытесняются из языка новыми непонятными терминами, которые навязываются народу газетами, радио и телевидением. По утверждению писателя, «противопоставить ... наступлению, если не сказать нашествию, всевозможных неологизмов, жаргонизмов, канцеляризмов и прочей шелухи мы можем только ... янтарное зерно родного языка – великого, могучего, прекрасного русского языка» [1971. № 47. С. 7]. Стилистика С. Шуртакова максимально типична для газетной речи данного исторического периода: пафос решительно преобладает над смыслом, суть понятия скрыта за метафорами («шелуха», «янтарное зерно»); дополнительным средством эмоциональной аргументации является реминисценция из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Русский язык», превращенного советской школой в пропагандистский штамп.

К началу 1972 г. противостояние архаистов и новаторов сделалось идейным стержнем периодически возобновлявшихся дискуссий о языке. В феврале под рубрикой «Язык и время» была напечатана статья Евг. Винокурова «Со словом шутки плохи». Поэт высказывался в защиту языка газеты, который, по его мнению, часто несправедливо упрекают в перенасыщенности терминами и канцеляризмами. По словам Евг. Винокурова, «отменить газетный язык – смешная претензия, этого никогда не произойдет, он функционален, он выполняет свою задачу» [1972. № 7. С. 6]. Автор дистанцируется от намерения воздействовать на язык, совершенствовать его: «...Задача состоит не столько в том, чтобы очистить язык, а наоборот – в том, чтобы максимально использовать все богатство русско-

Е.Н. Басовская

го языка, использовать все его пласты, смело вводя в бой все новые и новые языковые силы»; «...хороший язык ... это не очищенный язык, не дисциплинированный, а язык богатый».

«Литературная газета» 1970-х гг., демонстрируя взвешенность, объективность редакционной политики, чередовала публикации сторонников разного подхода к развитию языка. Так, вслед за статьей Евг. Винокурова появился ответ К.С. Горбачевича, называвшего идеал своего оппонента «правом на неграмотность» [1972. № 12. С. 7]. Подчеркивалась некорректность противопоставления «язык нормированный – язык богатый». По мнению ученого, хорошим может считаться только «богатый литературный», то есть нормированный язык.

Итак, в «Литературной газете» 70-х гг. определились три ключевые позиции в отношении языка, которые могут быть схематически представлены следующим образом: 1) нормализаторство – М. Алексеев, С. Баруздин, Г. Березко, В. Кожевников, Л. Татьяничева, Л.В. Успенский, К.С. Горбачевич; 2) антинормализаторство «архаистов» – защитников диалектных и устаревших слов – В. Липатов, С. Шуртаков; 3) антинормализаторство «новаторов» – защитников современной научной терминологии, жаргонизмов и газетизмов – Н. Атаров, В. Винокуров.

Правда, дискуссиям этого времени были свойственны некатегоричность формы и многочисленные оговорки, затруднявшие выявление существа авторской позиции. Например, статья Ан. Ланщикова, опубликованная как продолжение темы, затронутой Евг. Винокуровым и К. Горбачевичем, называлась «Не покушаясь на норму...», но при этом носила очевидно антинормализаторский характер: «Пока язык развивается, он будет иметь дело и с полновесным “зерном”, и с “шелухой”, и это скорее закономерное, чем печальное, обстоятельство не должно повергать нас в паническое состояние, окажись ты свидетелем вторжения в наш язык слов иноземного происхождения или слов происхождения областнического» [1972. № 14. С. 6].

Тем не менее в ходе дискуссии, «размытой» хронологически и стилистически, все-таки вырисовывался новый поворот темы: писатели, ученые и публицисты все чаще обращали внимание на опасность излишне правильного, гладкого, безликого языка. Об этом рассуждал, в частности, детский писатель Ф. Лев: «...Надо бояться не корявости выражения мысли ... а прилаженности, обкатанности, правильного, но безликого литературного стандарта» [1972. № 14. С. 6]. Идея во многом характерна для эпохи: к 70-м гг. утратила актуальность проблема ликвидации неграмотности, публичная (прежде всего газетная) речь лишилась черт революционности, вы-

работала многочисленными клише, стала активно влиять на речевую культуру народа. Можно сказать, что очищение языка, к которому стремился в 1930-х гг. М. Горький, произошло естественным путем, под воздействием социальных факторов. Вульгаризмы, жаргонизмы и диалектизмы проникали в сферу публичного общения исключительно через художественные тексты. При этом интеллигенция не только не была удовлетворена состоянием языка, но и испытывала все возрастающую тревогу, замечая, что с укреплением литературной нормы происходит утрата выразительности речи. В действительности эти два процесса не находились в отношениях обусловленности: низкое качество журналистской, деловой и научной речи определялось не жесткостью норм, а отсутствием свободы слова, вообще свободы личного самовыражения в советском обществе. Но поскольку это обстоятельство в силу тех же причин в принципе не могло обсуждаться, авторы газетных материалов искали (иногда, вероятно, искренне) некие «легальные», «разрешенные» причины падения качества русской речи при социализме.

Мнение рядовых читателей часто звучало значительно более решительно, нежели то, которое высказывали специалисты. В некоторых случаях профессионал, избегая резких формулировок, мог сослаться на читательское письмо как отражение «народной» точки зрения и таким способом снять с себя ответственность за излишнюю категоричность. Так, сдержанный по тону материал заведующего сектором культуры речи Института русского языка АН СССР Л.И. Скворцова сопровождался публикацией письма читателя Арбенина из Гродно, заявлявшего: «Широкая общественность, профсоюзы и комсомол должны включиться в благородную борьбу и защиту русского литературного языка ... Организация в каждой средней и высшей школе Общества любителей и пропагандистов русского литературного языка, проведения ... конкурсов и олимпиад могли бы сыграть плодотворную роль в охране и развитии литературной речи, в распространении культуры родного языка» [1972. № 27. С. 7].

Предложения читателя Арбенина свидетельствовали о повороте общественного сознания в сторону не просто советских, но сталинских методов воздействия на культуру. Существенное же отличие пропаганды брежневского периода от той классической, на которую она была ориентирована, заключалось в том, что слова чаще всего не сопровождались конкретными действиями и даже их не предполагали. Вряд ли, публикуя письмо Арбенина, редакция «ЛГ» действительно рассчитывала на участие профсоюзов и комсомола в борьбе за «чистоту» языка.

Еще одно знаменательное свойство пропаганды «периода застоя» – ее низкое качество. Трудно объяснить не то, почему выбор

редакции пал именно на это читательское письмо, а то, почему оно не было отредактировано и появилось в печати с такими формулировками, как «сыграть плодотворную роль» и «охрана литературной речи», свидетельствующими о низком уровне речевой культуры самого поборника «чистоты» языка.

По мере дальнейшего обсуждения темы нарастало и число пропагандистских формул, сопровождавших упоминание русского языка: в статье доктора филологических наук А. Бабкина говорилось о «достоинстве, мощи и чистоте» языка и подчеркивалось, что «великий и могучий русский язык не нуждается в мелочной опеке» [1972. № 31. С. 5], а статья поэта В. Бокова называлась «Родное слово, богатство наше...» [1973. № 6. С. 4–5].

Одно из стержневых противопоставлений, выявившихся в начале 1970-х гг., – «язык города / язык деревни». Можно сказать, что была воспроизведена идеологическая структура позднего сталинского времени – «наше, русское / не наше, нерусское», но с типичным для периода «застоя» смягчением формулировок. Истинно русское чаще всего именовалось теперь «деревенским» или «крестьянским». Так, доктор филологических наук А. Бабкин утверждал: «Ценен призыв писателей, пишущих о деревне, “деревенщиков” ...окупиться в море крестьянской речи, чтобы добыть перлы народного языка». Далее ученый, решительно противопоставляя себя «филологам-нормализаторам», возражал против ряда словарных стилистических помет. Он заявлял, что слово «ковач» в значении «кузнец» не является устаревшим, а слова «прясло», «городьба» и «заплот» – областными. Это положение не было подкреплено данными словарей и базировалось, видимо, исключительно на субъективном языковом чутье автора. Надо отметить, что стилистические характеристики названных слов сохраняются и в толковых словарях новейшего времени¹¹, что доказывает справедливость той их оценки, которая представлялась А. Бабкину непатриотической и потому неверной.

Еще решительнее высказался прозаик Ф. Абрамов – один из самых талантливых представителей так называемой «деревенской: прозы» он вообще объявил литературный язык фикцией на том основании, что писатель должен пользоваться языком, «на котором говорит время» [1972. № 47. С. 6]. И, по словам поэта В. Бокова, по-настоящему хорош язык крестьян, продающих на рынке яблоки и грибы. Но публикуя подобные утверждения, редакция заботилась о том, чтобы их националистический подтекст не стал слишком заметным и не нарушил декларируемый советской пропагандой принцип «пролетарского интернационализма»¹². Поэтому эмоциональные похвалы русской крестьянской речи в тексте В. Бокова не вполне логично сопро-

вождались упоминанием о многонациональности советской культуры: «Вот этой звонкости, емкости, выразительности должен каждый из нас добиваться, чтобы наша многонациональная литература несла в себе высокий человеческий, гражданский и эстетический заряд!» (выделено автором. – *Е. Б.*) [1973. № 6. С. 4–5].

Давая все более высокую оценку деревенскому, то есть «народному», языку, «Литературная газета» параллельно критиковала техницизированный, оторвавшийся от народа язык города. При этом позитивные высказывания носили преимущественно общий, декларативный характер, негативные же были предельно конкретны. В числе слов и выражений, подвергшихся публичному осуждению в 1972–1973 гг., отмечаются и такие:

– *товары в дорогу; товары для женщины* (на том основании, что покупают не товары, а вещи);

– *дворец бракосочетаний* (поскольку «брак» предполагает «сочетание»);

– *водобеспечение; руслоочищение;*

– *проезжая часть, звуковой сигнал, чулочно-носочные изделия; выйти из строя* (так как эти словосочетания есть не что иное, как длинные аналоги коротких и выразительных слов «мостовая», «гудок», «чулки» и «носки»);

– *производить, оказывать, процесс, достигать* (как лишние слова в сочетаниях «производить очистку» = «очищать», «оказывать влияние» = «влиять», «процесс изготовления» = «изготовление», «достигать экономии» = «экономить»).

Безусловно, некоторые из подобных замечаний были вполне обоснованны и затрагивали такой болезненный вопрос развития русского языка при социализме, как описанный К.И. Чуковским «канцелярит»¹³. Однако во многих случаях авторы преувеличивали опасность явления и, что самое главное, не принимали во внимание его функциональную нагрузку. Резкость некоторых формулировок доходила до абсурда. Например, директор Института физики Ростовского государственного университета М.А. Блохин прямо заявлял, что русскому языку не нужны вспомогательные глаголы [1973. № 8. С. 5]. Отвечая на поток возмущенных читательских писем, кандидат филологических наук Г. Солганик в заметке с говорящим названием «Гнев – плохой советчик» разъяснял: «Дело не в том, что есть плохие слова, которые надо изъять из обращения, а в том, чтобы умело их употреблять ... Получается нередко, что борьба за чистоту технического языка оборачивается его упрощением, обеднением» [1973. № 8. С. 5].

Через два месяца то же мнение высказал на страницах газеты директор Института русского языка, член-корреспондент АН

Е.Н. Басовская

СССР, лауреат Ленинской премии Ф.П. Филин¹⁴ [1973. № 16. С. 6]. Он указал на то, что вспомогательные глаголы не чужды русской грамматике, а такие слова, как «осуществлять», правомерно используются в рамках официального стиля.

Интервью Ф.П. Филина, казалось бы, отражало такое представление о закономерностях развития языка, которое вообще исключало идею борьбы за его «чистоту». Но уже через три месяца другой профессиональный лингвист – А. Калинин, отвечая на письма читателей, утверждал: «Очень радует то, что в последнее время так заметно возрос интерес к языку в самых широких читательских кругах. Борьба за чистоту нашей речи может вестись только общими усилиями» [1973. № 27. С. 6].

Летом 1973 г. на страницах «Литературной газеты» в рамках рубрики «Язык и время» развернулась дискуссия между Л.В. Успенским и Д. Галкиным. Комментируя статью Л.В. Успенского «Причуды именованья» [1973. № 27], Д. Галкин не только оспорил ее основные положения, но и заявил, что советским людям не следует знать исходного смысла личных имен и тем более справлять именины. Кроме того, журналист предъявил автору целый ряд сугубо стилистических претензий: существительное «именослов» устарело, конструкция «в силу этого» представляет собой канцеляризм и так далее [1973. № 34. С. 6]. И суть, и тем более тон заметки имели вызывающий характер: нельзя не учитывать, что Л.В. Успенский на протяжении многих лет оставался одним из главных экспертов «Литературной газеты» в области языка и стиля. Резкая, явно недоброжелательная критика в его адрес должна была прочитываться привыкшей к намекам советской аудиторией как очередное указание на смену исторического периода.

Правда, редакция газеты заняла выжидательную позицию и дала классику уходящей эпохи возможность высказаться. В «Ответе рецензенту» [1973. № 34. С. 6] Л.В. Успенский в очередной раз указал: словарные стилистические пометы не имеют запретительного характера; право выбора слова всегда остается за говорящим и пишущим. Значит, нет ничего страшного и в том, чтобы использовать устаревший термин «именослов».

Однако позиция Л.В. Успенского оказалась столь твердой далеко не во всех отношениях. Публицист ничего не противопоставил заявлению рецензента о том, что именины как церковный праздник чужды советскому человеку, и согласился: в календарях следует указывать, не в честь какого святого дается имя рожденному в определенный день, а кто из достойных людей прошлого это имя носил. Невозможно сказать, сознавал ли Л.В. Успенский всю абсурдность такого замысла (так, в соответствии с его предложением

2 августа календари должны были бы без очевидных причин сообщать, что имя Илья носили, например, отец В.И. Ленина Илья Николаевич Ульянов и писатель Илья Григорьевич Эренбург). Вероятнее всего, семидесятитрехлетний Л.В. Успенский вообще не выступал с такой инициативой, а просто не стал возражать против предложенного ему редакцией компромиссного текста.

Начатую ранее дискуссию о традиционных и современных языковых ценностях продолжил писатель Илья Фояков в статье «Садись, Машенька, пятерка!» [1973. № 43. С. 6–7]. Он отметил, что о языке и раньше писали немало, но подходили к проблеме «не с того конца». По мнению И. Фоякова, силы, брошенные на борьбу с иностранными словами, тратятся впустую, а добиваться того, чтобы молодежь знала устаревшие и областные слова, абсолютно бесполезно. В XX в. слово «индустрия» такое же русское, как «промышленность», а слово «коммунизм» такое же русское, как «родина». При анализе этой статьи важно обратить внимание не только на сами авторские тезисы (они вряд ли могут вызывать серьезные возражения), но и на систему аргументации. В целом грамотный и разумный текст содержит очевидную несообразность: если «индустрия» и «промышленность» – бесспорные синонимы и сопоставлены вполне обоснованно, то «коммунизм» и «родина» никак не синонимичны и их сближение имеет чисто идеологические основания. Строить доказательство на основе не логической, а политической было свойственно советской журналистике начиная с первых послеоктябрьских лет; но в годы оттепели подобные приемы не поощрялись и дискуссия значительно чаще велась по существу. 1970-е же годы были ознаменованы решительным возвращением советской прессы к активному использованию десемантизированных слов-«заклинаний», не допускавших дальнейших возражений. К числу таких слов принадлежало и существительное «коммунизм».

На рассуждения И. Фоякова эмоционально отреагировал прозаик Сергей Залыгин. Писателя задела претензия к текстам Виктора Астафьева, и он сделал вывод о том, что в статье Фоякова живому и яркому авторскому языку противопоставляется «гладкопись», безликость «канцелярски-выхолощенного стиля» [1973. № 46. С. 6]. Надо сказать, что мысль Фоякова была решительно искажена Залыгиным, видимо, опасавшимся цензурных атак на самобытное слово писателей-деревенщиков.

Именно публикация С. Залыгина окончательно повернула дискуссию о языке в сторону обсуждения стилевых вопросов художественной литературы. В дальнейшем читатели не раз пытались вернуться к разговору о проблемах живой речи, писатели же вновь и

Е.Н. Басовская

вновь требовали творческой свободы. Встречались среди читательских писем – или были организованы редакцией газеты – и чисто лозунговые, не содержавшие ничего кроме традиционных, узнаваемых формул, повторявшихся на протяжении советского периода всякий раз, когда обсуждалась тема языка. Наиболее характерно в этом отношении письмо инженера Д. Николаева из Иркутска (распространенная фамилия в сочетании с профессией усиливает подозрения относительно того, что журналисты «Литературной газеты» сами составили это письмо). В нем говорилось: «Нам следует помнить призывы великого писателя М. Горького к борьбе за чистоту русского языка, языка художественной литературы, правильность русской речи» [1973. № 48. С. 6]. Важно, что в этом лишенном конкретности, но очевидно программном письме язык вообще и язык художественной литературы были поставлены в один ряд, как будто при оценке разговорной речи и стиля литературного произведения должны применяться одни и те же критерии. Сами же эти критерии были не впервые объединены нечетким, хотя и безусловно позитивным концептом «чистота языка».

Рубрика «Язык и время» продолжала существовать и в 1974 г. Ее открыла статья Н.Т. Федоренко «Не перевести ли на русский?» [1974. № 5. С. 6], в которой затрагивалась проблема наплыва в русский язык иностранных слов.

Этот вопрос не только в течение ряда лет не обсуждался на страницах газеты, но и неоднократно упоминался как не заслуживающий слишком большого общественного внимания. Редакция, казалось, солидаризировалась с учеными и публицистами, утверждавшими, что язык представляет собой самоочищающуюся систему и не нуждается в защите от заимствований. Однако на сей раз автора тревожного по тону материала решительно поддержал член-корреспондент АН СССР Ф.П. Филин [1974. № 16. С. 6–7]. Отметив в начале статьи, что право пишущих на употребление тех или иных терминов нельзя ограничивать «в административном порядке», и категорически отмежевавшись от «пуристов» и «шишковистов», он тем не менее признал: «Полная стихийность в области терминовтворчества создает условия для рабского копирования иностранной терминологии». Среди слов, которые Ф.П. Филин посчитал неприемлемыми для русского литературного языка, были такие, как *бойлер*, *бройлер*, *дисплей*, *нейлон*, *сериал*. Об этих и подобных словах в статье говорилось, что они «создаются нередко с каким-то озадачивающим пренебрежением к широчайшим возможностям русского словообразования».

Особенно решительно осуждалось употребление слов *бармен*, *лайнер*, *наблисити*. Ф.П. Филин требовал использовать их точные

синонимы *буфетчик, корабль и популярность*. В данном случае автор статьи, видимо, настолько поддался эмоциям, что не уточнил значений существительных, которые приводил в пример. В противном случае он знал бы, что английское *publicity* означает не *популярность*, а *публичность* и заимствовано русским языком как средство обозначения не популярности вообще, а искусственно создаваемой широкой известности. Отсутствие соответствующего существительного в русском языке, а также сложность значения, затруднявшая выражение смысла средствами словообразования, полностью оправдывали применение заимствованного слова. Но Ф.П. Филин был заинтересован не в объективном анализе процесса, а в дискредитации слов западного происхождения.

Позицию, которую «Литературная газета» пропагандировала на протяжении многих лет, Ф.П. Филин с явным неодобрением назвал «фаталистической». По его мнению, «галломания» и вообще «европомания» Петровского времени «угрожала национальным основам русского языка», а преодолена была не стихийно, а в длительной борьбе. Отсюда следовал вывод о том, что и в современных условиях «нужно постоянное активное вмешательство».

Как и во многих других случаях пропаганды так называемой «чистоты языка», самой слабой в программной статье Ф.П. Филина оказалась позитивная часть. Заявляя, что в русский язык вторгаются слова, «которых не должно было быть», требуя борьбы с ними, Ф.П. Филин не дал читателям никаких практических рекомендаций, за исключением одной – не допускать при употреблении иностранных слов грамматических несообразностей, таких как «заработанное мною копирайт». Причем в статье это словосочетание просто давалось как пример неграмотности, но отсутствовало изложение принципа, в соответствии с которым склоняемое заимствованное существительное приобретает грамматический род.

Эта деталь чрезвычайно показательна: многие годы на страницах «Литературной газеты» отражалось несовпадение двух подходов к языку – просветительского и пропагандистского. В то время как одни лингвисты, писатели, журналисты терпеливо объясняли аудитории, какие нормы действуют в литературном языке, как они формируются, насколько строго должны соблюдаться, другие авторы выступали с лозунгами «борьбы» и «защиты», воздерживаясь от анализа конкретных языковых фактов. К середине 1970-х гг. второй подход к языку стал преобладающим.

При этом оставалась одна сфера, в которой патетически-охранительная стилистика по-прежнему не одобрялась, а слово «чистота» вообще не использовалось в сочетании с существительным «язык». Речь идет о языке художественной литературы. Как уже

Е.Н. Басовская

было показано, в начале 70-х гг. полемика о языке на страницах «Литературной газеты» фактически зашла в тупик: читателей интересовала преимущественно обиходная речевая практика, авторы же статей переводили разговор на писательский стиль. В итоге область анализа языка художественной литературы обособилась от общей лингвистической проблематики. И в том же году, когда член-корреспондент АН СССР Филин призывал общественность очищать язык, писатели, не вступая с ним в прямую дискуссию, продолжали тем не менее настаивать на свободе обращения со словом – хотя бы в рамках литературного творчества.

Таким образом, в первой половине 70-х гг. обсуждение «чистоты языка» в прессе имело, как минимум, два идеологических уровня. На поверхности было недовольство читателей речевыми ошибками, допускавшимися в художественной литературе, печати, обиходном общении, – на замечания такого рода компетентно и спокойно отвечали лингвисты, определявшие границы допустимого и объяснявшие изменчивую природу языковой нормы.

Глубинный же уровень газетной полемики 70-х гг. составляло столкновение взглядов «архаистов», требовавших возвращения к «народному» языку, и «новаторов», в целом одобрявших активизацию языковой эволюции под воздействием НТР. Тема «чистоты языка» в очередной раз использовалась как своего рода декорация для болезненных и сомнительных, с точки зрения официальной идеологии, сюжетов, в частности для завуалированной пропаганды русского национализма.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Басовская Е.Н.* Поиск врага: «Литературная газета» о русском языке (Аналитический обзор материалов 1929–1940 гг.) // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика. Литературная критика». М.: РГГУ, 2007. С. 99–113; *Басовская Е.Н.* Проблема «чистоты языка» на страницах «Литературной газеты» в годы оттепели // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика. Литературная критика». М.: РГГУ, 2008. С. 160–170.
- ² Литературная газета. 1971. № 21. С. 6. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием года, номера и страницы.
- ³ *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка: Учебник. М., 2000.
- ⁴ Имелась в виду прежде всего знаменитая заметка В.И. Ленина «Об очистке русского языка» (Правда. 1924. № 275), в которой ставилась задача отказаться от неправильного и необоснованного применения иностранных слов.
- ⁵ М. Горький активно выступал против «засорения» русского языка, и в первую очередь языка художественной литературы, вульгаризмами, жаргонизмами и

провинциализмами. Его статьи на эту тему неоднократно публиковались и в самой «Литературной газете». М. Алексеев, С. Баруздин, Г. Березко, В. Кожевников и Л. Татьяничева процитировали статью М. Горького «О языке», где, в частности, говорилось: «В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры пред нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама» (ЛГ. 1934. № 33. С. 1).

- 6 Слова, приведенные В. Липатовым в качестве примера несправедливо дискриминируемых, были включены в четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, так называемый «Малый академический словарь» 1957–1961 гг.: **Городьба** – 1. Действие по глаг. *городить* (в 1 знач.); 2. *Обл.* Ограда, изгородь. **Кожух** – 1. Тулуп из овчины. 2. *Тех.* Оболочка, крышка, футляр и т. п. для изоляции или предохранения сооружений, механизмов или их частей. **Плетень** – изгородь из сплетенных прутьев, ветвей. **Прясло** – 1. Часть изгороди от столба до столба. || Жердь изгороди. || Изгородь. 2. Приспособление из продольных жердей на столбах для сушки снопов, сена. **Столешница** – верхняя доска, крышка стола. **Шкворень** – стержень, являющийся вертикальной осью передка повозки или поворотной части колесной транспортной машины (автомобиля, локомотива и т. п.), который обеспечивает поворот на ходу. Обратим внимание на то, что помета «обл.» встречается здесь только один раз. Единственное слово, не отраженное этим словарем, – прилагательное «босошлепый», отсутствующее и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Все это свидетельствует о том, что в рассуждениях В. Липатова эмоции очевидно преобладали над знанием предмета.
- 7 В отношении оценки Лениным словаря Даля В. Липатов тоже не продемонстрировал глубокой компетентности. Сохранилась записка В.И. Ленина, адресованная А.В. Луначарскому и датированная 18 января 1920 г., в которой сообщается: «Недавно мне пришлось – к сожалению и к стыду моему, впервые, – ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 51. С. 121–122.
- 8 *Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р.* Культура России IX–XX вв.: Учебное пособие. М., 1998. С. 349.
- 9 По замечанию немецкого историка В. Эггелинга, «зародыши открыто провозглашенных примерно с 1987 г. русофильских и русско-националистических позиций наблюдались уже в конце 60-х гг., прежде всего в публикациях “Молодой гвардии”». *Эггелинг В.* Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953–1970 гг. М., 1999. С. 236–237.
- 10 *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование: Учеб. пособие. М., 2007. С. 86.
- 11 По данным «Толково-словообразовательного словаря» Т.Ф. Ефремовой, слова «ковач», «заплот», «прясло» – местные, «городьба» – разговорно-сниженное (в указанном словаре эта помета применяется вместо традиционной «просторечное»): *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Е.Н. Басовская

- 12 «Коммунисты считают своей первостепенной обязанностью воспитывать трудящихся в духе интернационализма и социалистического патриотизма, неприимости к любым проявлениям национализма и шовинизма». См.: Программа КПСС. М.: Политиздат, 1971. С. 24.
- 13 *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. Разговор о русском языке. М., 1962. С. 110–154.
- 14 Показательная деталь: чаще всего фамилии авторов газетных публикаций сопровождались полным именем или одним инициалом. Фамилия Филина была дана с двумя инициалами. «ЛГ» опубликовала не его статью, которая могла бы быть воспринята как выражение личной точки зрения, а интервью с ним, где он по просьбе корреспондента отвечал на сложные вопросы, связанные с развитием языка. Фигура Ф.П. Филина относится к числу одиозных: известны его жесткая позиция в отношении какого бы то ни было инакомыслия и кадровая политика, направленная на изгнание из Института русского языка независимо мыслящих ученых. Однако в данном случае позиция «официального лингвиста» представляется корректной и взвешенной.

С.В. Павлова

АНТИСОВЕТСКИЙ СОВЕТИЗМ (ЛЕКСЕМА «САМИЗДАТ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ)

В статье анализируются случаи употребления лексемы «самиздат» в российской общественно-политической периодике конца XX – начала XXI в. Автор определяет, что, как правило, данное слово используется в контексте описания советских реалий, то есть является историзмом-советизмом. В то же время лексема «самиздат» несет в себе выразительный потенциал для создания публицистических приемов и зачастую употребляется в переносном значении. На основании подобных примеров автор приходит к выводу о том, что данный советизм постепенно теряет связь с системой советского «новояза».

Ключевые слова: публицистика, история русской журналистики, новояз, советизм, языковое сопротивление, демифологизация, самиздат.

Изучение особенностей «советского языка» началось еще в годы его становления. О послереволюционных неологизмах писали такие видные отечественные языковеды, как Г.О. Винокур, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев¹. Наиболее интенсивно советский «новояз», как правило, в его идеологическом и риторическом аспекте изучался российскими лингвистами в первое десятилетие после прекращения существования советской власти². Большая часть работ подобного рода была посвящена исследованию феномена «новояза» в историческом контексте. В то же время процесс актуализации советизмов в современном публицистическом тексте представляется недостаточно изученным.

Функционирование элементов специфической советской лексики и фразеологии в современных художественных и публицистических текстах является важным объектом исследования. В ча-

стности, такого рода изыскания позволяют определить степень преемственности сегодняшнего русского языка по отношению к советскому «новоязу», а также проанализировать образ советского прошлого в современном российском общественном сознании.

Данная статья посвящена функционированию в российской прессе конца 1990 – начала 2000-х гг. слова «самиздат», которое возникло в годы советской власти и неразрывно связано с советской реальностью. Анализировались тексты современных отечественных газет и журналов 1996–2006 гг., которые выпускаются большими тиражами и имеют статус качественных общественно-политических печатных изданий: «Коммерсантъ», «Власть», «Деньги», «Итоги», «Огонек», «Профиль», «Эксперт». Особое внимание уделялось случаям употребления советизма «самиздат» для обозначения реалий, не связанных с советским прошлым, поскольку именно в такого рода публикациях происходит актуализация изучаемого слова.

В наше время лексему «самиздат» относят к советизмам³ – лексическим и фразеологическим единицам, обозначающим реалии, специфически характерные для советской эпохи. Надо отметить, что в основной массе советизмы были результатом государственного словотворчества и применялись в официальной общественно-политической речи. Слово «самиздат», напротив, является едва ли не единственным зафиксированным в соответствующих словарях «антисоветским советизмом» как по сути, так и по происхождению и употреблению. Эту лексему можно отнести к особой группе идеологически окрашенных языковых элементов советской эпохи, задача которых состояла в том, чтобы подвергнуть сомнению официальную идеологию. Это была форма народной речевой реакции на советский «новояз», являвшейся своего рода психологической защитой населения от действий власти.

Для обозначения этого языкового феномена А. Вежбицка в 1993 г. вводит термин «язык самообороны»⁴, отечественный языковед Н.А. Купина употребляет в 1995 г. в этом же значении термин «языковое сопротивление»⁵, а Э. Лассан пользуется для описания явления советского инакомыслия термином «акратический язык» («язык не-власти»)⁶. Понятие, выражаемое этими терминами, описано в предисловии к справочнику Г.Ч. Гусейнова «Д.С.П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка конца XX в.»: «Всякое порождение речи – в том числе идеологическое – требует от носителей языка безостановочной и не обязательно осознанной критики основополагающих предписаний. Сколь жесток ни был предлагаемый носителям языка мыслительный каркас, они своей речью и достраивают, и расшатывают его. Под идеологией мы

должны понимать не только элементы языка самой власти или тоталитарного языка (колхоз, город-герой, колыбель революции, сын за отца не отвечает, беспощадный массовый террор), но и поддающиеся фиксации элементы так называемого языка самообороны (термин А. Вежбицки)⁷.

По словам Н.А. Купиной, «в наиболее открытом виде языковое сопротивление проявляется в политических анекдотах тоталитарной и частично посттоталитарной эпохи»⁸. О важности смеховой реакции на идеологический язык упоминает также Б.М. Сарнов в публицистической работе «Наш советский новояз»: «...возможность освобождения от власти, которую несет в себе язык, заложена в нем самом. Ярче всего это проявляется в тех смещениях, которые рождаются произвольно. Обычно это – острота <...> Вот это свойство языка (и, конечно литературы) и стало *противоядием*, ослабившим вредоносное действие на наши души советского новояза»⁹.

Многие из политических шуток советского времени были основаны на непосредственном переосмыслении официальных слов и фразеологизмов «новояза», а также на пародировании специфических для него способов словообразования. Подобного рода юмористические элементы были зафиксированы еще в исследованиях 20-х гг. XX в., посвященных анализу послереволюционных языковых нововведений. Среди многочисленных аббревиатур – неологизмов того времени – встречается ряд окказионализмов, созданных по принципу слогового сокращения. Например, А.Г. Горнфельд упоминает слово «Трепетун», которым некий шутник предложил именовать Третий Петроградский университет¹⁰. С.И. Карцевский пишет о таких словообразованиях постреволюционной эпохи, как «вридро» (временно исполняющий обязанности лошади), «содком» (содержанка народного комиссара), «наркомпоморде» (народный комиссар по морским делам)¹¹. Последняя острота до сих пор широко известна и включена в «Толковый словарь языка Совдепии» в форме «замком поморде» («заместитель комиссара по морским делам»)¹². Н.А. Купина приводит примеры обыгрывания инициальных аббревиатур: РКП(б) – «Россия кончит погромом (большим)», РСФСР – «редкий случай феноменального сумасшествия России», а также более позднее КПСС – «коммунисты предали советскую систему» или «кампания против Сахарова, Солженицына»¹³.

Слово «самиздат» также представляет собой продукт смеховой реакции на советский «новояз». Однако, в отличие от большинства лексем такого рода, термин «самиздат» вышел за рамки злободневной шутки и стал общеизвестным и распространенным разговорным словом.

С.В. Павлова

Лексема «самиздат» появляется как авторский окказионализм в начале 1940-х гг. в форме «самсебяиздат». Автор слова – поэт Николай Глазков – издавал свои стихотворные произведения кустарным методом – печатая на машинке. На титульном листе, на месте, где обычно указывается название издательства, он писал «Самсебяиздат». Подтверждение этому находим в свидетельствах современников:

Его автором (слова «самиздат»), по-видимому, был московский поэт Николай Глазков, чьи стихи и прозаические миниатюры полуабсурдистского толка были хорошо известны в околосредовой среде, но почти не печатались при его жизни. Глазков придумал такую забавную литературную игру: составлял небольшие машинописные сборники своих стихов и прозы, сшивал их в брошюры форматом в пол-листа и дарил друзьям. А на титуле ставил им самим придуманное слово «самсебяиздат»¹⁴.

Известно только, откуда появилось это название – от Николая Глазкова, который ходил с такими самодельными переплетёнными тетрадочками с его собственными стихами, называвшимися «самсебяиздат». Потом народ – великий редактор и автор – превратил это название в «самиздат»¹⁵.

О времени появления слова «самиздат» узнаем из стихотворения самого Н. Глазкова:

Самиздат – придумал это слово
Я еще в сороковом году¹⁶.

Слово «самсебяиздат» по форме соответствовало традиционной для советского «новояза» словообразовательной модели. Дело в том, что данная аббревиатура пародировала названия советских издательств. В.Б. Кривулин пишет: «Сама форма этого слова издевательски указывает на издевательскую практику сталинского времени, когда на месте множества дореволюционных и нэповских издательств возникло несколько государственных полиграфических монстров, каждый из которых для простоты бюрократического восприятия был снабжен унифицированным словесным хвостом – “издат” (Гослитиздат, Политиздат, Воениздат, Детиздат, Метеоиздат, Стройиздат и т. п.)»¹⁷.

На рубеже 60-х гг. слово получило широкое распространение в среде литературной молодежи и трансформировалось в «самиздат». Оно стало общеизвестным благодаря тому, что обозначаемое

им явление (нелегальное тиражирование и распространение литературных и публицистических текстов, зачастую антисоветского характера) приобрело форму культурного феномена.

Для того чтобы ответить на вопрос, является ли в наше время слово «самиздат» историзмом, подобно таким лексемам, как «продразверстка» или «Ленсовет», был проведен анализ современных словарей и печатных изданий.

В советское время лексема «самиздат» была неподцензурной: нелегальное распространение литературы преследовалось по закону как форма антисоветской агитации и пропаганды¹⁸, соответственно и слово не могло быть зафиксировано ни в одном из толковых словарей тоталитарной эпохи. Надо отметить, что такие авторитетные издания, как «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова¹⁹ и «Словарь русского языка» С.И. Ожегова²⁰, переиздаваемые в обновленном варианте, до сих пор игнорируют существование слова «самиздат» в русском языке.

Впервые же оно появляется в 1995 г. в «Словаре новых слов русского языка (середина 1950-х – середина 1980-х гг.)» с пометой «разговорное»: «Самиздат – самостоятельное (без участия издательства) тиражирование литературных, публицистических и т. п. произведений для их нелегального распространения (в разг. речи)»²¹.

Еще одно упоминание было найдено в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова. В приводимой дефиниции помимо пометы «разговорное», есть указание на то, что это историзм: «Самиздат – разг. В СССР: нелегальное бесцензурное размножение литературных произведений»²².

Что касается современной прессы, то все случаи употребления слова «самиздат» в публицистических текстах можно разделить на две группы. Во-первых, лексема используется как историзм в статьях, где речь идет о советском прошлом. Во-вторых, слово «самиздат» нередко служит и для обозначения современных реалий.

В качестве обозначения исторического понятия советизм «самиздат» встречается в подавляющем большинстве случаев его употребления в печати. При этом речь в тексте, как правило, идет не о конкретных событиях (найден всего одно упоминание перестройки и одно – чернобыльской катастрофы), а о советском времени вообще и отдельных реалиях той эпохи. Например, слово «самиздат» упоминается в статье о фарцовщиках:

Это, как правило, были ребята образованные, владели иностранными языками, многие из хороших семей, все начитанные, все читали самиздат, многие самиздатом приторговывали²³.

С.В. Павлова

Также слово «самиздат» и его производные часто употребляются при упоминании ключевых персоналий тех лет (А. Солженицын, А. Сахаров, Б. Пастернак, А. Галич, А. Гинзбург и другие) и нередко встречаются рядом с советизмом «диссидент»:

И тут безличность машиночного текста играла на руку диссидентам. Без нее (печатной машинки. – С. П.) никакой самиздат был бы в тоталитарном СССР невозможен. Как пелось у Александра Галича, «Эрика» берет четыре копии. – Вот и все! А этого достаточно²⁴. Он (А. Гинзбург. – С. П.) был одним из символов диссидентского движения. Не раз сидел. Еще в начале 60-х основал «Синтаксис», один из первых самиздатских журналов, и создал само понятие «самиздат»²⁵.

Некоторые из них жадно читали самиздатских Плеханова или даже Солженицына и обсуждали в тесном кругу²⁶.

Труд Пастернака увидел свет за границей, а на родине ходил в самиздате²⁷.

Слово «самиздат» как историзм употребляется также для того, чтобы провести историческую параллель с теми или иными современными реалиями. Например, подобное сравнение порой возникает в текстах, посвященных Интернету:

Российский самиздат переживает второе рождение – в Интернете. Только раньше писать нетленки в стол заставляла цензура, а теперь – состояние российских телекоммуникаций²⁸.

В России ситуация с электронными библиотеками уникальна. Она уходит своими корнями в доинтернетовскую эпоху, когда имели хождение самиздат и ксерокопии книг запрещенных авторов²⁹.

Советским предшественником Интернета был самиздат, однако это уподобление не совсем точно³⁰.

Некоторые журналисты словом «самиздат» обозначают непосредственно современные реалии. Так, в нескольких текстах речь идет о ныне существующих незарегистрированных периодических изданиях. Например, в категорию «самоизданных» СМИ попадают так называемые «фанзины» – периодические издания музыкальных или футбольных фанатов:

Но есть и более медленное чтение – фанзины (от англ. fan-zine), фанатский самиздат. Напечатанные на дешевой бумаге, с корявенькими рисунками, нечеткими фотографиями и простыми, как сапог, текстами, эти журналы – такой же атрибут настоящих фанатов, как клубные шарфы и футболки³¹.

Особого внимания заслуживают примеры, в которых советизм «самиздат» употребляется в переносном значении, как публицистический прием. Как правило, это языковая игра в заголовке журналистского материала. Например, статья о фальшивомонетчиках в еженедельнике «Деньги» называется «Денежный самиздат»³², а текст газеты «Коммерсантъ» о нелегально установленной мемориальной доске – «Мемориальный самиздат»³³.

То, что рассматриваемый советизм используется в подобных лингвистических играх, дает основание предполагать его живую, активную языковую природу. Почти во всех случаях слово «самиздат» употребляется без дефиниции, следовательно, по мнению журналистов, оно относится к числу общепонятных. Важно отметить, что в прессе 1990-х гг. советизмы особенно часто использовались для создания публицистического приема, целью которого было выражение оценки (преимущественно негативной) советского прошлого. Ни в одном из рассмотренных примеров слово «самиздат» в этой функции не актуализируется. Его участие в языковой игре не нагружено идеологией.

Подводя итоги, можно сказать, что советизм «самиздат» выступает в качестве историзма, если употребляется в контексте описания советской эпохи. Данный способ актуализации в печатных материалах является для него доминирующим. В то же время слово «самиздат» часто используется в переносном значении. Таким образом, оно не подверглось архаизации.

Слово «самиздат» по-прежнему актуально в публицистических материалах, его использование функционально обоснованно. Этот советизм несет в себе выразительный потенциал и употребляется журналистами для создания публицистических приемов. В газетных заголовках советизм «самиздат» используется, как правило, с целью создания смехового эффекта, построенного на включении советского термина в непривычный для него контекст. Эта тенденция напоминает метод советского акратического языка, идеологической задачей которого была демифологизация «новояза» посредством смехового переосмысления официальной идеологии.

Лексема «самиздат» употребляется также как разговорное слово в отношении современных реалий, потеряв, однако, свои идеологические, антисоветские коннотации.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о тенденции к значительному ослаблению связи слова «самиздат» с системой советского «новояза». Следует предположить, что данный процесс может затронуть и другие советские слова, функционирующие в современных печатных материалах. Эта гипотеза должна быть проверена в ходе дальнейшего изучения советизмов, используемых в современной публицистике.

- ¹ *Винокур Г.О.* Культура языка. М.: КомКнига, 2006; *Поливанов Е.Д.* Революция и литературные языки Союза ССР // За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 73–94; *Селищев А.М.* Революция и язык // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968; *Он же.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений за русским языком (1917–1926 гг.). М.: Едиториал УРСС, 2003.
- ² *Ермакова О.П.* Деактуализация значений, отражающих советские реалии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996; *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопросы языкознания. 1996. № 3; *Он же.* Новояз, newspeak, powotova... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия; *Зильберт Б.А.* Языковая личность и новояз эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. Волгоград: Перемена, 1994. С. 50; *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995; *Лассан Э.* Дискурс власти и инакомыслие в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995; *Нерознак В.П., Горбаневский М.В.* Советский «новояз» на географической карте. М.: Знание, 1991; *Романенко А.П.* Канцелярит: риторический аспект (о книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1; *Ромашов Н.Н.* Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: 1995; *Савенко Т.Д.* Развитие общественно-политической лексики русского языка советского периода. Киев, 1990; *Седакова И.А.* О советизмах в современной русской речи // Знакомый незнакомец. М.: РАН, Ин-т славяноведения и балканистики; Науч. центр общеслав. исслед., 1995. С. 225–235.
- ³ См. *Хевеши М.А.* Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М.: Международные отношения, 2002; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио, 1998.
- ⁴ *Везбищка А.* Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языка самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107.
- ⁵ *Кутина Н.А.* Указ. соч. С. 98.
- ⁶ *Лассан Э.* Указ. соч. С. 11.
- ⁷ *Гусейнов Г.Ч.* Д.С.П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка конца XX века. М.: Три квадрата, 2003. С. 7.
- ⁸ *Кутина Н.А.* Указ. соч. С. 98.
- ⁹ *Сарнов Б.М.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М.: Материк, 2002. С. 12.
- ¹⁰ *Горнфельд А.Г.* Новые словечки и старые слова. Петербург: Колос, 1922. С. 14.
- ¹¹ *Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин. 1923. С. 35.
- ¹² *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Указ. соч.
- ¹³ *Кутина Н.А.* Указ. соч. С. 100.

- 14 *Даниэль А.* Истоки и смысл советского Самиздата [Электронный ресурс]. Сайт «Антология самиздата». URL: http://antology.igrunov.ru/a_daniel.html (дата обращения 23.09.2009)
- 15 Воспоминания о Самиздате председателя Московской хельсинкской группы Людмилы Алексеевой. [Электронный ресурс]. Сайт «Антология самиздата». URL: http://antology.igrunov.ru/l_alexeeva.html (дата обращения 23.09.2009)
- 16 *Глазков Н.* Избранное. М.: Художественная литература, 1989. С. 198.
- 17 *Кривулин В.Б.* Золотой век самиздата // Самиздат века / Сост. А.Н. Стреляный, Г.В. Сапгир, В.С. Бахтин, Н.Г. Ордынский. Минск; М.: Полифакт, 1997. С. 342.
- 18 Уголовный кодекс РСФСР. Ст. 70. «Антисоветская агитация и пропаганда». М. 1983. С. 55.
- 19 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ, 2004.
- 20 *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008.
- 21 Словарь новых слов русского языка (середина 50 – середина 80-х гг). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
- 22 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. СПб.: Коринт, 1998.
- 23 Коммерсантъ-Власть. 2002, № 9.
- 24 Итоги. 2000. № 20.
- 25 Коммерсантъ-Daily. 2002. № 126.
- 26 Профиль. 2005. № 41.
- 27 Коммерсантъ Власть. 2006. № 15.
- 28 Деньги. 1998. № 32.
- 29 Итоги. 2004. № 10.
- 30 Коммерсантъ. 2006. № 83.
- 31 Огонек. 2003. № 7.
- 32 Деньги. 2000. № 45.
- 33 Коммерсантъ-Daily. 1998. № 195.

Е.В. Бродская

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
В ЖУРНАЛИСТИКЕ 2003–2008 гг.

Метаморфозы восприятия Высоцкого в постсоветской прессе показывают: сумма текстов и образ их автора открыты для любых манипуляций, сам характер которых больше определяется запросами социума, чем реальной сутью заложенных в этих текстах (и жизни их создателя) смыслов. Пустующее пространство «без героя» необходимо кем-то заполнить. Именем Высоцкого может играть практически любой – это помогает выражать ту или иную позицию, занимаемую различными представителями общества. Поэтому его образ активно востребован представителями самых разных идеологических течений.

Ключевые слова: общество, миф, манипуляция, влияние, трансформация.

Жизнь и творчество знаменитого поэта и актера В.С. Высоцкого (1938–1980), принадлежащие, казалось бы, эпохе ушедшей, ныне оказываются чрезвычайно востребованными. О Высоцком пишут в газетах, рассказывают на телевидении, имя его упоминается в речах представителей власти. Однако не существует работ, в которых бы феномен современного восприятия Высоцкого осмыслился в контексте политической ситуации в России первого десятилетия XXI в. Данная статья призвана хотя бы отчасти этот пробел восполнить.

В постперестроечной России песни Высоцкого вновь стали весьма популярными – и этот факт бесспорен. Многие – и журналисты, и ученые, и абсолютные дилетанты – публикуют материалы, связанные с именем Высоцкого. Причем с каждым годом эта задача осложняется, так как по мере накопления материала вытащить что-то новое и действительно стоящее гораздо труднее. С другой

© Бродская Е.В., 2010

стороны, казалось бы, по мере накопления материала о Высоцком, должно повышаться качество этого материала. Но в данном случае эффект обратный. Чем больше материала, тем больше повторов. Чем больше преклонения перед символом и стремления этот символ сделать удобным для всех, тем более мифологизированным он становится.

И если в 90-е гг. XX в., когда в политике была актуальной идея разрыва с прошлым, с советской эпохой, можно было встретить добротные работы о поэте, то сегодня, когда объективно анализировать советскую эпоху не принято, таких работ практически нет. Эта тенденция характерна не только и не столько для научных работ, сколько для журналистских материалов, которые, с одной стороны, формируют массовое сознание, а с другой – сами зависят от него. Или, говоря словами социолога М. Бурдьё,

чем больше то или иное СМИ или средство творческого выражения стремится к завоеванию широкой публики, тем больше оно теряет свои «шероховатости», все то, что может разделять или исключать (возьмите, к примеру «Пари-Матч»), тем больше оно должно стараться «никого не шокировать», не поднимать других проблем, кроме тех, что не вызывают последствий. <...> Чем больше увеличивает газета свой тираж, тем больше места она выделяет для сюжетов omnibus, не вызывающих проблем. Материал конструируется в соответствии с категориями восприятия читателей¹.

Не приходится сомневаться, что роль «всемирно любимого» поэта во многом была назначена Высоцкому «сверху». По-видимому, ведущую роль в этом «назначении» сыграл бывший президент, а ныне премьер-министр России В.В. Путин, объявивший 2003 год (год 65-летнего юбилея поэта) «годом Высоцкого»: «Творчество Высоцкого и сам Высоцкий как личность носят исключительно объединяющий характер. Вокруг такого человека могли бы объединиться все – левые, правые, центристы, для нас это крайне важно сейчас»².

Очевидно, что такого рода высказывания Путина и других представителей власти спровоцировали резкий взлет популярности Высоцкого среди журналистов и политиков. Путин подчеркнул, что Высоцкий может «объединить» непримиримых прежде политических противников – и на страницах газет и журналов, а также на телевидении тема «объединения вокруг Высоцкого» становится центральной. Анализируя газетные и телевизионные материалы, можно проследить процесс продолжающейся мифологизации

Е.В. Бродская

биографии поэта, его превращения из трагической фигуры российской истории и культуры в безликую «звезду», в идеологический постперестроечный проект, в мощное средство воздействия на массовое сознание.

Два последних юбилея поэта – 65-летие в 2003 г. и 70-летие в 2008 г. отмечались с размахом. Журналист и писатель А. Гаррос справедливо отметил:

Про Высоцкого ... сказано решительно всё. Совсем всё: самое глупое и самое точное, самое пошлое и самое тонкое, самое интимное и самое объективное, самое гнусное и самое благородное. Все истинные, сомнительные и самоназначенные друзья, соратники, жены, любовницы, коллеги и собутыльники разродились мемуарными вскрытиями — или уж хотя бы выпотрошены с пристрастием интервьюерами <...> Все эссеисты, колумнисты и прочие словоплеты, способные связать хоть «а» и «бэ» и потому обреченные написание про «культовые фигуры» и «поколенческие символы», отстрелялись по феномену Высоцкого навскидку, от бедра и с двух рук по-македонски³.

Особенно старалось телевидение, для которого, по меткому замечанию социолога Б. Дубина, характерно «...последовательное упразднение или даже разрушение, нередко с провокационной целью, любых смысловых, а в конечном счете и институциональных рамок поведения, мышления, высказывания, понимания. Рамок, которые задавали бы принципиальную семантическую определенность тех или иных значений, делали бы их социально внятными»⁴.

Под общим названием «Я, конечно, вернусь» (ассоциация «Наше кино», автор идеи С. Афанасьев, режиссер В. Смирнов, продюсер А. Эмир-Шах, закадровый текст читает Вс. Абдулов) в 2003 г. на ОРТ был показан пятисерийный фильм о Высоцком. Показ именно на этом, главном, официальном канале свидетельствует об особой значимости поднятой в фильме темы.

Фильм о Высоцком был составлен из интервью, записей концертов, отрывков из спектаклей «Театра на Таганке» (в основном, из «Гамлета») и снабжен небольшими комментариями «за кадром». Заметим, что «телевидение как медиа в принципе никогда не осмысляет документальность в качестве научной проблемы». Так, оно не ставит под вопрос правила и процедуры соединения «реального» (процитированного) с «представленным» (студийным)⁵. И в данном случае ни из подборки сюжетов, ни из комментариев нельзя было сделать какой-нибудь отчетливый вывод о гражданской позиции создателей фильма.

Авторы фильма стремились представить Высоцкого прежде всего как героя вне времени и вне формирующих его обстоятельств. Высоцкий – герой просто потому, что герой. В фильме отсутствует элементарное желание разобраться в социальных причинах, вызвавших к жизни феномен Высоцкого, и, напротив, вполне видна тенденция к сглаживанию острых углов и определенному выхолащиванию или, по крайней мере, нейтрализации смыслов.

Газетная журналистика, рассуждающая о Высоцком, идет еще дальше телевидения – в упомянутом выше фильме есть, по крайней мере, стремление увидеть в герое человека. Для газетных публикаций Высоцкий зачастую просто безликий памятник самому себе. Приведу лишь несколько весьма характерных примеров.

Так, например, в 2003 г. в «Новой газете» появилась статья, посвященная открытию в Набережных Челнах памятника Высоцкому. Статья эта написана в лучших традициях, казалось бы, уже забытых очерков о «строителях коммунизма»:

Заливкой фундамента под монумент занималось предприятие «КамГЭСстройсервис», которым руководит однофамилец барда Александр Высоцкий. А элементы композиции отливались на Литейном заводе КамАЗа, на импровизированных площадках которого Владимир Высоцкий пел в обеденный перерыв. Весной на площади поставят скамейки, и она превратится в своеобразный зрительный зал. По вечерам тут будут звучать песни Высоцкого, без которых построить КамАЗ было бы гораздо труднее⁶.

Другой пример – еще одна статья в той же «Новой газете», в которой автор рассуждает на уже набившую оскомину тему: о чем бы пел Высоцкий, доживи он до наших дней?

... Мне кажется, я даже слышу его песню о китенке, застрявшем в арктических льдах, на помощь которому отправился советский ледокол в горбачевские восьмидесятые. Это был первый бескорыстно-гуманный поступок «империи зла»! И, несомненно, он бы тронул Владимира Семеновича. Как не мог его оставить равнодушным демонтаж Берлинской стены – он был бы в это время там, в Берлине, и пел на этих развалинах, с которых началось строительство новой Европы – без границ и нейтральных полос, где «цветы необычайной красоты»! Вообще перестройку Высоцкий активно бы принял, а вот про сухой закон обязательно написал бы очень смешную песенку, в которой мог блестяще продолжиться его зощенковский диалог Вани и Зины ...⁷

Е.В. Бродская

Газетная статья о присуждении Нобелевской премии за 2006 г. начинается следующим образом:

В который раз Нобелевская премия, которую должны были бы получить мы, достается другим. Все прямо по известной песенке Владимира Высоцкого: Ведь мы же в очереди первыми стояли, а те, кто сзади, уже едят⁸.

В заметке о Всемирном дне пожилого человека, введенном ООН, есть пассаж:

Сказано: молодость дается всем, старость – избранным. Красиво, конечно. «Избранным», однако, приходится лечиться. И тогда, послушав врачей, впору перефразировать Высоцкого: если старый – сразу в гроб. Вроде лечить бесполезно. При этом наступление пожилого возраста трактуется весьма вольно⁹.

Примеры можно множить, но тенденция очевидна.

В сегодняшней России использование, условно говоря, бренда «Высоцкий» не исчерпывается телевидением и газетами. Его имя и, что самое главное, его творчество активно используется и во время всякого рода предвыборной агитации. Естественно, у авторов агитационных слоганов в принципе не возникает желание разобраться в феномене Высоцкого. Из его песен выхватываются отдельные фразы, подходящие к сиюминутному контексту.

Так, цитата из Высоцкого (*Было время – и цены снижали*) использована в агитационной компании во время выборов 2007 г. в Государственную думу. Использовали ее коммунисты, которые Высоцкого, когда он был жив, как известно, не жаловали. Используемая коммунистами строка взята из песни «Баллада о детстве». И авторов слогана не смущает, что содержание песни никак не может служить агитацией за КПРФ: слишком уж много в ней точно схваченных исторических реалий, отнюдь не делающих чести коммунистам. В песне речь идет о массовых арестах, лагерях, расстрельных подвалах и т. п. Но вырванная из песни строка, отсылающая к запавшим в народную память сталинским ежегодным снижениям цен, – работает.

Современные журналисты и критики, собственно, и не скрывают того, что объективный подход к творчеству Высоцкого, попытки построения его реального образа сегодня неактуальны. Так, критик Д. Бавильский в 2001 г. прямо утверждал:

Нам еще только предстоит оценить тот чудовищный вред, который нанесли вирусы, запущенные г-ном Высоцким в русскую культуру. И здесь соперником ему, по силе разрушительных воздействий, может быть разве что второй такой же, с позволения сказать, певец и исполнитель – г-н Окуджава¹⁰.

Семь лет спустя с ним согласился другой критик, А. Архангельский:

Высоцкий – это гимн спонтанному существованию, в режиме всплесков, озарений, пульсаций – то, что мог позволить себе только советский человек! Мог! И чего никак не может позволить себе человек сегодняшний¹¹.

Описывая современное «общество спектакля», в котором «неживые», «театральные» формы жизни подменяют реальную жизнь, французский писатель Ги Дебор особо останавливался на роли «звезды» в подобном обществе. Он писал:

Сосредоточивая в себе образ некоей возможной роли, звезда – эта зрелищная репрезентация живого человека – концентрирует, следовательно, эту усредненность в себе. Удел звезды – это специализация мнимого проживания жизни; она – это объект отождествления с мнимой поверхностной жизнью <...> Действующее лицо спектакля, выставленное на сцену в качестве звезды, – это противоположность индивида, враг индивида как в нем самом, так и в других. Перейдя в спектакль как модель идентификации, он отказывается от всякого автономного качества ради того, чтобы отождествить самого себя с общим законом подчинения ходу вещей¹².

Если принять терминологию Дебора, то в России, «обществе спектакля», Высоцкому уготована именно роль «звезды». Не неординарной личности, даже не многогранного поэта и замечательно-го артиста, а просто проекции чужих ожиданий.

Примечания

- ¹ *Бурдые П.* О телевидении / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой // Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 61–62.
- ² Российская Гильдия актеров кино объявила 2003 год годом Высоцкого [Электронный ресурс] // NEWSru.com: КУЛЬТУРА. [Б.М., 2003]. URL:

Е.В. Бродская

http://www.newsru.com/cinema/25jan2003/god_v.html (дата обращения 24.09.2009).

- ³ *Гаррос А.* За себя // Эксперт. 2008. № 1.
- ⁴ *Дубин Б.* Посторонние: власть, масса и массмедиа в сегодняшней России // Отечественные записки. 2005. № 6. [Электронный ресурс]: Журнальный зал/ Отечественные записки 2005 № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/6/2005_6_1.html (дата обращения: 24 сентября 2009 г.).
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Бронштейн Б.* Самый Высоцкий памятник // Новая газета. 2003. 30 янв.
- ⁷ *Хлебников О.* Если бы Высоцкий дожил до Путина // Новая газета. 2008. 24 янв.
- ⁸ *Покровский В.* «Реликт» посмотрел на Бога первым. Нобелевскую премию по физике американцы должны были бы разделить с российскими учеными // Независимая газета. 2006. 11 окт.
- ⁹ *Горбачева А.* Унижение избранных. [Электронный ресурс]. URL http://www.ng.ru/health/2007-09-28/9_unizhenie.html (дата обращения: 24 сентября 2009 г.).
- ¹⁰ *Бавильский Д.* Обло, стозевно и лайяй. [Электронный ресурс]: Русский журнал. URL: http://old.russ.ru/krug/20011122_bav.html (дата обращения: 24 сентября 2009 г.).
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Дебор Ги.* Общество спектакля / Пер. С. Офертас и М. Якубович. М.: Логос, 2000. С. 41.

Е.В. Леонтьева

ЖУРНАЛ «ПАНЧ» О ЖИЗНИ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются социальные проблемы английского общества в период Крымской войны (1853–1856). Особое внимание уделяется таким вопросам, как недостаточное финансирование британской армии, проблема избирательной системы, социальное расслоение общества, сельскохозяйственный кризис и фальсификация продовольственных товаров. В статье проводится анализ карикатур, опубликованных в сатирическом журнале «Панч», а также высказываются предположения о характере их воздействия на английское общество.

Ключевые слова: карикатура, сатира, журнал «Панч», социальные проблемы, правительство, английское общество.

В середине XIX в. Англия была одной из самых могущественных в мире держав. И хотя в то время она занимала ведущее место в области экономики, после ее вступления в 1854 г. в Крымскую войну правительство было вынуждено направить все силы на решение военно-политических задач, оставив в стороне вопросы общественно-экономического характера.

В то время безусловным лидером в области сатирической иллюстрированной периодики Великобритании считался журнал «Панч». О направленности журнала говорилось в обращении к читателям, опубликованном в первом номере 17 июля 1841 г.: «Панч» был задуман как сатирическое издание, позиции которого были, с одной стороны, консервативными, поскольку он поддерживал традиционную для Англии политическую систему, но с другой стороны, журнал ратовал за перемены, направленные на улучшение положения всех слоев английского общества, и поэтому его можно назвать прогрессивно-либеральным изданием того времени¹.

Журнал достаточно полно выражал настроение английского общества 40-х гг. XIX в., с хроникальной достоверностью представляя наиболее заметные события, происходящие не только в Англии, но и в мире. По замыслу одного из его редакторов, Марка Лемона, «Панч» должен был стать рупором всех обездоленных, притесняемых и униженных законом, поскольку «множество благородных и добрых людей томится за решеткой лишь потому, что они бедны и несчастны!»²

Главным выразительным средством «Панча» была карикатура. Сатирические иллюстрации занимали большую часть объема номера, тогда как текстовая часть сводилась к коротким заметкам или подписям – порой довольно пространным – к карикатурам.

Репутация журнала укреплялась еще и потому, что сатирические заметки «Панча» цитировались или частично перепечатывались такими авторитетными изданиями, как журнал «Вестминстер ревью» и газета «Таймс». Примечательно, что в октябре 2008 г., когда «Панч» уже прекратил свое существование, в «Таймс» была опубликована хвалебная рецензия³ на сборник иллюстраций «Лучшие карикатуры “Панча”»⁴.

«Панч», в свою очередь, в некоторых своих материалах также ссылался на общественно-политические издания (в том числе и «Таймс»), предлагая своим читателям заимствованные из них новости, но в юмористическом освещении.

Например, 24 февраля 1855 г. в журнале появилась заметка за подписью «мистера Панча», оформленная как обращение к читателям. В основе заметки лежала опубликованная в газете «Таймс» статья об английской пленнице в России. Речь шла о 82-летней женщине, Мэри Ричардсон, которая много лет проработала в России в качестве гувернантки, но с началом Крымской войны была объявлена чуть ли не шпионкой. И когда она решила вернуться в Англию, российские власти отказались выпустить ее из страны. В заметке «Миссия для маркиза»⁵, появившейся в журнале «Панч» со ссылкой на «Таймс», говорилось о положении, в котором находилась эта дама. В материале также содержалось обращение мистера Панча к маркизу Кланрикарду (в 1838–1841 гг. он возглавлял британское посольство в России) с просьбой обратиться к Николаю I, чтобы уговорить его отпустить мисс Ричардсон на родину.

Естественно, автор заметки вряд ли рассчитывал, что она попадет на глаза именно маркизу Кланрикарду и по ее прочтении он сразу же станет заниматься судьбой пожилой женщины. Скорее всего, текст был адресован английским властям, чтобы те обратили внимание на этот вопрос, а также простым людям, чтобы они узнали о положении Мэри Ричардсон. Остается неизвестным, сыгра-

ла ли эта заметка роль в судьбе пожилой дамы и получила ли она разрешение вернуться в Англию. Важно другое: это обращение было примером того, как журнал «Панч» проявлял заботу о простых людях: рассказ об одном человеке мог заставить правительство задуматься о судьбе сограждан, попавших в похожую ситуацию.

Еще об одной серьезной проблеме говорилось в заметке «Души героев», опубликованной в журнале «Панч» 10 марта 1855 г.:

Оплату труда наших отважных солдат, сражающихся в Крыму, совершенно необходимо повысить, хотя бы потому, что все их трофеи до сих пор состояли из русских сапог. Тем не менее, многим из этих несчастных храбрецов приходится ходить босиком, чтобы не влезать в русскую кожу – ни живыми, ни мертвыми⁶.

Автор этой заметки говорит о сложностях, возникавших в связи с недостаточным финансированием британской армии. Кроме того, поскольку страна находилась в состоянии войны с Россией, сатира автора была обращена на противника. Согласно этой заметке, гордый английский солдат лучше умрет от холода, чем наденет русские сапоги. Автор намекал на то, что Россия – бедная страна, так как в ней нечего взять, кроме сапог, да и те такие потрепанные, что их противно носить.

Через месяц после выхода этой заметки на страницах «Панча» появилась карикатура Джона Лича «Королева и уродцы Крымской войны»⁷. На рисунке мы видим королеву Викторию в сопровождении охраны перед карикатурными персонажами, символизирующими слабые места в организации британской армии: медицинское обслуживание, режим службы, продовольственное снабжение.

Первым слева стоит существо, олицетворяющее собой плачевное состояние военно-санитарного отдела: у этого существа человеческая голова в очках и с редкими волосами, вместо рук у него костыли, вместо ног – доски, неряшливо перевязанные бинтами, вместо туловища – разбитый пузырек из-под лекарства с надписью «Медицинский отдел» («Medical department»).

Вторым изображен высокий толстый человек с головой свиньи, на животе которого написано «Распорядок дня» («Routine»): он воплощал «свинское» отношение к солдатам в армии.

Третье существо получило от человека только ноги, в остальном его тело составлено из предметов, никак не относящихся к человеческому туловищу. На коротких ногах установлен шкафчик с тремя полочками и надписью «Продовольственное снабжение» («Commissariat»). На шкафчике – круглая, закрытая на замок коробка с табличкой «Сырые кофейные зерна» («Green coffee») – та-

Е.В. Леонтьева

кой кофе приходилось пить солдатам на войне. Результат употребления этого напитка метафорически показан на карикатуре: пирамиду из шкафчика и коробки завершает голова в виде репы.

Глядя на выстроившиеся перед ней уродливые создания, Виктория находится в очевидном замешательстве. Художник изобразил монархиню сосредоточенной – видно, что она глубоко задумалась над увиденным.

Однако недостаточное финансирование было далеко не единственным недостатком британской армии. Дело в том, что в XIX в. в Англии происходило формирование избирательной системы. Первая избирательная реформа датируется 1831 г., далее в течение столетия было проведено еще несколько реформ, направленных на усовершенствование этой системы, однако всеобщее избирательное право мужчины получили только в конце XIX, а женщины – в начале XX в.

К 1854 г., то есть к моменту вступления Англии в Крымскую войну, солдаты британской армии не имели право голоса. Поскольку в связи с началом войны в Англии была объявлена всеобщая мобилизация, граждане, отправляющиеся воевать, теряли свои избирательные права.

По этому поводу в апреле 1854 г. в журнале «Панч» была опубликована карикатура Джона Лича «Борьба между долгом и желанием. Храбрый маленький Джон прощается со своим любимцем, чтобы служить отечеству»⁸. На фоне марширующего строя изображен солдат в английской форме, сжимающий в руках большой бумажный свиток. У свитка есть руки, ноги и лицо, выражающее крайнее недовольство. Да и по лицу солдата видно, что ему жалко расставаться со своим «любимцем». На свитке написано «Новая реформа избирательной системы» («New reform bill») и «Право голоса» («Suffrage»).

Очевидно, что «маленький Джон» – это собирательный образ обычного английского солдата, а «любимец» – его право участия в выборах (если он входил в категорию имеющих право голоса) или же надежда получить это право в результате новой реформы, которую мог бы принять парламент, но так этого и не сделал.

Замысел художника очевиден: собственное «желание» солдата – это желание участвовать в политической жизни страны, а «долг» – это долг перед отечеством, необходимость воевать за свою страну. Солдат стоит в поле, он еще не дошел до своей части, он еще может вернуться назад – но эта возможность есть у него только на карикатуре. В действительности же выбора у него нет, о чем косвенно свидетельствует подпись под рисунком, где говорится, что он *уже* прощается с «любимцем».

В середине XIX в. Англия занимала ведущее положение в мировой экономике. Следствием этого стало разделение английского общества на два класса – нищих рабочих и богатых предпринимателей. Поскольку средний класс к тому времени еще не сформировался, между богатыми и бедными образовалась социальная пропасть, основанная на различии материального положения и образа жизни.

Эта социальная проблема отражена в опубликованной на страницах «Панча» серии карикатур, посвященных рабочим горнодобывающих районов. В этих карикатурах нет прямой социально-критической направленности – не показаны трудности шахтерского труда или противоречия шахтеров и работодателей. Но, представляя зарисовки из повседневной жизни шахтеров, автор тем самым заставлял читателя задуматься над причинами необразованности рабочих, их убогого примитивного существования.

Рассмотрим одну из таких карикатур – «Новая иллюстрация жизни горнодобывающих районов»⁹ (февраль 1854 г.).

На карикатуре изображены два шахтера с лопатой и справа от них, чуть дальше, – хорошо одетый господин. Шахтеры грязны, у них грубые лица и недоброжелательный взгляд. В руках – трубки, а рядом в воинственной позе стоит небольшая мускулистая собака – судя по всему, стаффордширский терьер, животное бойцовской породы, используемой шахтерами и металлургами для собачьих боев. Рабочие с неприязнью глядят на господина в цилиндре, который курит, высокомерно закинув голову. Подпись под рисунком гласит:

Первый вежливый местный житель. Это кто,
Билл?
Второй. Иностранец!
Первый. Брось в него камень!

Выражение «брось в него камень» («*'eave 'arf a brick at 'im*») стало с тех пор нарицательным. Оно использовалось для того, чтобы описать не только отношение низших слоев английского общества к иностранцам, но и отношение к незнакомцам представителей низших слоев в других странах. Например, американская газета «The New York Times» в 1887 г. опубликовала статью «Урок этнологии», в которой используется это английское выражение: «Сельские хулиганы всегда ведут себя в духе британских деревенских мужиков, которые, поняв, что проходящий мимо человек иностранец, предлагают “бросить в него камень”»¹⁰.

На карикатуре художник изобразил шахтеров, поскольку, по мнению английской прессы, рабочие из горнодобывающих районов вели себя особенно агрессивно, будучи недовольными своим поло-

Е.В. Леонтьева

жением и низкими заработками. И хотя рисунок, выполненный подчеркнута грубо, в мрачных тонах, может быть воспринят как зарисовка на бытовую тему, за грубостью шахтеров прочитывается вопрос, адресуемый читателю: а почему они так себя ведут? И не в беспросветной ли жизни, заполненной тяжелой работой, причины такого поведения?

Еще одной проблемой, отраженной в английской карикатуре середины XIX в., стал назревающий сельскохозяйственный кризис. В период Крымской войны Англия стояла на пороге экономического кризиса перепроизводства (впервые эта проблема коснулась Англии в 1825 г.), который разразился во всем мире сразу после окончания войны.

Этот кризис заключался в том, что вследствие слишком быстрых темпов роста производства, происходило перенасыщение рынка сбыта. Для того чтобы товар оставался конкурентоспособным, продавцам приходилось снижать цены, а когда цена опускалась ниже себестоимости товара, его продажа становилась убыточной, что, в конечном счете, приводило к разорению предприятия.

В сентябре 1854 г. журнал опубликовал карикатуру «Сельскохозяйственный кризис»¹¹, подпись под которой гласила:

Б р и т а н с к и й ф е р м е р. Хорошенькое дело! У меня так много пшеницы, что я не знаю, куда ее девать!

На рисунке мы видим английского фермера, за спиной которого простираются поля с перевязанными веревкой снопами пшеницы. Как видно, в этом году у фермера большой урожай, однако, судя по внешнему виду хозяина, этот факт не приносит ему радости. Лицо фермера выражает недоумение и растерянность. Его куртка расстегнута, руки он засунул в карманы, шейный платок съехал в сторону.

Мягкий юмор карикатуры свидетельствует о том, что экономическое положение Англии на момент 1854 г. еще не так плачевно. К тому времени мировой экономический кризис еще не разразился (он наступил только через год), и читателям «Панча» предлагалось посмеяться над растерянностью фермера и парадоксальностью неожиданной ситуации.

Художник словно говорит нам, что стремление фермера вырастить больше пшеницы с целью получения большей прибыли может привести в итоге к его разорению. Но едва ли карикатура высмеивает человеческую жадность, заставляющую фермера выращивать много пшеницы, не задумываясь о том, насколько его действия экономически оправданы. Ведь фермер хорошо сделал свою рабо-

ту, отчего же ее итог не только не радует, но пугает его? Не в том ли дело, что его работа и жизнь семьи зависят от неких экономических – и внеэкономических – факторов, о существовании которых он и не задумывался?

Карикатуры, посвященные сельскохозяйственному кризису, были адресованы всем слоям населения, поскольку эта проблема касалась жизни всего английского общества. В них высмеивалась невежественность и неосведомленность английских предпринимателей в области экономики и убежденность в том, что их прибыль зависит только от объемов производства.

Некоторые карикатуры, появившиеся в «Панче» в 1850-е гг., освещали проблему фальсификации продовольственных товаров. Особенно частыми были случаи подмешивания несъедобных веществ в такие товары, как сахар, чай, мука и другие сыпучие продукты, для увеличения их объема или веса. Целью журнала было обличить бакалейщиков, занимающихся жульничеством, а также предупредить об этом покупателей.

В подписи под карикатурой «О пользе подделок»¹², появившейся на страницах «Панча» в 1855 г., мы читаем:

М а л е н ь к а я д е в о ч к а. Сэр, пожалуйста, мама сказала купить четверть фунта вашего лучшего чая, чтобы травить крыс, и унцию шоколада, чтобы выводить тараканов.

На карикатуре изображен продавец за прилавком и девочка, пришедшая за покупками. Продавец, перед которым лежит мерный совок, стоит спиной к зрителю, и мы видим, что под прилавком у него – мешки с бирками, на которых написано: «Чилибуха рвотная» («Nux vomica»), «Песок» («Sand»), «Свинцовый сурик» («Red lead»). Именно эти вещества, не имеющие отношения к пищевым продуктам, бакалейщик, по замыслу художника, подмешивает в товары.

Конечно, на рисунке художник несколько сгустил краски в изображении ситуации с подделкой продуктов: некоторые из перечисленных добавок не только не пригодны к употреблению в пищу, но и представляют серьезную опасность для здоровья.

Известный отечественный исследователь национальных кулинарных традиций В.В. Похлебкин в книге «Чай» пишет:

В Англии в XIX – начале XX века был распространён такой вид фальсификации, как подмес к чаю ржавых металлических опилок, которые сильно увеличивали вес каждой пачки и, следовательно, позволяли продать меньшее количество подлинного чая за большее, а разницу в цене положить в карман, но при этом никоим об-

Е.В. Леонтьева

разом не затронуть качество продукта и даже не нанести вреда здоровью покупателя такого «утяжелённого» чая, ибо металл легко отсеивался или же, в случае его несвоевременного обнаружения, попросту оставался на дне заварочного чайника¹³.

Подделка продуктов действительно представляла собой серьезную проблему в Англии XIX в. Хотя в середине столетия страна опережала континентальную Европу в разработке и внедрении новых технологий, закон об обмане покупателей и фальсификации пищевых товаров, предусматривающий различные виды наказания – от штрафов до тюремного заключения, был принят в Англии только в 1872 г.; во Франции же такой закон существовал с 1851 г.

Таким образом, можно заключить, что социальные карикатуры, опубликованные на страницах «Панча» в период Крымской войны (1853–1856 гг.), были адресованы разным слоям английского общества. Карикатуры военной тематики были направлены не только на повышение боевого духа и позитивного настроения общества, но и на выявление ошибок, которые допускало правительство в отношении британской армии. Что касается карикатур, запечатлевших повседневную жизнь, то с их помощью «Панч» стремился изменить положение низших слоев, предлагал рабочим и предпринимателям заключить своего рода соглашение: первые должны были честно выполнять свои обязанности, вторые – сократить рабочий день и увеличить заработную плату.

Журнал был весьма популярен, его читали даже представители королевской семьи, в том числе королева Виктория, потому он оказывал влияние и на представителей власти. Журнал пользовался возможностью обратиться к правительству от лица простых людей, интересы которых он защищал.

Примечания

- ¹ См.: *The Moral of Punch // Punch, or the London Charivari*. 1841. № 1. P. IV.
- ² ... many generous and kindly beings are there pining within the walls of a prison, whose only crimes are poverty and misfortune! (Ibid. P. V).
- ³ *The Best of Punch [Electronic resource] // Times Online*, [Б.м., 2008] URL: http://entertainment.timesonline.co.uk/tol/arts_and_entertainment/books/article5006359.ece
- ⁴ *The Best of Punch Cartoons / Ed. by H. Walasek*. L., 2008. P. 69.
- ⁵ *Mission for a marquise // Punch, or the London Charivari*. 1855. Vol. 28. P. 57.
- ⁶ *The pay of our brave soldiers in the Crimea ought certainly to be increased, if for no other reason, yet for this, that all the booty they have as yet taken has consist-*

ed of Russian boots. Nevertheless, many of those poor gallant fellows are going bare-foot: so that the Russians, dead or alive, have not leathered them (The Soles of the Heroes // Punch, or the London Charivari. 1855. Vol. 28. P. 99).

- ⁷ The Queen Visiting the Imbeciles of the Crimea // Punch, or the London Charivari. 1855. Vol. 29. P. 127.
- ⁸ A Struggle between Duty and Inclination. Gallant little John taking leave of his pet to serve his country // Punch, or the London Charivari. 1855. Vol. 27. P. 47.
- ⁹ Further Illustration of the Mining Districts // Punch, or the London Charivari. 1855. Vol. 26. P. 61.
- ¹⁰ The rural hoodlum always acts in the spirit of the British yokel who, on being informed that a passer-by was a stranger, advised his informer to “eave ’arf a brick at ’im”. (A Lesson in Ethnology // The New York Times. 1887. № 157. P. 4).
- ¹¹ British Farmer. – ‘Well! Here’s a pretty business! I’ve got so much corn, that I don’t know where to put it.’ (Agricultural Distress // Punch, or the London Charivari. 1855. Vol. 27. P. 115).
- ¹² Little girl. ‘If you please, Sir, Mother says, will you let her have a quarter of a pound of your best tea to kill the rats with, and a ounce of chocolate as would get rid of the black beetles.’ (Use of Adulteration // Punch, or the London Charivari. 1855. Vol. 28. P. 98).
- ¹³ *Похлебкин В.В.* Чай. М., 2007. С. 124.

История публицистики. Риторика

Т.В. Бузина

«ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» – РУССКИЙ НАРОД НЕ-БОГОНОСЕЦ

В статье анализируется глава «Акулькин муж. Рассказ» из «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и показывается, что славянофильские представления писателя о русском народе-богоносце противоречат его собственному осторожному опыту общения с крестьянами каторжниками, где он увидел свойственное русскому крестьянству архаичное антиперсоналистическое коллективное мировоззрение, не допускающее личной свободы и ответственности. Основной определяющей силой в жизни русского крестьянства оказывается имущество, воспринимающееся как материальное воплощение родовой удачи, довлеющей жизни каждого отдельного человека.

Ключевые слова: удача, доля, свобода, воля, ответственность, коллективизм, персонализм.

«От народа спасение Руси, – говорит в «Братьях Карамазовых» старец Зосима. – Ибо сей народ – богоносец»¹. Это – Достоевский времени «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя», особенно рассказа «Мужик Марей», подлинного символического гимна духовности русского народа и спасительной роли, которую он должен сыграть в наставлении на путь истинный заблудшей российской интеллигенции и дворянства (мужик Марей помогает заплутавшему и испугавшемуся ребенку найти дорогу домой). Однако же «Мужик Марей», этот пеан примирению дворянства и народа, прозрение в душу народную, обретенное в Омском остроге, не нашел себе места в «Записках из Мертвого дома», где Достоевский смотрит на русский народ, находясь не в своей петербургской квартире или старорусском доме, а рядом с каторжниками, на соседних острожных нарах. Тот народ, который предстает

© Бузина Т.В., 2010

глазам вымышленного рассказчика Александра Петровича Горянчикова, настолько далек от идеализированного носителя христианских идеалов, что и не мог мужик Марей появиться в Мертвом доме. Для того чтобы это воспоминание выкристаллизовалось в художественный образ, в декларацию философской, религиозной, историко-политической миссии русского народа, понадобилось более десяти лет, прожитых, в общем-то, вдали от этого самого народа. В «Записках из Мертвого дома» русский народ предстает совершенно иным, и квинтэссенцией этого неожиданного образа крестьянства является срединная, то есть по сути центральная глава «Записок из Мертвого дома» – «Акулькин муж. Рассказ», история женоубийства. Горянчиков, судя по всему, тоже был осужден за убийство жены. Однако это убийство, по цензурным мотивам заменившее собой политическое преступление самого Достоевского, становится полноценной частью художественной системы романа, противопоставляя реакции крестьян и дворян на совершенные ими преступления.

Убийство для Достоевского – один из центральных мотивов, потому что именно в этом тяжком преступлении ему видится идеальная лакмусовая бумажка для одного из главных вопросов его творчества: свободен ли человек в своих поступках, что им движет – его ли воля или же неумолимая внешняя сила, будь то среда или судьба? При чтении «Записок из Мертвого дома» становится очевидным, во-первых, что Достоевский увидел самую настоящую пропасть, отделявшую русское дворянство от русского крестьянства: «Да, дворян они не любят <...> вы и народ другой, на них не похожий» (IV, 28), – говорит Горянчикову один из каторжников. Во-вторых, это была вовсе не пропасть между разращенными высшими классами и духовно богатым народом. Народ оказался куда менее христианским, нравственным и духовным, нежели полагала русская интеллигенция, вдохновляясь не столько собственным знакомством с народом, сколько идеями французских просветителей и романтиков². Народ, как оказалось, жил в языческом материалистическом мире, где жизнь определялась деньгами и имуществом, которые и составляли удачу, долю русского крестьянина, жестко определяя собой его жизнь. Русский народ также сохранил архаичную коллективную ментальность, в которой каждый отдельный человек был не самостоятельной, независимой и свободной личностью, но всего лишь частью семьи, рода, общины, которая принимала на себя коллективную ответственность за своих членов, не только экономическую, но и духовную, освобождая их от вины за любые преступления, совершенные не против своей общины

Т.В. Бузина

(«Большинство из них совсем себя не виныло. <...> Угрызений совести я не замечал, даже в тех случаях, когда преступление было против своего же общества. О преступлениях против начальства и говорить нечего» [IV; 147]). Хотя во время действия «Записок из Мертвого дома» еще существует крепостное право, крестьяне из «Акулькиного мужа», по-видимому, крепостными не были. Но это ничего не меняет в их самоощущении. Их жизнью управляет родовая удача, доставшаяся им от семьи, они не знают свободы, несущей с собой ответственность, и единственное доступное им понятие – это воля, выход за установленные обществом рамки, бунт и своеволие³. Это не соборность, не ощущение своей вины за всех, которое так стремился привить индивидуализированной интеллигенции Достоевский (ср. экстатическое переживание Алеши Карамазова, сон Мити Карамазова про «дитё»), это, наоборот, полное отрицание всякой личной ответственности, в чем с ужасом и убедился Достоевский в Мертвом доме.

В «Записках из Мертвого дома» Достоевский смотрит на русских крестьян глазами дворянина, который живет в твердой уверенности, что его жизнь определяется его собственным выбором, за который он несет полную ответственность. Горянчикова всю жизнь преследуют вина и раскаяние в убийстве жены. Таким образом, преступление Горянчикова и его отношение к своему преступлению сравниваются и противопоставляются другому женоубийству, совершенному крестьянином Шишковым. Рассказ о том, как Шишков убил свою жену Акульку, оказывается окном в мир несвободы, воли и безответственности – в языческий мир русского крестьянства.

События рассказа одновременно просты и непостижимы. Некий Филька Морозов ссорится с богатеем Анкудимом и говорит ему, что спал с его дочерью Акулькой, с которой был помолвлен. Акульку выдают за нищего Шишкова, лишь бы прикрыть грех, но оказывается, что Морозов ее оклеветал. Тем не менее Шишков, которому Морозов говорит, что тот был пьян и знать не может, была его жена девственницей или нет, постоянно избивает Акульку по любому поводу. Морозов тем временем подается в рекруты вместо другого человека и в ожидании отправки в армию всячески издевается над благодетельствованной им семьей. Однако накануне отъезда он прилюдно кается перед Акулькой и признается ей в любви. На следующий день Шишков убивает свою жену и прячется в бане, где его и находят.

Заголовок «Акулькин муж. Рассказ» подчеркивает, что именно Шишков – в центре этой странной истории. Это

...молодой малый, лет под тридцать ... пустой и взбалмошный человек. <...> Парень был трусоватый и жидкий. Все как-то с пренебрежением с ним обходились. Был он небольшого роста, худощавый; глаза какие-то беспокойные, а иногда как-то тупо задумчивые. Случалось ему что-нибудь рассказывать: начнет горячо, с жаром, даже руками размахивает – и вдруг порвет али сойдет на другое, увлечется новыми подробностями и забудет, о чем начал говорить. Он часто ругивался и непременно, бывало, когда ругается, попрекает в чем-нибудь человека, в какой-нибудь вине перед собой, с чувством говорит, чуть не плачет... На балалайке он играл недурно и любил играть, а на праздниках даже плясал, и плясал хорошо, когда, бывало, заставят... Его очень скоро можно было что-нибудь заставить сделать... Он не то чтоб уж так был послушен, а любил лезть в товарищество и угождать из товарищества (IV, 166).

Шишков совершенно неспособен принять на себя какую бы то ни было ответственность за свои поступки, что проявляется в том, как он попрекает тех, с кем ругается, и в том, как он недоволен Акулькой и избивает ее по самым смехотворным причинам: «встала неладно, пошла нехорошо» (IV, 171). В истории его брака он на самом деле злится на двух человек – на Морозова и на самого себя, но постоянно валит вину на тех, кого легче обвинять: на тех, кто женил его пьяного, и особенно на кроткую Акульку. Шишков воплощает в себе одну из главных черт народной ментальности – неспособность быть по-настоящему свободным и, следовательно, ответственным за свои поступки. В Акульке, Мадонне в Содоме русской жизни⁴, он видит прежде всего источник возможного богатства.

Морозов же, наоборот, человек, который может прийти к сознанию собственной ответственности, потому что он смог покаяться в своих грехах: «Душа ты моя, ягода, любил я тебя два года, а теперь меня с музыкой в солдаты везут. Прости меня, честного отца честная дочь, потому я подлец перед тобой – во всем виноват!» (IV, 172). Филька Морозов – скорее романтический тип среди русского крестьянства, и акцент здесь ставится на отношениях с женщиной, отношениях унижения, мучения и испытаний. Это не обычные избиения, как те, которым подвергал Акульку ее жестокий муж; Морозов играет с Акулькой в садистские игры, даже пальцем ее не касаясь и постоянно проверяя пределы ее ангельского терпения и готовности прощать. Однако Морозов тоже не последовательно романтический персонаж: его ссора с отцом Акульки начинается, как туманно объясняет Шишков, из-за денег, материи совершенно не романтической.

Т.В. Бузина

Ты, говорит Филька-то Анкудиму-то, делись: все четыреста целковых отдай, а я работник, что ли, тебе? не хочу с тобой торговать и Акульку твою, говорит, брать не хочу. Я теперь, говорит, закурил. У меня, говорит, родители померли, так я и деньги пропью, да потом в наемщики, значит, в солдаты пойду, а через десять лет фельдмаршалом к вам сюда приеду. Анкудим-то ему деньги и отдал, совсем как есть рассчитался, – потому еще отец его с стариком-то на один капитал торговали. «Пропаций ты, говорит, человек». А он ему: «Ну, еще пропаций я или нет, а с тобой, седая борода, научишься шилом молоко хлебать. Ты, говорит, экономлю с двух грошей загнать хочешь, всякую дрянь собираешь, – не годится ли в кашу. Я, дескать, плевать на это хотел. Копишь-копишь, да черта и купишь. У меня, говорит, характер. А Акульку твою все-таки не возьму: я, говорит, и без того с ней спал...» (IV, 167).

В этой истории религиозные убеждения Анкудима и его поведение прямо противоречат друг другу. Шишков подчеркивает набожность Анкудима, но все же в семье Анкудима все основывается на деньгах. Филька, отказываясь от принципов Анкудима и своего собственного отца, указывает Анкудиму на непоследовательность его поведения словами «копишь-копишь, да черта и купишь». Вся речь Фильки звучит отзвуком повторяющегося мотива духовных стихов, а именно, мотива греховности накопления земных богатств, восходящего к Евангелию: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкопывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкопывают и не крадут. Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф.: 6: 19–21). Особенно яркое воплощение этот мотив получает в духовных стихах:

Увидали эти грешники Михаила архангела,
Закричали эти грешные:
«Михайло архангел, государь ты наш великий!
Переведи ты нас через реку огненную,
Возьми ты с нас много золота, много серебра!»
Как возговорит Михайло архангел:
«Не надо мне много золота, много серебра,
А мне надо царствие небесное!
Это у вас было на белом свете:
Судили вы суды не по праведному,
Ставили вы правого виноватым,
Вы брали с них много золота, много серебра,

Закладали вы и золото и серебро
Во матушку во сыру землю;
Не наполнили вы матушку сыру землю,
Не наследовали себе царствия небесного;
Наполнится матушка сыра земля Божьей милостью...»⁵

В этом контексте слова Фильки «да черта и купишь» можно счесть вариантом обыкновенной фразы «ни черта не купишь», но в буквальном значении эти слова значат, что единственное, что можно купить за деньги – это именно черт, то есть вечная погибель тем, кто не сумел накопить истинные сокровища духа. Анкудим с его страстью к деньгам и собственности все еще находится в плену древних языческих представлений, где богатство считается благословием Божьим⁶. Его ярая приверженность христианству остается по большей части формальной, это приверженность букве, а не духу; набожность Анкудима демонстрируется чтением, а не христианскими деяниями, не даянием милостыни и даже не молитвами и не посещениями церкви. Вполне вероятно, что Анкудим видит некую связь между своим богатством и набожностью. Христианский Бог и языческий бог-податель богатства слились в его сознании в некое синтетическое божество, поклонение которому приносит деньги и собственность. Даже мир набожного Анкудима – это языческий мир, где еще слишком буквально ощущается связь бога и богатства.

Собственно церковь упоминается только дважды – первый раз, когда Шишков женится на Акульке: «привезли нас от венца» (IV, 169), и после первой брачной ночи, когда Шишков понимает, что Акулька была девственницей: «Вышли мы с ней в первое воскресенье в церковь: на мне смушачья шапка, тонкого сукна кафтан, шаровары плисовые; она в новой заячьей шубке, платочек шелковый, – то есть я ее стою и она меня стоит: вот как идем! Люди на нас любуются» (IV, 170). Церковь как бы обрамляет самое светлое, самое счастливое мгновение истории: торжество невинности и возмущение страданиями, причиненными невинному существу: «И за что она после эфтова такую муку перенесла!» (IV, 170). Кроме как в качестве обрамления этого мгновения, больше церковь в рассказе не появляется. Герои рассказа живут со своими своеобразными верованиями, которые они считают христианскими. Если в «Дневнике писателя» и в «Братьях Карамазовых» Достоевский настаивал на том, что жестокость, варварство и атеизм в русском народе есть лишь нечто наносное, затемняющее истинную христианскую сущность русского народа, то «Записки из Мертвого дома» показывают, что христианство так и не закрепилось в русском народном со-

знании, формально ставшем христианским, но по сути оставшемся языческим⁷.

Даже духовные понятия на языке крестьян обретают материальное выражение. Счастье Шишкова и Акульки описывается исключительно через богатую одежду (в русских народных сказках, кстати, слово «счастье» означает «состояние»⁸). «Я ее стою и она меня стоит», – гордо говорит Шишков. Каторжник, которому Шишков в остроге рассказывает свою историю, удивляется, что Анкудим согласился выдать свою дочь, пусть даже обесчещенную, за нищebroда. «Мы ведь не бесчестные были, – объясняет ему Шишков. – Мой родитель только под конец от пожару разорился, а то еще ихнего богаче жили» (IV, 169). Здесь «честь», понятие, связанное с определенным кодексом поведения, с благородством и величием духа, сливается с «частью», долей, участью, имуществом. Как и счастье, честь – это прежде всего имущество. Архаичность представлений русского крестьянства о деньгах как родовой судьбе проявляется и в том, что часть, долю, деньги, как и честь, раз потеряв, невозможно восстановить обычными человеческими усилиями. Деньги и имущество – это не просто дом, бумага или серебро, это часть сущности самого человека, поэтому потерянную часть, как и потерянную честь, можно вернуть, только войдя в другую семью и приобщившись к ее доле/части/честьи⁹. Ценность человеческого существа приравнивается к его финансовому положению. И Шишков видит в Акульке «госпожу удачу», которая принесет ему богатство, а вовсе не воплощение духовности.

В отличие от Шишкова, Филька Морозов презирает этот мир извращенных ценностей и пытается из него вырваться, но его трагедия заключается в том, что он не знает, чего именно ищет. Он отвергает ложные убеждения Анкудима, но отвергает их не ради подлинно христианских убеждений. В мире Анкудима деньги заменяют собой все, даже Бога, но вместо того, чтобы обратиться к Богу, Филька выбирает такой способ бунта, который полностью подчиняется логике мира, который он так жаждет покинуть; пьянство, разгул и разврат являются таким же ошибочным уравниванием свободы с отказом от денег, как и представления Анкудима о том, что богатством можно заработать на царствие небесное. Филька отвергает Акульку потому, что видит в ней связь с миром Анкудима, возможное воплощение госпожи удачи, передатчицу доли собственной семьи. «Прости меня, честного отца честная дочь», – говорит он Акульке даже тогда, когда признается в собственной вине. Но все же он ощущает в ней тот идеал, к которому стремится, но он не способен достичь его – вплоть до последнего момента перед отправкой в армию, когда он кается перед ней и просит у нее про-

щения. До этого момента покаяния Морозов был пленником детерминистической вселенной языческих представлений о человеке и мире. Только в этом акте покаяния Морозов действительно вырывается из мира удачи и обретает истинную свободу, и именно тогда Акулька, воплощающая в этой истории истинную святость, говорит, что тоже любит его.

Именно этот момент становится переломным в ее отношениях с собственным мужем. «А она, вот веришь или нет, посмотрела на меня: “Да я его, говорит, больше света теперь люблю!” <...> Я в тот вечер целый день ей ни слова не говорил... Только к вечеру: “Акулька! я теперь тебя убью, говорю”» (IV, 172). Шишков видит в Акульке прежде всего носительницу удачи, и это снова проявляется в странной мотивации убийства. «Да уж обидно стало мне очень» (IV, 170). Но это не уязвленная гордость отвергнутого мужа, ведь в народном словоупотреблении «обида» – это несчастье, неудача:

Кручина от меня да не отшатнется,
Обидушка к вам да не привяжется¹⁰.

Шишков не получил от Акульки той удачи, на которую надеялся, поэтому его поступок – это, по сути дела, акт мести. Но даже Шишков ощущает в Акульке нечто большее, чем живое воплощение семейного состояния. Он называет ее чудной, и это слово можно читать и как «чудн^ая», и как «ч^удная». И в своем собственном поведении Шишков тоже чувствует некоторую двусмысленность: «Что хочу теперь, то над всеми вами и делаю, потому что теперь в себе не властен» (IV, 171). С одной стороны, ему кажется, что он делает все, что захочет, а с другой – он сознает, что источник его действий находится вне его, – он «в себе не властен». Шишков не властен в себе, потому что, не ощущая себя настоящим ответственным за свои поступки, он не может быть действительно свободным. Он живет не в христианском мире свободы и всеобщей *личной* ответственности за всех, но в языческом мире воли и полной безответственности человека даже за себя самого. Это мир, в котором торжество добродетели мимолетно, а ее существование не ведет других к преображению и исправлению, потому что этот мир мыслит иными, материальными, категориями, одновременно полагая их, подобно Анкудиму, признаком истинной веры.

В Мертвом доме Достоевскому открылся мрачный мир русского крестьянства, мир коллективной и безответственной, разрушительной воли, радикально противостоящий его собственному миру

Т.В. Бузина

ответственности и свободы. Однако трагедия состоит в том, что и мир каторжников-дворян, представленный, в частности, рассказчиком Горянчиковым, символически лишен будущего. Из предисловия издателя читатель узнает, что Горянчиков умер через несколько лет после выхода из острога в полном одиночестве. Его раскаяние не привело его к духовному возрождению, к обретению чувства общности с другими людьми. Опасности высоко развитого персонализма, остро осознающего индивидуальность собственной личности и личную ответственность только за свои и ничьи больше поступки, живо рисуются во всех романах писателя, и особенно наглядно – в образе Ивана Карамазова. Поэтому Достоевскому необходимо утвердиться в мысли о существовании некоего внешнего идеала, к которому могут стремиться его герои. Достоевский утверждает существование «народа-богоносца» вопреки тому, что он сам увидел и пережил на каторге, но свидетельство «Записок из Мертвого дома» не теряет от этого своей мрачной силы.

Примечания

- ¹ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1991. Т. 14. С. 285. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
- ² См.: *Frank J.* Dostoevsky. The Years of Ordeal. 1850–1859. Princeton: Princeton univ. press, 1983. P. 91–92.
- ³ О понятии воли см.: *Шмелев А.Д.* Пространственная составляющая «русской души» // Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки русской культуры, 2002. С. 342–462; *Вежбицка А.* Словарный состав как ключ к этнофилологии, истории и политике: «Свобода» в латинском, английском, русском и польском языках // Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 434–473; *Бузина Т.В.* Воля в русском фольклоре: свобода и произвол // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. № 5 (61). С. 200–207.
- ⁴ *Jackson R.L.* The Art of Dostoevsky. Princeton: Princeton univ. press, 1981. P. 89–94.
- ⁵ *Бессонов П.* Калеки переходные. М., 1861–1864. Ч. 2. Вып. 5. С. 226–227.
- ⁶ См. аналогичные тенденции в протестантизме и особенно в кальвинизме, где богатство становится средством убедиться в том, что человек действительно принадлежит к избранникам Божиим и не обречен в рамках двойного предопределения на вечные муки. Об этом см.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 19–127. См. также: *Мережковский Д.С.* Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль. Томск, 1999. С. 294.

- ⁷ *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 32.
- ⁸ Вот как предсказывает ангел будущее богатство младенцу из нищей семьи: «Имя ему – Андрей, – сугорил ангел небесный, – а счастье ему – Маркино!»: *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. М., 1956. Т. 2. С. 444.
- ⁹ Ср. слова царевны из народной сказки: «А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему Господь пошлет иную долю»: *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. Т. 3. С. 68.
- ¹⁰ *Барсов Е.В.* Причитания Северного края. СПб., 1873. Т. 1. С. 110.

Е.А. Березина

ПРАВОВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье анализируется состояние российской правовой журналистики и показывается, что, несмотря на множество материалов, написанных по этой тематике, само понятие «правовая журналистика» еще не определено. Многие классификации, предложенные теоретиками СМИ, вольны по содержанию и сильно отличаются друг от друга. Большое количество аспектов правовой журналистики нельзя назвать основательно изученными. Кроме того, это направление в журналистике сталкивается с массой проблем. Например, с некомпетентностью авторов материалов, недостаточной правовой базой и закрытостью органов власти от средств массовой информации.

Ключевые слова: журналистика, общество, право, газеты, криминал, пресса, проблемы.

Журналистика уже давно и прочно заняла свое место в социальной, культурной, экономической и политической жизни общества. Тем не менее в науке о журналистике до сих пор полно «белых пятен». В теорию журналистики и публицистики уже давно вошли и прочно там закрепились такие понятия, как «спортивная журналистика», «экономическая журналистика», «политическая журналистика», «научная журналистика», «светская журналистика» и даже «деловая журналистика», хотя что последняя появилась в российской журналистике лишь в конце XX в. Однако в классификации отечественной публицистики до сих пор отсутствует такое понятие, как «правовая журналистика», несмотря на то что она уже давно играет заметную роль в системе отечественных СМИ.

© Березина Е.А., 2010

Отдельные стороны правовой журналистики анализируются в общих работах по истории журналистики или в статьях, диссертациях и монографиях, посвященных проблемам СМИ и права. Однако многие известные отечественные историки и теоретики СМИ изучают правовую публицистику фрагментарно, не уделяя ей комплексного внимания. В этой области можно отметить диссертации Ф.Ю. Шеуджен «Журналистский правовой текст (проблема судебной интерпретации)», Л.Л. Тимофеевой «Судебная хроника» в газетах США», Т.В. Каравичевой «Эволюция языка СМИ в публикациях экономической и социально-правовой тематики», М.В. Богомолова «Онтологический аспект социального воздействия правовых публикаций». Множество научных работ Ю.А. Бельчикова, И.Н. Гриневой, А.М. Эрделевского и А.В. Осташевского посвящено конфликту языка и смысла в правовой журналистике, детальному лингвистическому анализу текстов правовых публикаций, правовой интерпретации текстов, их социальной составляющей. Однако с чего началась правовая журналистика как таковая? Под влиянием чего формировалась? Ответы на эти вопросы остаются открытыми, несмотря на большое количество работ, посвященных отдельным сегментам правовой журналистики. Но правовая публицистика заслуживает детального изучения и рассмотрения, поскольку множество ее факторов остались незатронутыми.

Далеко не все аспекты правовой журналистики можно назвать основательно изученными. Лишь в незначительной части работ приводится вольная классификация материалов правовой журналистики, отношения к ней читательской аудитории и рассматривается этическая сторона вопроса. В обзоре рассмотрена правовая журналистика в качестве самостоятельного явления, определены параметры и признаки, по которым журналистские тексты можно отнести к правовой публицистике, а также предложена и проанализирована классификация материалов, подпадающих под возможное определение «правовая журналистика». Для этого были проанализированы газетные материалы соответствующей тематики, а также труды известных отечественных и зарубежных историков и теоретиков СМИ, которые изучали состояние этого вопроса (Б.И. Есина, Е.П. Прохорова, В.В. Ворошилова, Ю.В. Лучинского и других).

При наличии самого термина «правовая журналистика» и большой частотности употребления данного термина в значительном количестве научных и популярных текстов общепринятого его толкования до сих пор не существует, а коннотации его использования имеют самое разнообразное наполнение. Несмотря на то что понятие «правовая журналистика» еще не закрепились окончательно в

Е.А. Березина

журналистской терминологии, некоторую классификацию журналистских текстов, которые можно было бы отнести к правовой журналистике, уже можно выделить. Как правило, правовая журналистика представлена в газетах по нескольким направлениям:

1. Распространение общей информации о законодательстве. К этому сегменту можно отнести печать в периодических изданиях принятых нормативно-правовых актов (законов, постановлений и т. д.), различные разъяснения и комментарии к ним. Анализируя конкретные документы, автор подводит читателя к общим выводам, популяризирует и объясняет закон. Статьи и обзоры, посвященные как отечественному законодательству, так и правовым системам других стран, пишут, как правило, сотрудники государственных органов (юристы, экономисты, социальные работники – в зависимости от того, в чьей компетенции находится принятый документ).

2. Судебная публицистика. К этой категории относятся заметки, репортажи и отчеты о заседаниях суда, материалы, освещающие значимые судебные процессы. Назначение ее – сжато, оперативно, конкретно сообщать о наиболее злободневных гражданских и уголовных процессах. Журналисты подробно излагают сам ход судебного процесса, содержание обвинительной речи прокурора и защитительной речи адвоката и т. д. В рамках таких материалов нередко приводятся комментарии и интервью сотрудников правоохранительных органов, суда и прокуратуры, адвокатов обеих сторон.

3. Криминальная хроника. Это новости, статьи, репортажи, очерки и отчеты о наиболее актуальных уголовных делах. В чем-то криминальная хроника перекликается с судебной публицистикой. В рамках таких материалов нередко приводятся комментарии и интервью сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры, адвокатов обеих сторон. Часто журналисты рассуждают о морально-нравственной проблематике уголовных (гражданских) дел, обращаясь к жизни обвиняемого и потерпевшего, рассуждая о том, как могло в обществе совершиться подобное и что довело обвиняемого до преступления.

4. Нравственно-правовая пропаганда использует аналитические и художественно-публицистические жанры (очерки, фельетоны, зарисовки, корреспонденции и т. д.). На примере конкретных дел авторы обнажают различные язвы общества; показывают, чем обернется тот или иной закон для определенных категорий граждан (яркий пример – публикации в ряде ведущих изданий о Федеральном законе № 122-ФЗ, или так называемом законе о монетизации льгот). Это направление журналистики очень полезно, так

как привлекает внимание граждан к несовершенству общества и пытается разрешить сложившиеся проблемы.

5. Правовые консультации. Материалы этой категории, как правило, предполагают формат вопросов–ответов и консультации юристов, сотрудников правоохранительных органов и других инстанций, разъясняющих гражданам их права и обязанности.

Впрочем, такое распределение довольно условно, поскольку все эти направления не придерживаются четких границ и способны пересекаться друг с другом или плавно друг в друга перетекать. Единственное, что роднит все виды журналистского правового текста, это то, что они укладываются в параметры формы «преступление и наказание»¹, как в прямом, так и в переносном значении. Поскольку параметрическая характеристика указанной формулы задана предельно широко, в качестве объединяющего фактора для всего спектра выступает моральный аспект (осуждение написанного), даже если в публикациях проскальзывает некая романтизация девиантного поведения. Если принять этот вариант понятия текста в правовой журналистике, то векторы его реализации получают весьма разнообразное воплощение – от аналитических обзоров в качественных изданиях до сенсационных материалов специфического свойства в бульварной периодике.

Есть еще одна градация, предложенная И.Н. Гриневой, рассматривающая правовую публицистику как форму социального контроля через средства массовой информации процессов правотворчества и правоприменения, поскольку от СМИ напрямую зависят и санкции в отношении нарушителей закона, и предупреждение преступного поведения. Инструментом в данном случае «становится система функций журналистики, участвующей в противостоянии криминалу, которые осознаются как ее непосредственные обязанности»².

Первая группа этих функций связана с освещением данного явления, с исследованием его корней, конкретных обстоятельств тех или иных преступлений в целях ориентации аудитории, помощи ей с точки зрения безопасности, информационного содействия правоохранительным органам. Журналистика выступает тут как информатор общества, фиксирующий внимание его членов на особо опасных проявлениях преступности.

Вторая группа предусматривает содействие повышению эффективности работы правоохранительных органов путем ее анализа, выявления как положительных, так и отрицательных сторон в организации борьбы с преступностью. Здесь журналистика выступает в роли социального контролера, стимулирующего совершенствование деятельности систем и органов по охране правопорядка.

Третья группа функций ориентирована на предупреждение преступности. Привлекая общественное внимание к причинам и последствиям противоправных деяний, повышая правовую грамотность аудитории и укрепляя ее правосознание, пресса участвует в создании такого нравственного климата в общественной жизни, при котором непримиримость к преступлениям и милосердие к осознавшим свою вину становятся естественной нормой поведения. «В этой ситуации журналистика играет роль просветителя и социального педагога»³.

Сегодня правовые тексты, в основном судебной и криминальной тематики, помещаются в большинстве периодических изданий: и специализированных СМИ («Совершенно секретно», «Мир криминала» и др.), и в массовых изданиях, причем как в таблоидах («Жизнь», «Твой день» и др.), так и в качественной прессе («Известия», «Российская газета» и др.).

Несмотря на все свое разнообразие, правовая журналистика переживает сейчас тяжелые времена – доступность любых тем и путей их раскрытия стала серьезным искушением для журналистов. Это общая беда всей отечественной журналистики переходного периода в большей степени коснулась правовой публицистики. «Одно из самых серьезных следствий изменения условий работы журналиста в редакции – возрастание его ответственности. Разумеется, и прежде он отвечал перед читателями и руководителями своей редакции за то, что он делал. И если журналист нарушал установленные общественные нормы, партийные предписания и указания редактора, если допускал грубые ошибки, ему приходилось отвечать за это»⁴.

Профессионалами, которые уцелели в СМИ, нынешняя правовая публицистика воспринимается особенно болезненно и потому, что в свое время любимыми публикациями СМИ были судебные очерки, которые, несмотря на всю регламентированность журналистики ушедшей эпохи, пользовались заслуженной популярностью. Реакцией на статьи тогдашних мастеров правовой публицистики, таких как Л.В. Никитинский, Л.И. Графова, В.А. Аграновский, О.Г. Чайковская, Ю.П. Щекочихин, становились тысячи писем, приходивших в редакции. И почти «каждая публикация являлась событием общественной жизни, которое обсуждали дома и на работе»⁵.

Сегодня, несмотря на достаточное число публикаций по проблемам преступности в современной российской прессе, уровень большинства из них характеризуется «неглубоким проникновением авторов в суть этого негативного явления, порождаемым их некомпетентностью, недостатком специальных знаний»⁶. Кроме того,

на качество материалов отрицательно влияют зачастую «завышенная самооценка работников средств массовой информации, нежелание авторов получать профессиональное (а при необходимости и дополнительное) образование и самосовершенствоваться. Сказываются отсутствие должного взаимопонимания между журналистами и представителями правоохранительных органов, слабое представление названными сторонами о функциях, задачах, способах деятельности друг друга, а также установка работников правоохранительных органов на закрытость важной для общества информации, на ограничение доступа к ней прессы»⁷.

К сожалению, сегодня во многих публикациях на судебную тему собственно судебной тематике посвящена лишь незначительная часть текста. Описание процесса чаще всего является финальной частью материала, а порой и вовсе отсутствует. Предыдущие разделы открывают фабулу дела – процесс совершения преступления, поиск и поимку преступника, другие этапы расследования. Такое построение наиболее характерно для публикаций, выполненных в жанре «судебного очерка или репортажа»⁸. Типичные примеры: заметки «Судебная пауза» в федеральном выпуске «Российской газеты» № 3776 от 21 мая 2005 г., «Прерванный вердикт» в газете «Известия» от 5 мая 2006 г., «Суду надоело слушать о болезни Платона Лебедева» в газете «Коммерсант» № 127 (2966) от 15 июля 2004 г.

Детальный анализ публикаций демонстрирует фактологическую бедность материалов, посвященных правовой тематике, отсутствие в них правовой оценки и комментария. Эта скудность сопровождается, но не компенсируется многочисленными авторскими комментариями и лирическими отступлениями, гневно обличительными или морализаторскими сентенциями, обобщениями, литературными реминисценциями и т. д. Это легко проследить по публикациям в рубриках «Происшествия» и «Общество» в газетах «Жизнь», «Комсомольская правда», информационный портал «LIFE.RU», в газете «Твой день» и др.

Вот что по поводу важности описания самого хода судебного процесса говорил еще в 1970-х гг. известный юрист М.С. Строгович: «Чрезвычайно редко можно встретить в газете подробное изложение самого хода судебного процесса, содержание рассмотренных судом доказательств, данных на суде показаний, обвинительной речи прокурора и защитительной речи адвоката и т. д. А по многим делам это было бы полезно, привлекло бы внимание граждан к работе суда. Содействовало бы мобилизации общественности на борьбу с преступностью, на предотвращение и предупреждение преступности»⁹. К сожалению, его слова актуальны и сегодня.

Немалую роль играет правовая культура работников СМИ. Несмотря на благонамеренность повествования, желание объективно осветить выбранную тему, в глаза бросается низкий уровень правовой культуры, несформированность и деформированность правосознания журналистов. «Во многих публикациях и выступлениях усматриваются различные проявления антикультуры СМИ»¹⁰. Дело не только в юридических знаниях, вернее в их отсутствии, сколько в отношении к праву, правовым принципам, законодательным нормам. А ведь «журналист должен быть образованным человеком, и только тогда он сможет, избегая поверхности и ошибок, эффективно работать в СМИ»¹¹, – считает Е.П. Прохоров.

Сейчас СМИ очень часто наглядно демонстрируют пренебрежение к правовым требованиям вплоть до полного отрицания всех запретов. «В журналистской практике представлена вся палитра отношений: от правового инфантилизма (юридическая беспечность) через правовой нигилизм (пренебрежение к праву) к правовому негативизму (отвержение права). В этом усматривается основная проблема, создающая угрозу для СМИ “изнутри”»¹², – отмечает М.В. Богомолов. Такой же точки зрения придерживается и Д.С. Авраамов, считающий, что «в погоне за сенсационными разоблачениями редакторы газет и телевидения бездумно ломают элементарные этические и правовые запреты»¹³.

Одной из основных причин, по мнению С.М. Гуревича, приведших к деградации качества правовой журналистики, можно назвать «безответственность некоторых журналистов, ложное понимание ими своей общественной роли, своих прав и обязанностей»¹⁴. На втором месте – бешеный ритм работы в СМИ. Сейчас требуется писать быстро и много, нет времени на тщательный отбор информации и проверку фактов. Разумеется, качество текстов от этого лучше не становится. А ведь общество вправе требовать от СМИ объективности и широкого освещения всех проблем, а также полноценного включения его представителей в массовую коммуникацию в качестве субъектов. Если взять судебную публицистику, то даже в небольшой заметке о процессе необходимо сказать хотя бы несколько слов о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления. И наконец, «нельзя обойтись без освещения в средствах массовой информации нравственного климата общества, уровня его правовой культуры, умонастроения по отношению к преступности как явлению и всем ее элементам, прежде всего – к виновным в совершении преступлений и к их жертвам»¹⁵.

Интересна точка зрения И.Н. Гриневой, которая полагает, что «учитывая позитивные наработки прошлого, анализируя и исправляя нелюбимые оценки деятельности изданий, работающих с

темами преступности сегодня, формируя уже в период подготовки специалистов в области СМИ и права установку на взаимное доверие, уважение, готовность быть полезными друг другу и, разумеется, памятуя о предназначении журналистики, можно добиться высокоэффективного участия прессы в антикриминальной борьбе»¹⁶. Сегодня гораздо больше пользы для защиты общественной нравственности способна дать «корпоративная солидарность журналистского и юридического сообществ, если она сориентирована на порицание любого использования профессионального статуса для осквернения общественной морали и нравственности»¹⁷.

Внести свой вклад в развитие правовой журналистики пытается Гильдия судебных репортеров, издавшая декларацию «О принципах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования». Ее составила группа журналистов, постоянно освещающих судебные и досудебные (на стадии следствия и возбуждения дел) процессы. В документе есть такие слова: «Нас тревожит в первую очередь забота о престиже профессии журналиста. В последнее время жанр “чернухи” или поверхностного, низкопробного криминального репортажа вытесняет с газетных полос и из эфира квалифицированные материалы, ориентированные на идеи правосудия, анализирующие социальные и иные причины преступлений. Это положение не отвечает интересам демократии, а также перспективам российских СМИ.

Объединение усилий журналистов, работающих в этом сегменте информационного пространства, диктует необходимость защиты наших общих цеховых интересов, превалирующих над мотивами конкуренции. Наша репутация нуждается в защите в первую очередь от дилетантских подходов, девальвирующих в глазах общественного мнения профессию судебного репортера. Отвечая друг за друга своими авторскими именами, мы признаем следующие принципы честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования»¹⁸.

Примечания

- ¹ *Шеуджен Ф.Ю.* Журналистский правовой текст (проблема судебной интерпретации): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- ² Проблематика СМИ: Информационная повестка дня / Под ред. М.В. Шкондина, Г.С. Вычуба, Т.И. Фроловой. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 243.
- ³ Там же.
- ⁴ *Гуревич С.М.* Экономика отечественных СМИ. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 262.
- ⁵ *Шеуджен Ф.Ю.* Указ. соч.

Е.А. Березина

- 6 Проблематика СМИ: Информационная повестка дня. С. 242.
- 7 Там же.
- 8 Судебные дела и процессы в газетных публикациях [Электронный ресурс] // СМИ и судебная власть в России / Библиотека Центра экстремальной журналистики. [Б. м., б. д.]. URL: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=62&c_id=8530 (дата обращения: 21.04.2009).
- 9 *Строгович М.С.* Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 48.
- 10 Судебные дела и процессы в газетных публикациях.
- 11 *Прохоров Е.П.* Исследуя журналистику. М.: РИП-Холдинг, 2006. С. 75.
- 12 *Богомолов М.В.* Онтологический аспект социального воздействия правовых публикаций: Дис. ... канд. филол. наук. 2002.
- 13 *Авраамов Д.С.* Профессиональная этика журналиста. М.: Изд-во Московского университета, 2003. С. 13.
- 14 *Гуревич С.М.* Указ. соч.
- 15 Проблематика СМИ: Информационная повестка дня. С. 243.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 247.
- 18 Декларация Гильдии судебных репортеров.

К.М. Алексанян

«ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ» В ПРЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

В статье анализируется сегодняшнее состояние печатной периодики Армении. Отдельные публикации газет, как проправительственных («Республика Армения», «Голос Армении»), так и независимых («Аравот»), показывают, что газеты сегодня работают не для общества, а для отдельных властных и подвластных структур, «идеологически воюющих» между собой. Для представления иллюзорной картины политики, газеты применяют всевозможные приемы, стремясь формировать «нужное» впечатление о кандидате, партии. Это явление рождает «информационную войну» в медиапространстве. Что касается интерпретации события, следует подчеркнуть, что в армянской печатной периодике практикуется метод выборочности информации: освещение малозначительных эпизодов, умалчивание о важных.

Ключевые слова: современная Армения, пресса, манипуляция, «информационная война», газета «Аравот», газета «Голос Армении», газета «Республика Армения».

Известно, что СМИ обладают мощными манипулятивными ресурсами. Несмотря на то обстоятельство, что в армянской действительности слухи, информация от соседей, родственников, друзей, одним словом, неформальные источники образуют вариативную интерпретацию событий и могут в чем-то противостоять СМИ, тем не менее роль СМИ доминирует во всех отношениях.

Политическая сфера специфична. За многими процессами, происходящими в политике, граждане следят не непосредственно, находясь в рамках политического поля, а опосредованно, становясь объектами влияния поля информационного¹. Информационное по-

К.М. Алексанян

ле диктует свои правила. Здесь на первый план выходит формат издания. Под форматом в данном случае мы понимаем совокупность характеристик издания, которыми оно отличается от других. Из совокупности характеристик особо выделим концепцию, так как цель издания воплощается именно в концепции². В ней реализуется замысел учредителя, его основные идеи. Это индивидуальный образ газеты, система взглядов, другими словами – внутриредакционная цензура, с которой так или иначе журналисты считаются.

Проправительственные газеты «Республика Армения», «Голос Армении» и нейтрально-оппозиционная «Аравот» по формату совершенно разные издания. Следует подчеркнуть, что армянские издания в большинстве случаев не имеют формализованных стандартов создания конечной продукции (исключая газету «Аравот», где существует документ, излагающий принципы, которыми руководствуется газета, однако эти принципы относятся лишь к этической стороне). Издания опираются на интуицию, логику, исследование рынка, но никак не на документ, где были бы прописаны требования, которые предъявляют редакторы журналистам при выпуске номера. А те издания, у которых есть подобный внутрифирменный «кодекс», ограничивают к ним доступ.

В современных условиях армянского медиарынка печатное издание – это не просто источник информации. Оно также товар³. А для успешного существования этого товара на рынке нужен не только качественный текст, но и качественные связи с аудиторией. Ведь качественная связь – залог эффективной манипуляции. Н.С. Леонов справедливо отмечает:

Информация, как никогда, стала инструментом власти. Когда была обнаружена восприимчивость человеческой психики к внушению, информация в форме пропаганды и агитации стала главным рычагом управления людьми. Она постепенно заменила собой грубую силу, насилие, которое долгое время считалось единственным и неперемным орудием управления. <....> президент США Ричард Никсон, выступая однажды в Совете национальной безопасности по вопросу бюджетных расходов, сказал, что он считает 1 доллар, вложенный в информацию и пропаганду, более ценным, чем десять долларов, вложенных в создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежедневно и повсеместно⁴.

Власть над информацией – прерогатива прессы. Газеты не только отбирают сведения, предоставляемые информационными агентствами, но сами добывают, оформляют и комментируют их. Здесь

очень важно, в какой контекст газета монтирует факты, какими словами опишет их, что подчеркнет, о чем умолчит, как оценит. Ведь от этого зависит уровень контроля отдельных изданий над информационным полем.

Манипулятивных приемов, применяемых прессой, достаточно много. В «Республике Армения», «Голосе Армении», «Аравоте» в предвыборный период (президентские выборы 2003 г.) интенсивно использовался такой прием, как повтор информации. Например, компетентность Р. Кочаряна во всем, его безусловное лидерство, успехи внешней политики, относительно стабильное состояние республики постоянно упоминались в каждом номере «Республики Армения» («Четыре года президентства Роберта Кочаряна: плюсы и минусы» – 2002, № 38 (80), «Евразия сегодня, от выживания к развитию» – 2002, № 71 (113)).

Исследование показывает, что армянская пресса часто грешит выборочностью информации: освещают малозначительные эпизоды, умалчивая о важных. И политики, и деятели современной прессы часто заявляют, что пресса не использует прямой лжи, руководствуясь афоризмом: «Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду?»

Также актуально в газетах привлечение «лидеров мнений» – авторитетных экспертов, актеров, а также людей из массовки, работу которых заранее оплачивают для того, чтобы они говорили нужные слова. Эффективна и публикация статистических и социологических данных.

Весь этот арсенал манипулятивных технологий газеты используют, стремясь сформировать «нужное» впечатление о кандидате. Например, в предвыборных номерах (2002 г.) «Республики Армения» и «Голоса Армении» глава государства, Роберт Кочарян, представлялся перед аудиторией исключительно в положительном контексте. Подчеркиваются его безусловное лидерство и способность консолидировать различные политические позиции во имя решения общенациональных проблем. Важную роль играет иллюстративный материал. Мы видим внешнюю политику, дипломатические достижения Кочаряна, успехи в переговорах, о чем наглядно свидетельствуют фотографии встреч с лидерами и известными персонами из разных стран («Республика Армения», 2002, № 71 (113); 2002, № 60 (102)).

Основные символы, которые используются при конструировании подобного имиджа в газете, – рукопожатия Кочаряна с иностранными лидерами; строительство (Кочарян либо в роли строителя, с каской на голове, либо, что особенно характерно, в позе, которая ассоциируется со знаменитым памятником архитектору А. Таманя-

К.М. Алексанян

ну, склонившемуся над макетом города Еревана – «Республика Армения», 2002, № 76 (118)). Или же – военный контекст, где президент предстает в форме, с оружием в руках, в окружении солдат, рядом с министром обороны Сержем Саркисяном. Или же – фотографии, где президент разрезает красные ленты, посещает вновь открывшиеся заводы и различные новостройки («Республика Армения», 2002, № 61 (103); 2002, №74 (116); 2002, № 7–8 (120)).

Однако необходимо подчеркнуть, что чрезмерное восхваление политического лидера, постоянное подчеркивание его положительных черт может дать и обратный эффект⁵. По данным социологических опросов, усердно конструируемый положительный образ Р. Кочаряна обусловил появление формулировок «разрезатель ленточек», «надсмехающийся», «чужак». Г.Г. Почепцов правильно отмечает: «Человек сам не в состоянии объективно оценивать свое участие в массовой коммуникации, поскольку он привык работать в рамках коммуникации индивидуальной»⁶. Поэтому столь сильным желанием угодить заказчику определенные средства массовой информации иногда оказывают медвежью услугу.

В основе манипулирования обычно лежит внедрение с помощью печати в массовое сознание различных социально-политических мифов – иллюзорной картины мира, содержащей в себе простое объяснение сложных политических процессов. Люди под воздействием мифа не желают разбираться в сложных хитросплетениях жизни, зато ищут и легко находят врагов.

На страницах газеты «Араот» применяются политические анекдоты, высмеивающие действующую власть. Несмотря на то что анекдот всегда дает утрированное, «сгущенное» изображение действительности, долю правды в нем игнорировать нельзя. Политические анекдоты – едва ли не самый универсальный тип анекдотов, бытующих у народов, которые живут в самых разных условиях и в разных политических системах. Именно «сгущенностью» явления, сопровождаемой сатирой, иронией, сарказмом, с одной стороны, и общедоступностью с другой, объясняется мощное влияние анекдотов.

Анекдот фиксирует конфликт с официально насаждаемой картиной мира⁷. Доверие к анекдотам выше, чем доверие к прямой политической рекламе, и следует подчеркнуть, что больше всего на восприятие политического имиджа влияют именно анекдоты.

Анекдот 1

Роберт Кочарян посещает школу. Один из учеников обращается к нему с тремя вопросами: «Правда ли, что “27 октября” организовали Вы? Правда ли, что в кафе “Арагаст” Ваш телохранитель убил человека за то, что тот поздоровался с Вами? Правда ли, что Вы

дали указание свалить убийство Тиграна Нагдаляна на оппозицию?» «Как тебя зовут, мальчик?», – спрашивает Кочарян. «Гуго», – отвечает ученик. В это время раздается звонок. После перемены встреча продолжается. Руку поднимает другой ученик. «У меня пять вопросов к президенту. Первый – это три вопроса Гуго. Четвертый: «Правда ли, что Вы в действительности не избирались президентом республики?» И пятый: «Где Гуго?»⁸

Анекдот 2

Летят вместе Буш, Путин и Кочарян. Входит пилот и сообщает, что самолет терпит катастрофу, а парашют один. Приходится решать вопрос спасения одного из сих высоких государственных персон голосованием между ними, по-демократически. В итоге Кочарян одевает парашют и прыгает вниз. Озадаченный Буш говорит Путину: «Странно, нас было всего трое, откуда этот Кочарян набрал 30 голосов?»⁹

Анекдот 3

Жители Апарана приходят на выборы вместе с детьми, так как слышали, что там организовали карусель¹⁰.

Анекдот 4

Буш и Кочарян стоят у края пропасти и заключают пари о том, чей телохранитель больше предан своему шефу. Буш зовет своего охранника и приказывает ему прыгнуть в пропасть. Тот начинает умолять: «Позвольте не прыгать – у меня семья, дети, братья...». И не прыгает. Кочарян зовет своего телохранителя и тоже приказывает ему прыгнуть в пропасть. Телохранитель сразу прыгает. На дне пропасти к нему подходят друзья и спрашивают, почему он согласился выполнить приказ. Телохранитель отвечает: «Как же я мог не прыгнуть – у меня семья, дети, братья...»¹¹

В первом анекдоте обыгрываются: теракт 27 октября 1999 г. в армянском парламенте, убийство Тиграна Нагдаляна, убийство Погоса Погосяна, совершенное телохранителем Роберта Кочаряна в кафе «Арагаст». Отметим, что ключевыми вопросами предвыборных дебатов между действующим президентом и кандидатами от оппозиции были именно эти события.

Второй и третий анекдоты представляют президентские выборы как «торжество демократии». Газета неоднократно обращалась к теме столичных муниципалитетов и сельских администраций, обеспечивающих на выборах массовые фальсификации, подкуп избирателей. Кроме того, во втором анекдоте содержится намек на то,

К.М. Алексанян

что избирательская активность оказалась значительно выше, чем это было оглашено сразу после выборов. Это – те самые «тридцать голосов», по поводу которых выражают изумление Буш и Путин¹².

В четвертом анекдоте говорится о различии между западным и азиатским менталитетом. Не секрет, что Армения несет в себе два менталитета – западный и восточный: западный рационализм мышления и восточный иррационализм и мистицизм¹³. Помимо западного и восточного, газета «Аравот» приписывает армянам еще и азиатский менталитет: «Когда в нашем азиатском регионе правитель решает отомстить кому-либо, то делает это последовательно, до победного конца, истребляя всю семью своего врага»¹⁴.

Помимо манипуляции обществом, печать манипулирует еще и субъектами политики. От того, какую информацию, в какой форме и с какими комментариями получают субъекты политики, во многом зависят их последующие действия. Так, проправительственная пресса сформировала образ кандидата в президенты С. Демирчяна как «сына своего отца» (К.С. Демирчян – первый секретарь ЦК КП Армянской ССР). Однако штаб Демирчяна переосмыслил этот образ в благоприятном для себя направлении – «достойный сын достойного отца».

Анализ возможностей СМИ вырабатывать политические представления показывает, что эти возможности действительно огромные. СМИ сделали реальными многие проекты, казавшиеся ранее утопичными¹⁵. Именно борьба проектов способствует возникновению «информационных войн». Согласно Г.Г. Почепцову, это понятие расшифровывается как коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долгосрочными целями¹⁶.

«Информационную войну» можно определить как борьбу за информационное влияние в целях управления информационно-коммуникативным пространством и средствами подчинения их собственным целям и интересам.

В условиях тоталитаризма все источники информации полностью контролируются правящей властью; информация в таких условиях лишь официальна, безальтернативна и служит не обществу, а интересам правящей элиты. СМИ в тоталитарных обществах становятся инструментом официальной политической идеологии. Инакомыслящие объявляются «врагами народа». Полный контроль над средствами информации позволяет властям выявлять и наказывать носителя альтернативной точки зрения. Оппозиционные суждения, критика в адрес властей вытесняются в область бытовых коммуникаций, которую трудно контролировать (вспомним советский опыт).

В демократических обществах информационные ресурсы альтернативны: хотя политическая элита и оппозиция контролируют большую часть СМИ, тем не менее сам факт существования оппозиционно настроенных СМИ – свидетельство демократизированности (точнее – некоторой степени демократизированности) страны. Правящая элита не может влиять на общественное сознание в авторитарном порядке, соответственно, не может полностью манипулировать обществом и подчинять его собственной воле и интересам.

Несмотря на то что в Армении большинство СМИ контролируется правительством, существует ряд СМИ, подчиняющихся общественным организациям, партиям и т. д. В результате одно и то же событие освещается альтернативно, так что аудитория получает возможность выбрать не только источник информации, но и наиболее подходящий для себя способ получения информации.

Например, в «Голосе Армении» автор подчеркивает факт зарождения в Армении свободных и справедливых выборов¹⁷, основываясь на выборах в органы местного самоуправления (20 октября 2002 г.). Однако газета «Аравот» открывает перед нами альтернативную картину того же события. Факты подтверждают наличие многочисленных случаев голосования за других лиц, в результате чего избиратели, прибывшие на участки, были лишены возможности осуществлять свое избирательное право. Осуществлялось голосование также от имени избирателей, отсутствующих в республике или по состоянию здоровья не участвовавших в выборах¹⁸.

Газета «Аравот» приводит и факты подкупа избирателей, что умалчивалось и «Голосом Армении», и «Республикой Армения»:

Жильцы 2-го подъезда дома номер 3 по улице Пушкина обратились к Гагику Бегларяну с просьбой помочь отремонтировать лифт. «Поскольку жильцы нашего подъезда, будучи пенсионерами, не имеют необходимых финансовых возможностей. Со своей стороны мы гарантируем, что будем голосовать за Гагика Бегларяна», – говорилось в заявлении¹⁹.

В статье подчеркивалось, что поставившие подписи 16 человек фактически открыто называли цену своих голосов – отремонтированный лифт. Следует также подчеркнуть, что Избирательный кодекс запрещает кандидатам оказывать гражданам безвозмездные услуги в предвыборный период.

Ссылаясь на принятый 7 августа 2002 г. Национальным собранием закон о внесении изменений и дополнений в Избирательный

кодекс страны, газета «Аравот» сообщает, что прежний состав Центральной избирательной комиссии был распущен и тут же сформирован в новом составе. Вместо прежних 13 членов ЦИК – 9. Согласно новому закону, троих из них назначал президент, остальных шестерых – парламентские фракции. В результате председателем ЦИК стал назначенец президента, его заместителями – член фракции «Дашнакцутюн»²⁰ и представительница правящего «Единства»²¹. Одним словом, как говорится в газете, «тоже вовсе не чужие Кочаряну люди». Трое членов комиссии – люди президента, еще двое представляют провластные парламентские силы. Таким образом, уже пять человек против четверых членов ЦИК, представленных более или менее независимыми парламентскими фракциями (Компартия²², «Оринац еркир»²³, НДС²⁴ и «Право и единение»²⁵).

Расклад сил явно не в пользу демократического плюрализма. Расклад сил явно в пользу президента. Учитывая же то обстоятельство, что и областные (марзовские) избирательные комиссии ЦИК формирует по собственному принципу, нетрудно догадаться, в чью пользу будут разрешаться любые спорные вопросы. И в чью пользу будут организовываться выборы. Даже если четверо членов ЦИК смогут придерживаться отличного от точки зрения властей мнения, они все равно будут бессильны против преданной президенту пятерки. Они в меньшинстве²⁶.

Из статьи следует вывод, что армянские «черные» избирательные технологии, к сожалению, совершенствуются. Становится очевидным тот факт, что не так уж и надо подделывать бюллетени, воровать урны и заниматься примитивным подкупом избирателей. Им на смену приходят более изощренные методы, к тому же подкрепленные законом.

Таким образом, сегодня печатная периодика Армении работает не для общества, а для отдельных властных и подвластных структур, «идеологически воюющих» между собой, применяющих всевозможные методы представления иллюзорной картины политики. Однако такое превращение политики в «транквилизатор» способно лишь на время сохранить лояльность общества по отношению к власти: если проблема реально не решается, ситуация рано или поздно обернется социально-экономическим кризисом. И тогда, несмотря на все могущество СМИ, разрыв между объективной и виртуальной реальностью ничто не сможет заполнить. Наоборот, чем больше механизмов «символической политики» СМИ будет задействовано – тем более жестоким для людей будет шок при столкновении с реальностью.

- 1 *Зверев А.Л.* Характерные черты информационного манипулятивного управления политическими процессами в современной России // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2007. № 1. С. 138.
- 2 *Степанян С.К.* Новое значение понятия «формат» в современных печатных СМИ // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2007. № 5. С. 40.
- 3 Там же.
- 4 *Леонов Н.С.* Информационно-аналитическая работа в загранучреждениях. М., 1996. С. 78–79.
- 5 Политические коммуникации / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2004. С. 130.
- 6 *Почепцов Г.Г.* Профессия: имиджмейкер. Киев, 1999. С. 10.
- 7 *Почепцов Г.Г.* Как становятся президентами: избирательные технологии XX-го века. Киев, 1999. С. 380.
- 8 Арагот. 2003. 12 марта. № 46.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 *Абрамян А.* Месть за «27 октября» // Арагот, 22 марта 2003. № 53.
- 12 Костер из бюллетеней // Арагот. 2003. 12 марта. № 46.
- 13 *Баренц Р.* Геополитика: взгляд изнутри. Ереван, 1999. С. 221.
- 14 *Абрамян А.* Указ. соч.
- 15 *А.Л.* Указ. соч.
- 16 *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М., 2001. С. 20–21.
- 17 *Манвелян Г.* Вы слышите: не грохочут сапоги // Голос Армении. 2002. 10 дек. № 136 (18933).
- 18 *Мамиконян Н.* К сведению наблюдателей Совета Европы // Арагот. 2002. 23 октября. № 194.
- 19 *Израелян А.* Утром – лифт, вечером бюллетени // Арагот. 2002. 16 октября. № 189.
- 20 «Дашнакцутюн», «Аи Хегатохакан Дашнакцутюн», «Армянский Революционный Союз») – армянская национальная партия. Создана в 1890 г. в Тифлисе. Основателями Дашнакцутюн и ее лидерами явились Х. Микаелян, С. Заварян, Ростом (С. Зорьян) и другие. На современном этапе партия Дашнакцутюн продолжает считать своей основной задачей решение армянского вопроса, для чего признает необходимым: создать независимую объединенную демократическую Армению; границы объединенной Армении должны соответствовать условиям Севрского договора, включать также Карабах и Нахичеван; на этой территории возможна консолидация армянской нации; факт геноцида армян должен быть признан и осужден современной Турцией, которая должна возместить причиненный армянской нации урон возвращением захваченных территорий, и т. д.
- 21 Блок «Миаснутюн» («Единство»), основу которого составляли две самые могущественные партии в то время (1999 г.) – Республиканская партия Арме-

К.М. Алексанян

- нии (РПА) во главе с министром обороны Вазгеном Саркисяном и Народная партия Армении (НПА), созданная бывшим первым секретарем ЦК Компартии Армянской ССР Кареном Демирчяном.
- 22 Коммунистическая партия Армении – компартия, считающая себя правопреемницей Коммунистической партии Армении в составе КПСС. На съезде КПА в сентябре 1991 г. было принято решение о ее самороспуске. На базе КПА была создана Демократическая партия Армении (ДПА).
 - 23 Партия «Страна Закона», «Оринац Еркир») – центристская политическая партия в Армении, возглавляемая бывшим спикером парламента Артуром Багдасаряном. В 2003–2006 гг. являлась второй по представительству в парламенте партией страны. 25 мая 2003 г. на выборах в парламент получила 12,3% голосов избирателей и 19 мест из 131 в парламенте.
 - 24 Народно-демократический союз, или Национально-демократический союз (НДС), является оппозиционной партией во время всего периода своего существования. В настоящее время партия не представлена в Национальном собрании.
 - 25 Блок «Право и единение» («Иравунк ев миабанутюн»). Блок объединял несколько небольших по численности общественно-политических и общественных организаций (Союз «Конституционное право», «Национальное единство», «Арцах-Айастан», «Гардман» и пр.).
 - 26 ЦИК посчитает // Араот. 2002. 7 декабря. № 231.

СОВРЕМЕННЫЕ СМИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

В последние годы сложилась качественно новая информационная ситуация, заставившая детскую журналистику заново осознать свои возможности, сильные и слабые стороны, точнее определить специфику. В связи с изменившимися потребностями общества изменились и СМИ – как в содержательной модели, так и в оформлении. Прогрессирующая компьютеризация населения России и появление Интернета спровоцировали бурный рост числа средств массовой информации, размещенных в русском сегменте всемирной паутины. Именно феномен детских Интернет-изданий и стал предметом изучения автора статьи. На примере онлайн-периодики для детей ясно прослеживаются основные тенденции современных СМИ вообще. В статье представлена авторская типология Интернет-журналов для детей и названы особенности каждого типа.

Ключевые слова: СМИ, Интернет, тенденции, дети, типология, специфика.

Несмотря на наличие научных работ, посвященных СМИ для детей и юношества, системного исследования современных детских сетевых СМИ до настоящего времени не предпринималось. Молодежная печать изучена достаточно глубоко лишь в «комсомольский» период своего существования. Возникновение Интернета и бурное развитие новых информационно-коммуникационных технологий изменило конфигурацию медиа-ландшафтов всех стран мира¹, образовались принципиально новые типы и формы распространения информации, в том числе и для юной аудитории. В данной работе проводится исследование детских онлайн-СМИ, которое способствует выведению значимых для практики обобщений и закономерностей.

В.В. Грудинская

Материал для анализа составили сетевые средства массовой информации, функционирующие на информационном рынке, с учетом их многообразия и динамики развития. Учитывая большой количественный объем детских СМИ, для конкретного рассмотрения были выбраны наиболее яркие представители различных типологических групп этих изданий. Первоочередным требованием к выборке для анализа является не формальное воспроизведение всех структурных соотношений различных типологических групп детских СМИ, а, прежде всего, сам факт присутствия в выборке всех существующих видов (типов) средств массовой информации для обозначенной аудитории.

Стремительная компьютеризация и интернетизация России в последние годы, поддерживаемая различными государственными программами, привела к тому, что в 2008 г. число пользователей Интернета в России превысило отметку в 40 млн; за год рост Интернет-аудитории составил 10–15%². Долю детей среди Интернет-пользователей определить очень трудно, но жизненные примеры раннего начала общения ребенка с компьютером позволяют делать вывод о немаленьком количестве пользователей виртуальной сетью – детей. Есть только отдельные исследования детской аудитории, ведь большинство организаций, измеряющих Интернет-аудиторию, не учитывают возрастную группу младше 18 лет. Возьму на себя ответственность на основе изученной информации предположить, что на сегодняшний день в России доля детей и подростков (до 18 лет) в сети составляет около 20% от общего числа пользователей Интернет, то есть речь идет о цифре 8 млн человек. Так или иначе, численность детей в Интернете оказалась не столь уж и маленькой.

Исследователи портала «Руметрика» всерьез заинтересовались проблемой подсчета детской аудитории в Интернете и провели опрос родителей о том, как и где пользуется их ребенок «всемирной паутиной». Результат: у 27% респондентов есть хотя бы один ребенок, использующий Интернет³. Принимая в расчет эти данные, стоит отметить, что мои прогнозы могут быть заниженными.

В 1990-е гг. появился самый перспективный сектор рынка периодических изданий – рынок электронной информации⁴, на котором представлены электронные версии ряда газет и журналов, а также самостоятельные сетевые издания. В России Интернет-СМИ для детей и юношества появились почти одновременно со «взрослыми» газетами и журналами – на рубеже веков. Так, например, журнал «Недоросль» (www.a-z.ru/public/nedorosl/) функционирует во всемирной паутине с 2001 г. (для сравнения – первый в России Интернет-журнал появился в 1996 г., «Огонек»). Руководи-

тели СМИ для детей почувствовали эту потребность подростков в получении информации непосредственно из сети. В связи с этим многие уже существующие в печатном виде детские газеты и журналы создали виртуальных дублеров, а то и вовсе «перебрались» в сеть.

Детские издания в условиях рынка, стремясь привлечь внимание аудитории, часто адресуют свою продукцию сразу нескольким возрастным группам: дошкольники и младшие школьники, младшие школьники и подростки, подростки и старшеклассники. Это объясняется тем, что возрастные границы подвижны и при переходе от одного возраста к другому отношение ребенка к действительности изменяется не сразу. Поэтому четкого разделения сетевых изданий для детей по классическому типоформирующему фактору всей детской прессы нет.

Проанализировав около 80 онлайн-изданий для детей, нетрудно заметить, что многие существенно отличаются друг от друга не только по возрасту аудитории, для которой предназначаются, но и по тематике, по уровню политизации и направленности – просветительской или развлекательной. Всю массу современных изданий для детей и юношества можно разделить на несколько типов – по различным критериям.

Анализируя **контент и цели**, преследуемые Интернет-СМИ, можно выделить пять основных групп:

1. Информационно-публицистические.

Онлайн-издания этого типа содержат отклики на происходящие в России и мире события, зачастую юниоры сами заполняют раздел новостей. Так, в газете «Школяр» (www.teen.spb.edu.ru) можно ознакомиться с материалами о жизни Санкт-петербургских школьников, серьезными статьями о молодежных проблемах, культуре и репортажами со спортивных состязаний. Еще одна питерская газета «Пять углов» (www.5uglov.ru) обновляется еженедельно, кроме того, есть свой форум и чат, материалы о рынке образования и проблемах переходного возраста.

2. Издания, популяризирующие науку, технику, искусство, религию (прообраз отраслевой прессы).

Разнообразие тем и интересов осталось еще с советских времен, но есть в виртуальных изданиях и феномены, на мой взгляд, отражающие реалии современной жизни.

В Карелии Юниорский союз «Дорога» (детская общественная организация) выпускает правозащитную газету «Школа – территория закона». Газета освещает злободневные проблемы прав человека в школе, вопросы корректных отношений между учителем и учеником. Ресурс можно найти по адресу www.doroga.karelia.ru/shkola/.

В.В. Грудинская

Политизированных СМИ для детей немного, но особого внимания заслуживает сайт www.uznai-prezidenta.ru. Фактически это раздел президентского сайта, приспособленный специально для детей. Посетителю предоставляется возможность выбрать версию сайта для просмотра – мультимедийную (flash) или облегченную (html). Создатели – Администрация Президента РФ – позаботились даже о создании короткометражных мультиков, развлекающих детей на страницах сайта. Более того, можно выбрать героя, который будет сопровождать ребенка в этом политическом путешествии. В зависимости от выбранного персонажа корректируется подаваемая информация. Разработчики представляют в качестве основной идеи сайта – желание рассказать подрастающему поколению о правах и обязанностях гражданина, но за этим скрывается, считают политологи⁵, самая настоящая официальная агитация. На ресурсе выложены и текст Конституции, и даже текст присяги президента. Профессиональные политики убеждены: смену себе надо растить с пеленок. Поэтому фактически целью данного сайта является не только обучение, но и политическая пропаганда.

Виртуальные православные СМИ для детей появились всего несколько лет назад, их инициаторами стали епархии и монастыри. В Санкт-Петербурге существует православный журнал для самых маленьких «Божья коровка» (www.bkorovka.ru), общероссийский детский христианский журнал для детей 4–11 лет «Зернышко» (www.zerno.agava.ru). Свято-Рождества-Христово-Сергиевский храм Харьковской Епархии Украинской Православной Церкви поддерживает специальный ресурс для детей www.vifleem.narod.ru. Примечательно, что главным редактором такой газеты является не специально обученный человек, поддерживающий политику епархии, а сам викарий Харьковской Епархии.

Основными темами православных СМИ для детей традиционно являются темы добра и зла, трактовки Библии и основных библейских сказаний, различные полезные знания из истории православия, поучения Святых отцов и другое. Подобные СМИ позволяют воспитывать детей в христианских традициях, а благодаря простому стилю изложения православные обычаи и обряды становятся доступными каждому ребенку.

Проблемы увеличивающегося антропогенного воздействия на окружающую среду тоже находят отражение в прессе для детей, в том числе и в Интернете. Существуют **естественно-научные журналы** (которые в последнее время чаще позиционируют себя как журналы для любопытных и любознательных, например, «Мир чудес», www.mir-chudes.narod.ru) и юношеские газеты, открыто заявляющие свою тематику как **экологическую**. Один из примечатель-

ных экземпляров такого типа – электронная версия юношеской экологической газеты Башкортостана «Подрост» (www.podrost.estc.ru). Здесь можно найти рассказы о заповедниках, сведения о программах экологической защиты, афоризмы в тему и даже экологический форум, где каждый посетитель может высказать свое мнение о проблеме и способах ее решения.

По адресу www.mdoo-fid.ru/sova.html можно найти детскую **философскую газету** «Сова», занимающуюся популяризацией философских проблем и знаний.

Внимание заслуживает и спортивная онлайн-газета «Внимание, на старт!» (www.na-start.ru). Эта виртуальная газета удивительным образом пытается сочетать пропаганду физической культуры и прогрессивных технологий.

3. **Развлекательные**, имеющие своей целью заполнить досуг читателя.

Электронная версия журнала о детском творчестве и досуге «Лучик» (www.luchik.narod.ru) публикует детские стихи и рассказы, головоломки, ведется постоянная рубрика «Умелые ручки». Есть и специализирующиеся на этом издания – например, «Самоделка» (www.samo-delka.ru). Здесь юные читатели могут обнаружить даже чертежи для распечатки и конструирования из бумаги.

Особое внимание хотелось бы уделить детской **юмористической прессе** в Интернете. «Веселая переменка», электронная версия юмористической газеты для школьников (www.v-peremienka.narod.ru), размещает на своем сайте смешные истории, рассказы, анекдоты и рисунки на школьную тему.

4. **Литературно-художественные**.

Сейчас эта группа представлена значительно беднее, чем ранее. Многие журналы такого типа сохранились с советских времен и просто «перебрались» в виртуальное пространство (например, журнал «Мурзилка», доступный теперь по адресу www.murzilka.km.ru, детская «Роман-газета» – www.chg.ru/Fairy/HELPERS/ROMAN/index.html, журнал «Костер», в первоначальном виде хорошо знакомый старшему поколению, – www.kostyor.ru). Появились и новые литературно-художественные журналы, которые, по своей сути, не изменили основной концепции и по-прежнему делают упор на детское творчество – будь то проза или поэзия. Стоит отметить, что многие журналы нового времени акцентируют внимание на сказках для детей, различных легендах – исторических и народных (самарский сказочный журнал «Почитай-ка», www.cofe.ru/red-ka/, и иркутский детский журнал «Сибирячок», www.sibok.ru).

5. С отказом от социалистической идеологии в сознание людей стала активно внедряться идеология потребительства. Реклама

В.В. Грудинская

становится механизмом организации спроса и «производства» потребностей, поэтому появляется огромное количество рекламно-справочных изданий, которые можно выделить в отдельный тип СМИ.

Главная цель этого типа – информировать пользователей о товарах или услугах в определенном сегменте рынка, в данном случае – товары для детей и подростков. По сути это электронные аналоги рекламных газет, распространяемых бесплатно. К такого рода ресурсам можно отнести сайт газеты для детей и родителей «Аист» (www.mozaika.ru), которая с 1996 г. бесплатно распространяется в Москве. Свои сайты для детского пользования имеют и учреждения, связанные с обслуживанием детского досуга и отдыха. Например, детский оздоровительный лагерь «Маяк» выпускает Интернет-версию газеты «Моторчик» (www.katok.h1.ru), привлекающая внимание потенциальных клиентов к своим услугам. На питерском ресурсе www.kindermoda.ru маленькие модницы могут просмотреть каталоги известных марок, выбрать себе подходящий наряд, почитать о последних тенденциях детской и подростковой фэшн-индустрии.

Важнейшая функция детской прессы – **обучение**. Зачастую кроме новостей школьной жизни на ресурсах для детей можно найти и подборки школьных сочинений, вполне конкретные справочные материалы по теме, которую озвучил читатель. Так, электронный журнал «Школьный калейдоскоп» (www.scholar.urg.ac.ru) публикует на своих страницах статьи и упражнения по многим академическим предметам.

Для школьников актуальна **проблема профессионального самоопределения**. На сайте www.mediashkola.ru ребята из творческого объединения «ЮНПРЕСС» в доступной форме делятся профессиональными советами, проводят мастер-классы онлайн, в общем, различными способами популяризируют журналистику как вид деятельности и, возможно, будущую специальность. Другое безграничное поле деятельности юных журналистов с опытом – нижегородский ресурс «УТЯ» (www.utya.nnov.ru), расшифровывается как «Улица творческих «Я». В этой газете юнкоры высказываются на темы, волнующие детей и подростков, проводят собственные исследования и дают возможность творить каждому.

В настоящее время возрастная граница вовлеченности в рабочий процесс намного сдвинулась в сторону уменьшения. Многие школьники сами стараются зарабатывать карманные деньги. Чтобы обслужить и эту сферу жизни подростков, во всемирной сети появился сайт rabota.unpress.ru. Здесь размещена актуальная **ин-**

формация о вакансиях для учащихся и рейтинг высших учебных заведений страны.

Уникальное явление представляет собой психолого-педагогическое Интернет-издание www.detisite.ru. Здесь есть раздел и для детей, и для родителей. Вообще сам сайт представляет собой увлекательную анимационную игру, действие которой разворачивается в Детском городке. Фактически это модель реального города: ребенку предоставляется возможность отрететировать какие-то действия, ранее вызывавшие у него страх, получить **первоначальный опыт социального общения**.

Все Интернет-издания можно разделить на три группы **по статусу организации**, которая их выпускает и контролирует:

1. Государственные (муниципальные).

Онлайн-издания данного типа – в основном сайты для детей, представляющие газеты и журналы субъектов федерации (например, Сахалинская областная газета «Остров сокровищ», osy.svtc.ru).

2. Детские общественные организации – будь то школа или городское объединение старшеклассников – тоже часто выступают в роли учредителей газет и журналов.

Как правило, их отличает разнообразие затронутых тем, также много материалов, посвященных социальным акциям и гуманистическому воспитанию молодежи. Редакторами таких газет обычно являются взрослые, но основными корреспондентами, авторами и генераторами идей – дети (например, газета старшеклассников «Окно» – www.okno.ural.ru, электронная версия журнала юношеского творчества лицея №1560 Москвы «Полет в неизвестность» – www.neizvestnoe.narod.ru).

3. Любительские – созданные пользователями сети для друзей и сверстников.

К примеру, семейная пара журналистов создала сайт для детей «Детская газета» (www.detgazeta.ru). Здесь детям и подросткам дается полная свобода: собраны гигантские архивы головоломок, анекдотов, шарад, более того – здесь есть даже виртуальные «раскраски», рецепты простых и вкусных блюд, которыми малыши могут порадовать своих родителей.

Нередко подобные издания создаются детскими и подростковыми коллективами, они полностью независимы от взрослой цензуры. На всех уровнях производства информационного продукта – от репортера до главного редактора – работают сами дети и подростки (в барнаульской детско-юношеской газете «Сами» секрет успеха заложен в название, www.a-z.ru/public/sami). В этом же сегменте стоит отметить уникальный посыл детской газеты «Интерландия»:

В.В. Грудинская

Детская газета «Интерландия» – проект электронного издания, основной идеей которого является то, что в нем принимают участие только дети. Во всем: сбор материала, верстка, дизайн, редакция. Если Ваш ребенок не желает ограничивать поле своего действия только листком альбома или тетрадной страничкой, значит ему самое место у нас. Специалисты центра научат его грамотно работать в программах по верстке, анимации, дизайну⁶.

Деление детских СМИ по географическому признаку хоть и весьма условно, но приложимо к Интернету⁷. В сегменте Рунета можно выделить СМИ для детей как локального характера (так, например, самарский центр творчества детей запустил в сети проект детского сказочного журнала «Почитай-ка», www.cofe.ru/red-ka/), так и федерального масштаба (общероссийская юношеская газета тоже «поселилась» в сети – теперь она называется «Виртуальный ЮГ» и доступна по адресу www.ynpress.ru/yg-online/).

В связи с изменившимися потребностями общества появляются новые формы средств массовой информации: дайджесты, журналы-ревью, семейные журналы, журналы на дискетах, дисках, электронные версии газет и журналов, издания, продолжающие тематику популярных телевизионных программ, русские версии западных журналов. Отметим то, что касается онлайн-изданий для детей и юношества.

1. Семейные журналы.

В аудиторию журналов для так называемого семейного чтения, то есть совместного времяпровождения детей и родителей, входят, как правило, дети дошкольного и младшего школьного возраста. Например, в «Детской газете» (www.detgazeta.ru) есть отдельные разделы для взрослых и детей, а также руководство сайта проводит совместные форумы, обсуждения актуальных проблем. Многие издания даже исключительно детских газет обращаются к родителям с просьбой поучаствовать в жизни ребенка, обсудить тот или иной материал или помочь решить очередную головоломку («Ставроша», www.stavroscha.mhost.ru).

Интернет-журнал «Дошколенок» (www.kindereducation.ru) содержит отдельные разделы для детей, их мам и пап. Родителям предлагается обсудить возникающие в процессе воспитания проблемы на специальном форуме, изучить детскую психологию, а детям – научиться считать, рисовать и узнать много интересного.

2. Альманахи детского творчества.

Один из наиболее популярных ресурсов Рунета подобного рода – альманах «Клёпа» (www.klepa.ru), электронное представительство детского познавательно-развлекательного альманаха. Редак-

ция осуществляет подбор материалов по самым разнообразным тематическим разделам, рубрикам.

Все сетевые издания можно разделить на несколько групп по степени онлайн-самостоятельности⁸:

1. Электронные версии печатных изданий (дублеры).

Многие печатные СМИ в начале XXI в. стали «перебираться» в сеть, но это не означает прекращения печатания основного тиража. Две версии – онлайн-овая и оффлайновая (привычная печатная) существовали, а во многих случаях и до сих пор существуют параллельно. При этом печатное издание часто отсылает к Интернет-версии, а сайт предлагает подписаться на журнал.

2. Собственно электронные издания.

Издания для детей, намеренно создаваемые в Интернет-пространстве, не имеющие аналогов среди печатных СМИ. Большинство сайтов в этом сегменте представлены полупрофессиональными изданиями.

Интернет вобрал в себя все важные свойства информационных систем. Отметим основные черты онлайн-СМИ в отличие от других видов массовой коммуникации.

1. Интерактивность.

«Продвинутые» сайты для детей и юношества проводят интерактивные конкурсы, развивающие игры и даже уроки английского в режиме онлайн (www.detki-74.ru). На многих сайтах детских СМИ имеется свободный доступ к архивам номеров – это позволяет без проблем найти нужный материал или собственную заметку.

2. Вседозволенность.

Интернет-среда, в отличие от физической, в которой мы все живем, характеризуется гораздо меньшей жесткостью барьеров⁹ и ограничений и допускает гораздо большую степень свободы для своих «обитателей». Можно повлиять если не на концепцию издания в целом, то хотя бы на формирование тем следующего номера, например посредством голосования. Идея сводится к тому, что человек, не участвующий в непосредственном создании издания, может повлиять на ход обсуждения того или иного вопроса, по своему усмотрению репрезентировать себя для других любым образом¹⁰. Создатели сайта газеты «Рост» (www.rost.websib.ru) в стихах обозначили это свойство Интернета:

Здесь читать разрешено
Все, что не запрещено¹¹

3. Мультикультурность.

Возможность одновременного общения большого числа людей, находящихся в разных частях света и, следовательно, живущих в

В.В. Грудинская

разных культурах. Такое интернациональное общение вполне вписывается в тенденции глобализации. Многие детские сайты «обзавелись» англоязычными версиями собственных сайтов.

4. Мифологичность.

По свидетельствам медиков, детское сознание только после 12 лет учится разделять виртуальную и действительную реальность. Интернет как нельзя более соответствует мифологическому мышлению маленького ребенка¹².

Мифологическое мышление характеризуется «магичностью». Например, психолого-педагогическое издание www.detisite.ru полностью оформлено как анимационная игра, участником которой может стать любой пользователь ресурса. На страницах этого сайта расположен целый детский городок, управлять которым можно при помощи кнопок-картинок.

Сервер онлайн-газеты «Сделай сам» предоставляет полную свободу посетителям сайта в оформлении интерфейса «под себя». Все необходимые для этого инструменты размещены на главной странице сайта: ребенок может разместить свой рисунок там, где ему заблагорассудится, переместить некоторые элементы и разделы издания так, как ему удобно.

Другая особенность мифологического мышления – анимизм. Почти все детские издания имеют одного или нескольких персонажей, которые постоянно «живут» на страницах газет и журналов. Эти герои помогают ребенку ориентироваться в содержании издания, кроме того, редакции, как правило, проецируют на них жизнь среднестатистического читателя – персонажи ходят в школу, получают оценки, играют в футбол.

Наконец, мифологическое мышление синкретично. Интернет-технологии позволяют на ограниченном пространстве веб-сайта разместить большое число объектов, во многих случаях абсолютно между собой не связанных, имеющих самую различную природу и логику функционирования, а также различную тематику и цели¹³.

5. Универсальность.

Сеть представляет собой уникальную коммуникационную систему, которая может использоваться не только для какой-то одной цели. Ее привлекательность как раз и состоит в многообразии возможностей и в том новом, что она несет для различных видов деятельности. Интернет относится к категории информационных систем, работающих по принципу «не только, но и ...», тогда как другие системы функционируют по принципу «или – или».

6. Интегрированность.

Большинство детских изданий носят некоммерческий характер, поэтому и масштабные рекламные кампании таким СМИ не до-

ступны. Им трудно выжить, не сотрудничая с коллегами, в связи с этим появляются различные способы ссылок на сайты партнеров, в том числе широко распространенные среди детских изданий веб-кольца. Это системы автономных сайтов, как правило, имеющих сходную специфику или аудиторию. Все ресурсы, входящие в одно **веб-кольцо**, имеют перекрестные ссылки друг на друга, часто осуществляют баннерообмен. Одно из наиболее известных российских объединений – кольцо «Наши дети», оно объединяет несколько десятков Интернет-изданий для детей по всей России.

Элементы сообществ в детских СМИ проявляются чаще как клубы по интересам. Так, существует «Клёп-клуб» (www.klepa.ru), клуб «ДДД» (электронная версия общероссийской газеты «Добрая дорога детства» www.ddd-gazeta.ru). У этих специфических объединений есть свое руководство, определенные цели и реализуемые проекты и акции.

7. Схематичность.

Издания для детей чаще, чем какие-либо другие, имеют технические проблемы из-за недостаточного финансирования, редко обновляются. В качестве исключительного примера я бы отметила ресурс www.malchishki.ru (журнал «Мальчишки нашего двора», поражающий отличным дизайном и качественным содержанием) и любительский, но от этого не проигрывающий сайт www.detgazeta.ru (отличный дизайн, обилие интересных материалов, мультимедиа, делает семейная пара, занимающаяся журналистикой более 10 лет).

8. Наглядность и непосредственность.

Большинство изданий оформляются ярко, красочно, с использованием большого количества иллюстраций и фотографий – есть, что посмотреть, даже маленькому ребенку, не познавшему язык чтения. Так, рассматривая комиксы, он по сути изучает жизнь (примером популярного развлекательного издания для детей может служить любительский журнал комиксов «Мирчек», www.mirchek.8k.com).

Кроме того, издания для детей отличает особый язык этих СМИ, они близки к своим читателям и, соблюдая заветы К.И. Чуковского, общаются с ними «на равных»¹⁴.

Современная пресса для детей широко использует наработанный столетиями опыт детской журналистики. Сформировавшаяся типология изданий для детей и юношества только уточняется, конкретизируется и дополняется в соответствии с требованиями времени. Но неизменной остается роль детских изданий в социализации ребенка. От того, что читают сегодняшние дети, зависит не только последующее развитие общественных институтов, но и судьба страны в целом.

- 1 *Лукина М.М.* СМИ Рунета: штрихи к типологическому портрету (по результатам мониторинга интернет-СМИ) [Электронный ресурс] // Портал научных исследований СМИ и методик журналистского образования «Медиаскоп». [М., 2003]. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 20.09.2006).
- 2 Цит. по: Количество интернет-пользователей России перевалило за 40 млн [Электронный ресурс] // Сайт «Компьюлента». [М., 1997]. URL: <http://net.compulenta.ru/421673/> (дата обращения: 23.04.2009).
- 3 Опрос «Принимаемся за учебу» [Электронный ресурс] // Портал «RUметрика». [М., 1996]. URL: http://rumetrika.rambler.ru/publ/article_show.html?article=2998 (дата обращения: 29.11.2006).
- 4 *Гуревич С.М.* Экономика отечественных СМИ: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 14.
- 5 Официальный сайт телекомпании «Четвертый канал» [Электронный ресурс]. [Екатеринбург, 1999]. URL: <http://www.channel4.ru/content/200708/31/113.polit.html> (дата обращения: 20.09.2007).
- 6 Официальный сайт газеты «Интерландия» [Электронный ресурс]. [М., 2003]. URL: <http://www.inter-line.ru> (дата обращения: 26.06.2008).
- 7 *Мальшев Е.* Что считать Интернет-СМИ // Медиа-альманах. 2003. № 3.
- 8 *Лукина М.М.* Указ. соч.
- 9 *Levin K.* A Dynamical Theory of Personality. N.Y.; London, 1935.
- 10 *Жичкина А.Е., Белинская Е.П.* Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью [Электронный ресурс] // Сайт «Флогистон: Психология из первых рук». [М., 1998]. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (дата обращения: 14.06.2007).
- 11 Официальный сайт газеты «РОСТ» [Электронный ресурс]. [Новосибирск, 2004]. URL: <http://www.rost.websib.ru> (дата обращения: 26.06.2008).
- 12 *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
- 13 *Минаков А.В.* Социально-психологические аспекты взаимодействия человека с глобальными компьютерными сетями (Интернет) // Тезисы докладов международной конференции ИОЛ-99. СПб., 1999. С. 333.
- 14 *Чуковский К.И.* Собр. соч. в 6 томах. М.: Худ. лит-ра, 1965. Т. 1.

С.Е. Эрлих

ИРКУТСКИЙ МУЗЕЙ ДЕКАБРИСТОВ НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

В статье рассматривается опыт директора Иркутского музея декабристов Е.А. Ячменева, превратившего провинциальный музей в один из самых известных в России. Показана роль личности, способной в условиях всеобщей конъюнктуры на «духовное понижение» сделать музей декабристов центром культурной и общественной жизни Иркутска. Анализируются технологии «раскрутки» культурного бренда музея с помощью средств массовой информации.

Ключевые слова: Иркутский музей декабристов, Е.А. Ячменев, культурный бренд, пиар, пресса.

Иркутский музей декабристов – один из самых знаменитых провинциальных музеев России: деятельность его часто освещается в периодической печати России. В данной статье предпринимается попытка описать феномен превращения музея в своеобразный культурный бренд, проанализировать взаимоотношения музея со средствами массовой информации. При этом источниками для данной работы послужили не только центральные, но и местные периодические издания; ввиду труднодоступности последних были изучены их Интернет-версии.

Формированию положительного имиджа музея во многом способствовала деятельность его директора Е.А. Ячменева, трагически погибшего в 2008 г. в возрасте 49 лет. Со школьных лет он связал свою судьбу с музеем. В 1983 г. стал его директором¹. Е.А. Ячменев продемонстрировал, как велика роль личности в истории культуры. Его опыт – технологичен. Он может быть полезен другим руководителям культуры.

© Эрлих С.Е., 2010

С.Е. Эрлих

Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов – крупнейший из музеев, посвященных декабристам. Он имеет давнюю и драматичную предысторию:

Что же касается идеи создания иркутского музея декабристов, то <...> впервые подобные мысли, озвученные публично, появились в 1913 году. Тогда архивная комиссия города организовала выставку иркутской старины. На ней и были показаны некоторые декабристские вещи. Но выстрел в Сараево развязал Первую мировую войну, затем гражданская междоусобица, разруха – стране и обществу стало не до декабристов. В 1925 году новый всплеск интереса к декабристам – столетие восстания на Сенатской площади. В Иркутском музее революции разворачивают специальную выставку. <...> Но и тогда до дела не дошло. Году где-то в 1936-м вновь заволновались любители старины, но последовавшие сталинские репрессии, а затем Вторая мировая война загнали всякие соображения в глубокое подполье. В конце пятидесятых – начале шестидесятых теперь уже прошлого века иркутские и московские историки вновь встрепенулись. Дома Трубецких и Волконских ветшали, менялся их вид, так недолго было их и вовсе утратить. Но, как назло, сначала развенчивание культа личности, а затем Карибский кризис вновь отвратили власти от достойного сохранения памяти дворянских революционеров. Искушенные и мудрые люди предупредили иркутян, чтобы пока повременили с идеей: мол, если сейчас откажут, то тогда уж надолго, если не навсегда. Словом, надо было ждать момента. Он наступил, когда дом Трубецкого расселили и стали капитально ремонтировать. Да так рьяно, что от первоначального облика, планировки могло остаться одно воспоминание. Общественность забила тревогу. Так началась уже реставрация. В 1970 году, когда страна отмечала столетие со дня рождения Владимира Ленина, осталось сделать последние штрихи, чтобы дом Трубецких официально стал музеем. Но тут председателя Иркутского горисполкома Николая Салацкого вызвал на ковер всесильный хозяин области, первый секретарь обкома КПСС Николай Банников: «Весь Союз отмечает юбилей вождя революции, а вы все возитесь с Домом какого-то князя!» И все же дом-музей Трубецкого открыли. Без особой помпы, под самый Новый год, чтобы не привлекать внимание. «Партийные власти, несмотря на известные ленинские цитаты о декабристах, – вспоминает Евгений Ячменев, – как будто нутром чувствовали, что это какие-то неправильные, нетипичные революционеры»².

Иркутскому музею повезло, что в драматическую эпоху перемен его возглавил столь неординарный человек, как Ячменев. Достаточ-

но прочесть, как он «презентировал» себя на сайте «Кто есть кто в Иркутске», чтобы убедиться — это был действительно яркий представитель формирующегося ныне типа руководителя, соединяющего таланты администратора, специалиста по пиар-компаниям и шоумена:

Историк. Автор научных и популярных статей о декабристах и культуре Восточной Сибири. Преподаватель спецкурса «Дворянская культура и этикет». <...> Музыкант, пианист, ученик профессора, заслуженного деятеля культуры России Дмитрия Баскова. Концертмейстер и ведущий музыкальных программ. Актер-любитель. Композитор-дилетант, автор музыки к спектаклям театра «Юность» Дворца пионеров <...> и «Домашнего театра Волконских». <...> Заведующий музеем декабристов. <...> Владеет французским языком. Хобби — классическая музыка и верховая езда — вполне дворянские занятия. Член польского клуба «Висла» и Ассоциации друзей Франции, ведет большую общественную работу³.

Необходимо добавить, что «актер-любитель» был востребован и на профессиональной сцене. Осенью 2006 г. Ячменев с успехом сыграл драматурга Коцебу в спектакле «Наш господин Чичиков» Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова. Участвовал он и в телевизионном проекте Н.С. Бондарчук. В снятом Бондарчук 10-ти серийном фильме «Одна любовь души моей» Ячменев выступил не только в роли консультанта, но также исполнил роль декабриста Ф.В. Вольфа⁴. Кроме того Ячменев был и талантливым театральным педагогом. Среди его учеников, например, ультрамодный режиссер и актер Иван Вырыпаев⁵.

Чрезвычайно важно, что, став руководителем музея декабристов, Ячменев не пошел по привычному для большинства учреждений культуры пути, обрекающему эти учреждения на прозябание в условиях радикальных реформ. Не секрет, что многие из «объектов культсоцбыта» выживают, сдавая в аренду помещения. Евгений Александрович

был категорически против сдачи любого помещения в аренду», хотя «ему напрямую и неоднократно “рекомендовали” снизить планку работы музея декабристов до среднестатистического краеведческого уровня, оставив в доме Волконских две-три мемориальные комнаты, а все остальное пустить на “зарабатывание денег”»⁶.

Он поставил перед собой амбициозную задачу: сделать музей действительно очагом культуры, то есть местом, вокруг которого собираются люди. Вопреки желанию руководства Иркутского об-

С.Е. Эрлих

ластного краеведческого музея, филиалом которого до конца 1999 являлся музей декабристов, Е.А. Ячменев продолжил традицию «салонов», некогда собиравшихся в домах Волконских и Трубецких. Кроме того, был «возрожден “Домашний театр Волконских”». Организуется показ видеофильмов по истории и культуре. Проводятся занятия “Школы хороших манер”. Открыта для посещения конюшня Волконских и конюшня Трубецких»⁷.

Таковы были формы публичной активности музея: «стилизованые “светские” салоны»⁸, «Домашний театр»⁹, «Школа хороших манер», конюшни¹⁰ – это все «вполне дворянские занятия». Ячменеву удалось найти для своего музея «изюминку»: именно в стенах музея жители Иркутска могли реализовать желание приобщиться к «благородству» дворян-декабристов. Стоит отметить, что при этом сотрудники музея позиционировали «высокую», дворянскую культуру как престижную, заставили своих посетителей повышать свой культурный уровень. Ячменев подтверждал подобные установки ссылкой на В.Ф. Одоевского: «Хороший артист сам должен создать вкус публики, а не слепо повиноваться ее вкусу, или уже испорченному, или еще не образованному». И затем продолжал:

У нас большой популярностью пользуется программа «Бал у Волконских». Это экскурсия с элементами светского этикета. Школьники приезжают соответственно экипированными, девочки шьют платья, мальчики тоже стараются добавить хоть какой-то элемент, чтобы внешне приблизиться к XIX веку. Плюс, конечно, концертная программа и плюс чаепитие, с пирожными, с конфетами, где современные школьники узнают, что не так просто было съесть пирожное и выпить чашечку чаю. Все эти тонкости, соединенные в одну программу, действуют очень облагораживающе¹¹.

Вопреки главному направлению современной культуры, музей декабристов продолжает просветительскую миссию самих декабристов. И когда руководство областного краеведческого музея утверждало, что проведение «стилизованных “светских” салонов» – «чужеродный элемент»¹² в деятельности музея, оно заблуждалось. Но совершенно справедливы обвинения оппонентов, что директор музея декабристов организовал «элитарный клуб в Иркутске»¹³. Следует признать, что Иркутский музей декабристов возродил декабристскую традицию, согласно которой в «салонах Трубецких и Волконских когда-то формировалось общественное мнение, это была основная форма общественной жизни Иркутска»¹⁴. Он действительно стал центром общественной жизни и, следовательно, формирования общественного мнения своего города.

Е.А. Ячменев не ограничивался городскими масштабами. В связи с планами сделать байкальский регион туристско-рекреационной зоной он разработал областной проект «Декабристское кольцо Сибири», который

призван направить туристические потоки по декабристским местам. Цикл экскурсий рассчитан максимально на 7–10 дней и охватывает Иркутск, архитектурно-этнографический музей «Тальцы», поселок Листвянка, села Урик, Усть-Куду, Оек, Тельму, Александровский завод, Олонки, Бельск и Смоленщину. Декабристская тема рассматривается как стержневая, вокруг которой могут быть организованы мероприятия «культурного туризма»¹⁵.

Сообщения СМИ, опирающиеся на грамотные пресс-релизы руководства музея, позволяют отметить целенаправленные действия по «раскрутке бренда». Прежде всего стоит выделить создание как можно большего числа «информационных поводов». Это и торжественная демонстрация новых экспонатов, и ежегодный фестиваль искусств «Декабристские вечера», на котором представлено как «классическое, так и народное искусство»¹⁶, и «шахматный турнир среди иркутских любителей на кубок князя Волконского», и премьера монооперы «Записки Марии Волконской»¹⁷, и ежегодное вручение в залах музея премии «Интеллигент провинции»¹⁸ и «премий губернатора в области литературы и искусства»¹⁹, и презентации книг²⁰ и юбилейных почтовых конвертов²¹, и, даже областной конный фестиваль²². Не могу не выделить активную издательскую деятельность иркутского музея. Он взял на себя продолжение знаменитой серии «Полярная звезда»²³. Вместе с другими организациями музей финансировал издание эпатажной книги А.Ю. Чернова «Сожженная глава “Евгения Онегина”»²⁴.

Бывало, что чувство меры изменяло директору музея декабристов. Так, в погоне за популярностью он решил подыграть моде на «паранормальные явления»:

Однажды мы установили в комнате бюст Пушкина – ровно-ровно на углу ковра. Наутро тумба оказалась сдвинутой на 10–20 сантиметров. Как предполагают работники музея, бывшим жильцам-декабристам не понравилось расположение бюста их товарища. А столы и стулья в музее двигаются постоянно. Перед закрытием вся мебель стоит на одном месте, а утром стулья выдвинуты из-под стола, как будто ночью кто-то за ним сидел. По словам директора Дома-музея Волконских Евгения Ячменева, души умерших посылают добрые сигналы. – Даже работая над докторской диссертаци-

С.Е. Эрлих

ей, – рассказывает Евгений Александрович, – я чувствую прилив сил, способствующий открытиям, вроде меня кто-то подталкивает. Как-то вечером я бродил по музею и в зеркале увидел отражение Марии Николаевны Волконской. Она была в белом платье и как будто кружилась в танце²⁵.

Шум в прессе привлекает чиновных экскурсантов²⁶, которые пытаются поднять предвыборный рейтинг, проявляя внимание к «культурным героям» сибиряков и «священным предкам» интеллигенции. Эти визиты, в свою очередь, еще больше повышают интерес СМИ к музею. Приток посетителей, жаждущих взглянуть на «гостиный стол» середины 18 века», за которым «во время встречи с творческой общественностью Иркутска в 2000 году сидел Президент Владимир Путин», гарантирован. Но важнее другое. «Освящение» политической властью делает музей привлекательным для благотворителей. Вслед за скромным «Масложиркомбинатом»²⁷ приходит всемогущий «Норникель», с пожертвованием в «полмиллиона рублей»²⁸. Наступает новый виток интереса прессы к музею, в котором «сошлось все: итог нашей научной и поисковой работы, помощь друзей музея и вообще отношение к нему. Декабристская тема остается актуальной. Иркутский музей декабристов известен далеко за пределами России»²⁹. По словам самого Евгения Александровича:

Вокруг музея складывается коллектив его друзей. Некоторые предприниматели, банковские структуры нас поддерживают, и это постепенно выстраивается в систему. Сейчас мы думаем о попечительском совете и очень взыскательно смотрим на наших читателей, с тем чтобы выбор был окончательный и бесповоротный. Выкристаллизовался круг наших друзей, организаций, которые нам помогают. Это и акционерное общество «Иркутскэнерго», и Иркутский алюминиевый завод компании «Суал», и иркутский филиал Внешторгбанка, Байкальский банк Сбербанка России с новым, молодым руководством, которое очень хорошо относится к музею, и страховая компания «Востсибжасо»³⁰.

Такова технология взаимодействия музея со средствами массовой информации, служащая максимальной «раскрутке» культурного бренда. На мой взгляд, будущие исследователи, изучающие историю взаимодействия прессы и культуры, должны поставить Ячменева в один ряд с М.Б. Пиотровским и В.А. Гергиевым. Думаю, что Ячменеву стоит выделить первое место в этом ряду, так как сделать культурным брендом эпохи провинциальный музей – дело крайне сложное.

- ¹ *Солоненко С.* Умер директор // Пятница. 2008. 27 июня.
- ² *Кез С. А.* После обеда дамы шли в залу... Вся правда о декабристах в Сибири // Независимая газета. 2007. 26 марта.
- ³ Ячменев Евгений Александрович [Электронный ресурс] // Сайт «Кто есть кто в Иркутске». [Б.м., 2009]. URL: <http://whoiswho.irkutsk.ru/9/172.html> (дата обращения: 03.10.2009).
- ⁴ Наталья Бондарчук подарила Иркутскому музею декабристов свой новый фильм // Известия. 2007. 25 декабря.
- ⁵ *Андреева О.* Евгений Ячменев: «Я очень верю в Иркутск» [Электронный ресурс] // Областная газета (Иркутск). 2007. 2 февраля. № 10. URL: http://www.og-irk.ru/vp132/evgeniy_yachmenev__%ABya_ochen_veryu_v_irkutsk%BB/view_1491.html (дата обращения: 03.10.2009).
- ⁶ *Верещагина С.* Остается одно: драться?! О судьбе музея декабристов в Иркутске [Электронный ресурс] // Восточно-Сибирская правда. 1997. 31 мая. № 104–105. URL: <http://www.vsp.ru/paperposts/1997/05/31/22958> (дата обращения: 03.10.2009).
- ⁷ История дома декабристов [Электронный ресурс] // Сайт «Культурный Иркутск». [Б.м., 2009]. URL: <http://kultura.irkutsk.ru/ru/museum/museumdekabristov/history/?> (дата обращения: 03.10.2009).
- ⁸ «Абсурдно по ряду причин...» (Резонанс на статью С. Верещагиной «Остается одно: драться») // Восточно-Сибирская правда. 1997. 27 июня. №№ 128–129. URL: <http://www.vsp.ru/culture/1997/06/27/330689> (дата обращения: 03.10.2009).
- ⁹ Театр «Юность» откроет сезон концертом в Музее декабристов [Электронный ресурс] // Сайт регионального информационного центра «БАБР.RU». 2005. 16 ноября. URL: <http://news.babr.ru/?IDE=25902> (дата обращения: 03.10.2009).
- ¹⁰ *Верещагина С.* Остается одно: драться?!
- ¹¹ «Музей не может быть делом частных рук»: С Е.А. Ячменевым беседовала О.В. Эдельман // Время новостей. 2006. 17 января. № 5.
- ¹² *Верещагина С.* Остается одно: драться?!
- ¹³ «Абсурдно по ряду причин...»: (Резонанс на статью С. Верещагиной «Остается одно: драться»)...
- ¹⁴ *Верещагина С.* Остается одно: драться?!
- ¹⁵ *Андреева О.* Евгений Ячменев: «Я очень верю в Иркутск»...
- ¹⁶ В Иркутске открывается фестиваль «Декабристские вечера» [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Regnum. 2003. 8 декабря. URL: <http://www.regnum.ru/allnews/191122.html> (дата обращения: 03.10.2009).
- ¹⁷ *Церадзе Л.* Декабристские вечера в Иркутске [Электронный ресурс] // Номер один. 2004. 23 декабря. № 51. URL: <http://pressa.irk.ru/editions.php?id=1&n=259&p=6339> (дата обращения: 03.10.2009).
- ¹⁸ Есть интеллигенты в нашей провинции! [Электронный ресурс] // Сайт регионального информационного центра «БАБР.RU». 2008. 22 мая. URL: <http://news.babr.ru/?IDE=45706> (дата обращения: 03.10.2009).

С.Е. Эрлих

- 19 В Иркутске открывается XX областной фестиваль «Декабристские вечера»...
- 20 Уникальное издание Пушкина получили в подарок иркутяне от принца Уэльского [Электронный ресурс] // Новости Иркутска. 2004. 4 июня. Вып. 104. URL: <http://pressa.irk.ru/tape.php?id=35&n=180&c=3> (дата обращения: 03.10.2009).
- 21 В доме-музее декабристов пройдет спецгашение конвертов, посвященных декабристам [Электронный ресурс] // Новости Иркутска. 2004, 4 июня. Вып. 104. URL: <http://pressa.irk.ru/tape.php?id=35&n=180&c=3> (дата обращения: 03.10.2009).
- 22 В Иркутске прошел конный фестиваль [Электронный ресурс] // Сайт Федерального информационного портала «Regions. Ru». 2005. 4 октября. URL: <http://www.regions.ru/news/1904466/> (дата обращения: 03.10.2009).
- 23 *Жартун С.* «Земную жизнь пройдя до середины» [Электронный ресурс] // Восточно-Сибирская правда. 2007. 22 февраля. URL: http://www.vsp.ru/show_article.php?id=39061 (дата обращения: 03.10.2009).
- 24 Рукописи не горят [Электронный ресурс] // Культура. 1999. 10–16 июня. № 20. URL: http://www.kultura-portal.ru/tree/cultpaper/article.jsp?number=72&rubric_id=1000962&crubric_id=1000964&pub_id=148385 (дата обращения: 03.10.2009).
- 25 *Грязнов А.* Декабристы по ночам двигают бюст Пушкина // Комсомольская правда. 2003. 3 марта.
- 26 Музею декабристов будет подарен уникальный портрет [Электронный ресурс] // Сайт регионального информационного центра «БАБР.RU». 2005. 3 марта. URL: <http://www.babr.ru/news/print.php?IDE=6354> (дата обращения: 03.10.2009).
- 27 *Носова М.* Портрет декабриста в дар музею [Электронный ресурс] // Восточно-Сибирская правда. 2001. 26 июля. № 141. URL: <http://www.vsp.ru/culture/2001/07/26/348691> (дата обращения: 03.10.2009).
- 28 В музее декабристов появились новые экспонаты [Электронный ресурс] // Сайт ГТРК «Иркутск». 2004. 18 мая. URL: http://vesti.irk.ru/kul_tura/2004/05/18/16260/ (дата обращения: 03.10.2009).
- 29 Там же.
- 30 «Музей не может быть делом частных рук»: С Е.А. Ячменевым беседовала О.В. Эдельман.

Публикации. Воспоминания

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

К.Ф. РЫЛЕЕВ В ЖУРНАЛЕ «НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ»

В статье анализируется журнал «Невский зритель» в связи с участием в этом журнале К.Ф. Рылеева. Особое внимание уделяется опубликованной в журнале сатире Рылеева «К временщику», анализируется политический контекст ее появления.

Ключевые слова: К.Ф. Рылеев, история журналистики, декабристы, декабристская литература.

1. «Твоим вниманием не дорожу, подлец!»

В начале декабря 1820 г., с опозданием на месяц, вышел октябрьский номер либерального петербургского журнала «Невский зритель». В журнале, за подписью «Рылеев» и под названием «К временщику. Подражание Персиевой сатире “К Рубеллию”», были помещены следующие стихи:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Внесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзашь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула – достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем!
Коль сам с презрением я на тебя гляжу

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстями и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сани мне и в почестях моих?
Не сан, не род – одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них – презренны;
И в Цицероне мной не консул – сам он чтим
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он,
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положении,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепление,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он – что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!¹

Автор этого стихотворения, К.Ф. Рылеев, – хрестоматийно известный поэт-декабрист. Ему посвящено множество статей и несколько специальных монографий². Яркий, неординарный, наделенный многочисленными талантами человек, Рылеев и делами, и стихами сильно повлиял на литературный процесс 20-х гг. XIX в. Кажется, никто из серьезных исследователей не берется оспаривать этот факт.

Нельзя сказать, что сатира Рылеева «К временщику» была обойдена вниманием исследователей, однако спектр исследовательских мнений о ней небогат. Первый биограф поэта-декабриста Н.А. Котляревский писал, что «с литературной стороны сатиру нельзя признать удачной: прозаические архаизмы, условные метафоры, деревянный стих относят ее из XIX века в век XVIII-й. Но она зла, непомерно зла... Так воинственно был настроен Рылеев в эти еще вполне мирные годы своей жизни»³. А не склонный преувеличивать роль Рылеева в литературе В.И. Маслов называл, тем не менее, эту сатиру гражданским актом, «отражением ... общественного возмущения и недовольства» деятельностью правительства⁴.

В.И. Семевский был убежден, что главное в этом произведении – «гражданские мотивы», М.В. Нечкина утверждала, что сатира «антиправительственная по существу» и вполне соотносимая с идеями Союза благоденствия⁵. В целом можно сказать, что изучение рылеевского текста ни на шаг не продвинулось от мемуарного высказывания друга Рылеева, декабриста Н.А. Бестужева: «Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самовластью»⁶. Высказывание это весьма эмоционально, но, к сожалению, мало информативно. Неясно, каким образом столь «антиправительственное» произведение могло появиться в легальной печати, почему «гражданские» и «воинственные» интенции Рылеева не были вовремя пресечены цензурой и правительством.

В вопросе о том, кого «имел в виду» Рылеев, создавая свою сатиру, современники и исследователи единодушны – сатира «метила» в графа А.А. Аракчеева, знаменитого временщика Александровской эпохи.

Во-первых, в тексте сатиры есть прямые намеки на Аракчеева. В частности, в строке «селения лишил их прежней красоты» вполне можно прочесть негодование автора по поводу руководимых Аракчеевым военных поселений. А в словах о том, что временщик «налогом тягостным» довел народ «до нищеты», видится явная аллюзия на работу Особого комитета, созданного императором летом 1820 г. под руководством Аракчеева. Задачей этого комитета было «изыскать новые источники доходов для казны», изыскания же предстояло производить путем увеличения «гербового и крепостного сборов». История с образованием этого комитета была достаточно громкой, ее активно обсуждали в свете. В связи с ней был вынужден покинуть свой пост в министерстве финансов известный либерал, ученый-экономист и декабрист Н.И. Тургенев⁷. Согласно донесениям полицейских агентов, в конце 1820 г. налоговой политикой правительства были недовольны весьма широкие слои населения. «Громкий ропот» доносился «с Биржи и Гостиного двора»:

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

«Все, кто занимается торговлей, исключая некоторых барышников, находящихся под покровительством, негодуют на таможенные законы и, еще более, на способ проведения их», – сообщали агенты⁸.

Во-вторых, есть свидетельство самого Рыльева, который рассказал в 1824 г. своему петербургскому знакомому, профессору Виленского университета И.Н. Лобойко, что, поскольку Аракчеев принял сатиру «на свой счет», за ними следят «полицейские агенты»⁹.

В-третьих, об антиаракчеевской направленности стихотворения существует множество эпистолярных и мемуарных свидетельств. В доносе на Рыльева, поданном министру внутренних дел В.П. Кочубею сразу же после публикации сатиры, указывалось: «Цензурою пропущено и напечатано в “Невском зрителе”. Кажется, лично на гр. А.А. Аракчеева»¹⁰. Весьма авторитетно мемуарное свидетельство Г.П. Кругликова, издателя «Невского зрителя», о том, что в «Персиейской сатире» «осуждался граф Аракчеев»¹¹. Хорошо знавший Рыльева журналист Н.И. Греч признавал в мемуарах: «...поэтического дарования он (Рылеев. – А. Г., О. К.) не имел и писал стихи не гладкие, но замечательные своею силой и дерзостью»; в сатире же, опубликованной в «Невском зрителе», «он говорил очень явно об Аракчееве»¹².

Служивший в 1820 г. в гвардии будущий декабрист Н.И. Лорер, не знавший или не помнивший авторства Рыльева, приписал сатиру Гречу и вспоминал впоследствии: «Я помню время, когда Н.И. Греч перевел с латинского *Временщика* времен Рима. Мы с жадностью читали эти стихи и узнавали нашего русского временщика. Дошли они и до Аракчеева, и он себя узнал»¹³. Еще один декабрист, Д.И. Завалишин, в старости рассказывал, что «молодые люди» 20-х гг. XIX в. «выражали свое негодование относительно Аракчеева косвенными намеками, например, переводом оды о Сеяне»¹⁴. В.И. Штенгейль отметил, что сатира Рыльева «намекала на графа Аракчеева, а потому выходка оказалась очень смелой»¹⁵. А Н.А. Бестужев, также назвав Аракчеева адресатом сатиры, сообщил в мемуарах, что «Рылеев громко и всенародно вызвал временщика на суд истины»¹⁶. Обобщая все эти отзывы, следует признать: не существует ни одного источника, который бы свидетельствовал против того, что адресатом сатиры был именно граф Аракчеев.

2. «Неслыханная дерзость»

Однако впрямую имя Аракчеева в сатире не названо. И вполне возможно, что публикация в «Невском зрителе» так бы и прошла незамеченной, если бы не время, в которое она появилась. Конец 1820 г. в России был ознаменован так называемой «семеновской ис-

торией»: вечером 16 октября солдаты первой гренадерской, «государевой» роты лейб-гвардии Семеновского полка, недовольные жестоким полковым командиром полковником Ф.Е. Шварцем, самовольно собрались вместе и потребовали его смены. Примеру «государевой» последовали и другие роты. Начальство гвардейского корпуса пыталось уговорить солдат отказаться от их требований, но тщетно. 18 октября весь полк оказался под арестом.

Неделю спустя в казармах лейб-гвардии Преображенского полка нашли анонимные прокламации, призывавшие преображенцев восстать, взять «под крепкую стражу» царя и дворян – и «между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных»¹⁷. Впрочем, прокламации эти были вовремя обнаружены властями.

Волнения в полку вызвали в обществе всевозможные толки и слухи (вплоть до «явления в Киеве святых в образе Семеновской гвардии солдат с ружьями, которые-де в руках держат письмо государю, держат крепко и никому-де, кроме него, не отдают»¹⁸), а в государственных структурах смятение и ужас. Дежурный генерал главного штаба А.А. Закревский в январе 1821 г. писал своему патрону, П.М. Волконскому: «Множество есть таких неблагонамеренных и вредных людей, которые стараются увеличивать дурные вести. В нынешнее время расположены к сему в высшей степени все умы и все сословия, и потому судите сами, чего ожидать можно при малейшем со стороны правительства послаблении»¹⁹.

Адъютант генерал-губернатора Петербурга графа М.А. Милорадовича Ф.Н. Глинка вспоминал пять лет спустя: «Мы тогда жили точно на бивуаках: все меры для охранности города были взяты. Через каждые 1/2 часа (сквозь всю ночь) являлись квартальные, чрез каждый час частные пристава привозили донесения изустные и письменные. Раза два в ночь приезжал Горголи (петербургский полицмейстер. – А. Г., О. К.), отправляли курьеров; беспрестанно рассылали жандармов, и тревога была страшная»²⁰. Подобные настроения объяснялись, прежде всего, отсутствием царя в столице и неясностью его реакции на произошедшие события.

Подчиненная министру внутренних дел В.П. Кочубею тайная полиция начала слежку за всеми: купцами, мещанами, крестьянами «на заработках», строителями Исаакиевского собора, солдатами, офицерами, литераторами, даже за испанским послом²¹. Почтамты – Петербургский и Московский – вели тотальную перлюстрацию писем; большинство писем той поры дошло до нас именно благодаря перлюстрации²². Естественно, не свободна от этих настроений была и столичная цензура: несколько месяцев после «истории» она была как никогда свирепой²³.

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

Главным журнальным цензором в 1820 г. был И.О. Тимковский, «статский советник и кавалер» – именно он подписал в печать книжку «Невского зрителя» с сатирой «К временщику». О Тимковском А.С. Пушкин писал, что в годы его «царствования»

...все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух²⁴.

Согласно Уставу о цензуре, цензор лично отвечал за каждую подписанную в печать книгу, и рисковать свободой ради становления «великой русской литературы» Тимковский явно не собирался. Кроме того, он работал под жестким контролем власти. Как раз в описываемое время, осенью 1820 г., министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын приказывал «сделать замечание г. цензору статскому советнику Тимковскому» за пропуск в печать «неприличных и противных Уставу о цензуре» слов и выражений, обнаруженных в одном из столичных журналов²⁵. На фоне всего этого пропуск в печать сатиры на Аракчеева выглядит более чем странно.

По-видимому, у Рылеева были все основания для бравады, когда 23 ноября он сообщал своему приятелю М.Г. Бедрге: «Моя сатира к временщику уже печатается в 10 книге “Невского Зрителя”. Многие удивляются, как пропустили ее»²⁶. Заметим, что удивление «многих» в данном случае было вполне оправдано.

Поведение Тимковского было странным, но не менее странным оказался и выбор места для публикации сатиры. Журнал «Невский Зритель» выходил всего полтора года, с января 1820 г. по июнь 1821 г., и резко отличался от многих других периодических изданий той эпохи. В главных журналах, таких как «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Благонамеренный» и другие была эстетическая, а иногда и политическая платформа, было свое место в литературной полемике, был свой, устоявшийся круг авторов и читателей.

Единую платформу в «Невском зрителе» найти сложно – журнал был крайне неровным. В истории журналистики он известен прежде всего тем, что в нем публиковался молодой Пушкин, а также его друзья-поэты А.А. Дельвиг, В.К. Кюхельбекер и Е.А. Баратынский. Однако произведениями «союза поэтов», Пушкина и его друзей, заполнены лишь первые четыре номера «Невского зрителя». С мая по сентябрь того же года ничего более или менее значимого для истории литературы в журнале не появлялось.

Затем несколько номеров журнала, с октября 1820 г. по март 1821 г., наполняются стихами Рылеева; появляются также произведе-

дения близкого к нему литератора О.М. Сомова. Рылеев планирует стать соиздателем «Невского зрителя», однако по невыясненным обстоятельствам этот план не осуществился. В апреле Рылеев и Сомов уходят из журнала, и последние книжки его опять наводняют произведения второстепенных литераторов²⁷. Постоянным автором «Невского зрителя» был только знаменитый графман граф Д.И. Хвостов.

Причины, обусловившие столь разное наполнение книжек журнала, нам неизвестны. В истории журналистики и литературы практически не оставили следов официальный издатель «Невского зрителя» 28-летний сотрудник департамента горных и соляных дел, «магистр этико-политических наук» И.М. Сниткин²⁸ и его главный помощник, служащий столичного почтамта Г.П. Кругликов. Одно можно сказать твердо: до осени 1820 г. на «Невский зритель» власти смотрели с большим недоверием.

В июльском номере журнала Сниткин опубликовал первую часть собственной статьи под названием «Должен ли быть дозволяем привоз всех иностранных товаров, или только некоторых, и каких более?» Горячий поклонник Адама Смита и его экономической теории, Сниткин был сторонником «разрешительной» системы и утверждал, что «не должно слишком опасаться, чтобы какое-либо общество с дозволением привоза иностранных товаров пришло в бедность. С тем вместе будет более денежных оборотов, более вещей в торговле и, следовательно, богатство общества может возрастать»²⁹.

Публикация эта была по тем временам крамольной. Она нарушала многочисленные циркуляры министра Голицына о том, что статьи, в которых обсуждаются действия правительства, «могут быть токмо печатаемы, когда правительство, по усмотрению своему, само находит то нужным и дает свое приказание, без которого ни под каким видом не должно быть печатаемо ничего ни в защите, ни в опровержение распоряжений правительства».

Статья Сниткина вызвала гнев Голицына. В августе 1820 г. последовал еще один циркуляр министра на имя Уварова: «В книжке журнала “Невский Зритель”, часть первая, март, помещена опять целая статья, под названием “О влиянии правительства на промышленность”, в коей делаются замечания правительству в постановлениях и распоряжениях его, и даются оному наставления, весьма неприличные ни в каком отношении. Таковое смелое присвоение частными людьми себе права критиковать и наставлять правительство ни в каком случае не может быть позволено.

Посему покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, предписать единожды навсегда цензуре ни под каким видом не про-

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

пускать никогда подобных сочинений и переводов, под ответственностию в противном случае Цензурного комитета или того цензора, который сие нарушил»³⁰.

Казалось бы, после столь гневного окрика дни «Невского зрителя» должны были быть сочтены. Видимо, последствием недовольства министра стал распространившийся среди столичных литераторов слух, что «Невский зритель» скоро прекратит свое существование. «“Невский Зритель” издыхает и... к новому году закроет глаза», – писал А.Е. Измайлов П.Л. Яковлеву тогда же, в августе 1820 г.³¹.

Но мрачные прогнозы в отношении журнала не оправдались. Следующий, августовский, номер «Невского зрителя» получил цензурное разрешение только 2 октября 1820 г. Однако открывался номер продолжением статьи Сниткина³². И если первая часть статьи уместилась на 18 журнальных страницах, то продолжение ее заняло целых 30 страниц.

Следующий, сентябрьский, номер (вышедший несколькими днями позже «семеновской истории») содержал и вовсе неожиданные для читателей заявления. Под рубрикой «Разные известия» были опубликованы две небольшие анонимные заметки без названия: «Монитор говорит: “Умный человек есть столп, на котором всякое Правительство охотно прибывает свои объявления”»; «Одна французская газета, которая издавалась под руководством министерской партии, сказала про оппозиционный журнал: “Вы худо чините свои перья”. – “Конечно, вы не имеете этого недостатка, – отвечали издатели журнала, – потому что перья свои получаете уже совсем очиненными”». В том же номере было опубликовано и «Уведомление» об издании «Невского зрителя» на 1821 г., в котором сообщалось, что в будущем году журнал продолжит обсуждение «важных переворотов, которыми решалась судьба царств», а также «современной политики, т. е. обозрения настоящего положения Европы»³³.

Таким образом, негодование министра сошло на нет, а журнал во всеуслышание заявил о своем уме, оппозиционности и неизменности курса на обсуждение политических событий. Между тем за нарушение предписаний Голицына журналы подлежали безусловному закрытию³⁴.

В истории публикации сатиры «К временщику» странным выглядит и поведение ее автора – К.Ф. Рыльева. В конце 1820 г. он еще не был знаменитым поэтом. Первые робкие шаги в литературе делал 25-летний отставной подпоручик, не выслуживший на военной службе ни денег, ни чинов и незадолго до описываемых событий вышедший в отставку. В столице Рылеев вынужден был сни-

мать дешевую квартиру и просил «маменьку» прислать ему «на первый случай посуды какой-нибудь, хлеба и что вы сами придумаете нужное для дома, дабы не за все платить деньги»³⁵. На руках у Рылеева, кроме жены, был грудной ребенок – дочь Анастасия.

В вопросе о том, каким образом Рылееву удалось войти в литературные круги Петербурга, много неясного. Первые произведения начинающего поэта были опубликованы в журнале А.Е. Измайлова «Благонамеренный».

Про Измайлова было известно, что он в своем журнале печатает «и своих родственников, и своих приятелей, и родственников своих приятелей»; журнал являлся, по сути, «домашним предприятием»³⁶. «Благонамеренный» (изд. г. Измайлов, в С. Петербурге) забавен для своего круга», – такими словами характеризовал впоследствии этот журнал А.А. Бестужев³⁷. Каким-то образом Рылееву удалось попасть в «домашний круг» Измайлова; по крайней мере, именно в «Благонамеренном» впервые увидели свет две эпиграммы Рылеева. Эпиграммы эти, весьма, впрочем, посредственные, появились в мартовской книжке (№ 5) журнала за 1820 г. и были подписаны криптонимом *К. Р-вб*³⁸. В следующем номере «Благонамеренного» появляется подписанное тем же криптонимом еще одно стихотворение – любовного содержания, под названием «Романс»:

Как счастлив я, когда вдруг осторожно,
Украдкой ото всех целуешь ты меня.
Ах, смертному едва ль так счастливым быть можно,
Как счастлив я!³⁹

Криптоним был раскрыт в 13-й, июльской, книжке «Благонамеренного»; в этом номере за полной подписью Рылеева была напечатана элегия «К Делии (Подражание Тибуллу)». В том же номере была опубликована и еще одна его эпиграмма, опять-таки за подписью *К. Р-вб*⁴⁰. Июльским номером 1820 г. участие Рылеева в «Благонамеренном» завершается, и до ноября его произведения в печати не появлялись. К моменту написания сатиры «К временщику» он был, таким образом, автором пяти опубликованных произведений: трех эпиграмм и двух любовных стихотворений. Что заставило его уйти из «Благонамеренного» в «Невский зритель», неизвестно.

Сам Рылеев квалифицировал свою сатиру «К временщику» как «неслыханную дерзость»⁴¹. А.И. Тургенев, брат Н.И. Тургенева, крупный чиновник Александровской эпохи, писал в феврале 1821 г. князю П.А. Вяземскому: «Читал ли дурной перевод Рубеллия в

“Невском Зрителе”? Публика, особливо бабья, начала приписывать переводчику такое намерение, которое было согласно с ее мнением»⁴². «Нельзя представить изумления, ужаса, даже можно сказать оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном. Все думали, что кары грянут, истребят и дерзновенного поэта, и тех, которые внимали ему», – вспоминал Н.А. Бестужев⁴³. Произведение это произвело в петербургском обществе эффект разорвавшейся бомбы.

И, конечно, современники не могли не удивиться не только дерзости, с которой никому не ведомый отставной подпоручик бросал вызов Аракчееву. Удивительнее всего был тот факт, что за публикацию сатиры «ничего не было» не только Рылееву, но и Тимковскому со Сниткиным и Кругликовым.

О том, почему «кары» со стороны Аракчеева так и не «грянули», существует рассказ самого Рылеева (в передаче И.Н. Лобойко): «Аракчеев ... отнесся к министру народного просвещения князю Голицыну, требуя предать цензора, пропустившего эту сатиру, суду. Но Александр Иванович Тургенев, тайно радуясь этому поражению и желая защитить цензора, придумал от имени министра дать Аракчееву такой ответ: “Так как, ваше сиятельство, по случаю пропуска цензурою Проперция (по-видимому, Лобойко в данном случае подвела память, Рылеев в своей сатире ссылаясь не на Проперция, а на Персия. – А.Г., О.К.) сатиры, переведенной стихами, требуете, чтобы я отдал под суд цензора и цензурный комитет за оскорбительные для вас выражения, то, прежде чем я назначу следствие, мне необходимо нужно знать, какие именно выражения принимаете вы на свой счет?” Тургенев очень верно рассчитал, что граф Аракчеев после этого замолчать должен, ибо если бы он поставил министру на вид эти выражения, они не только бы раздались в столице, но и во всей России, ненавидевшей графа Аракчеева»⁴⁴.

В рассказе этом много неточностей: либо Лобойко со временем забыл подробности, либо Рылеев сознательно мистифицировал своего приятеля.

Вызывает сильное сомнение участие в этой истории А.И. Тургенева. Департамент, который в Министерстве духовных дел и народного просвещения возглавлял Тургенев, занимался духовными делами иностранных вероисповеданий. И, как справедливо отмечает В.М. Бокова, «ни к какой цензуре» он «отношения по службе не имел и отписок по ее ведомству составлять не мог»⁴⁵. Естественно, влияния Аракчеева вполне хватило бы, чтобы потребовать назначения суда над цензором. Но в этом случае Голицын должен был бы дать поручение «назначить следствие» не Тургеневу, а С.С. Ува-

рову, тогда попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, в ведении которого находилась цензура.

Об этой истории есть и другой рассказ, гораздо более лаконичный, но и более правдоподобный: «Не сдобровать бы издателям “Невского Зрителя” и не избавиться бы им мщениа графа (Аракчеева. – А. Г., О. К.), если бы за них не заступился князь Голицын, который был тогда министром народного просвещения»⁴⁶. Этот рассказ тем более ценен, что принадлежит он непосредственному участнику событий, издателю «Невского зрителя» Г.П. Кругликову.

Обобщая оба эти свидетельства, можно констатировать: спасение действительно пришло из Министерства духовных дел и народного просвещения. Но исходило оно вовсе не от Тургенева, а непосредственно от министра. Ответ на вопрос о том, зачем Голицыну было покрывать Тимковского, Рылеева и издателей журнала может быть только один: все они в истории с сатирой действовали не сами по себе. Они исполняли политический заказ, исходивший непосредственно от Голицына. Нетрудно предположить, что журнал «Невский зритель» мог позволить себе публикацию такой сатиры именно потому, что его оппозиционность была санкционирована высшей властью в лице министра. Возможно, что просьбу министра передал Рылееву Г.П. Кругликов, соиздатель «Невского зрителя» и одновременно сотрудник подчинявшегося Голицыну столичного почтамта.

3. «Змей Горыныч» и «диктатура сердца»

«1815–1825 годы вошли в российскую историю как время сплошной *аракчеевщины*», – утверждает историк Н.А. Троицкий, и такое утверждение является общим местом в исследованиях, посвященных Александровскому царствованию⁴⁷. Но утверждение это несправедливо: к началу 1820 г. можно говорить не об одном, а по меньшей мере о трех российских временщиках, наделенных со стороны Александра I «особливым доверием». Кроме Аракчеева это были тот же князь Голицын, а также князь П.М. Волконский. Сравнивая трех временщиков, Ф.Ф. Вигель отмечал, что «в беспредельной преданности царю у Аракчеева более всего был расчет, у Волконского – привычка; только разве у одного Александра Николаевича Голицына – чувство»⁴⁸.

В начале 1820-х гг. у российских временщиков были четко разграниченные обязанности. В зоне ответственности Волконского, начальника Главного штаба, была армия и все дела, с нею связанные. Аракчеев отвечал за назначение министров и генерал-губернаторов, поскольку заведовал канцелярией Комитета министров, выс-

шего административного органа в России. Он же был главным начальником военных поселений – любимого детища Александра I. На Голицыне лежала ответственность за, так сказать, гуманитарную сферу: в его ведении находилось Библейское общество и Министерство духовных дел и народного просвещения. И невозможно дать однозначный ответ на вопросы о том, кто – Волконский, Аракчеев или Голицын – был при дворе более влиятельным и кто больше принес России добра или зла.

О Волконском вспоминали как о «благоразумном и опытном» военачальнике⁴⁹, не наделенном, впрочем, особой государственной мудростью. Всецело погруженный в служебные дела, молчаливый и замкнутый, Волконский «никого не хотел знать: ни друзей, ни родных; не только наград, прощения, помилования в случае вины никому из них не хотел он выпрашивать». «На одном Волконском истощалось иногда все дурное расположение духа государя, к нему чрезвычайно милостивого: он все переносил со смирением и, вероятно, полагал, что, в свою очередь, имеет он право показывать себя грубым, брюзгливым с подчиненными, даже с теми, к которым особенно благоволил»⁵⁰.

Начальник Главного штаба очень много сделал для развития армии, для правильной организации ее квартирмейстерской части. Он развивал военное образование, основал Московское училище колонновожатых, приохотил многих офицеров к изучению военных наук и математики. Но в то же время в годы его управления в армии процветали коррупция и кумовство, шагистика и фрунтomanия. Зачастую они заменяли необходимое уважение подчиненных к начальникам и элементарную дисциплину.

Аракчеев тоже много сделал для армии, особенно для артиллерийской ее части. Он основывал учебные заведения для артиллеристов, писал книги по артиллерии, был инициатором создания Артиллерийского ученого комитета и издания специального «Артиллерийского журнала». В руководимых им военных поселениях открывались школы и госпитали, был организован даже Крестьянский заемный банк. Перу Аракчеева принадлежит один из проектов освобождения крестьян от крепостной зависимости. Но военными поселениями он управлял жестко, подчас жестоко. В поселениях жилось плохо и крестьянам, и солдатам, над ними издевались офицеры-аракчеевцы. В 1819 г. Аракчеев жестоко подавил бунт военных поселенцев в Слободско-Украинской губернии. Ни одно серьезное кадровое решение Александр I не принимал, не посоветовавшись с Аракчеевым, министры и генерал-губернаторы искали его покровительства. Гнева временщика чиновники всех рангов боялись, по-видимому, гораздо больше, чем гнева императора.

В мемуарах современников личность Аракчеева окрашена в самые черные краски. По характеру своему он был, по-видимому, тяжелым и неуживчивым человеком. Современники отмечали, прежде всего, его «неумолимую, часто доходившую до жестокости строгость», «бесконечное самолюбие, самонадеянность и уверенность в себе», «злопамятность и мстительность»⁵¹.

Но были и те, кто Аракчеева любил и считал благодетелем. Так, к примеру, известный декабрист, подполковник Г.С. Батеньков, служивший под началом Аракчеева, отзывался о нем как о человеке, который «все исполнит, что обещает», «с первого взгляда умеет расставить людей сообразно их способностям: ни на что постороннее не смотрит», «в обращении прост, своеволен, говорит без выбора слов, а иногда и неприлично; с подчиненным совершенно искрен и увлекается всеми страстями»⁵². Уважал временщика и Карамзин, которого никак нельзя заподозрить в низкой лести и «искательстве»⁵³. А князь Вяземский, в молодости Аракчеева крайне не любивший, впоследствии, в мемуарах, заметит, что начальник военных поселений «не страшился» суда истории, «признавал и уважал достоинство и авторитет истории». «В грубой и тусклой натуре Аракчеева, – писал Вяземский, – которой вполне отрицать нельзя, просвечивались иногда отблески теплого и даже нежного чувства»⁵⁴.

Столь же неоднозначно оценивали современники и князя Александра Николаевича Голицына.

Голицын остался в мемуарах и историографии личностью, гораздо менее одиозной, чем Аракчеев. О нем вспоминали как о человеке «незлобивом», «благородных, честных правил», «добрейшем из смертных»⁵⁵. Вяземский вспоминал, что министр «был умный и образованный человек; был вместе с тем мягкосердечен и услужлив, более был склонен иногда легкомысленно и неосторожно одолжать, нежели сухо отказывать в добром участии»⁵⁶. По-видимому, в частной жизни Голицын был на самом деле гораздо более мягким и гуманным, чем Аракчеев.

Но далеко не все современники любили и уважали Голицына. В частности, ненавидел его Пушкин. Он высмеивал в стихах гомосексуальные наклонности князя, называл Голицына «холопской душой» и «губителем просвещения»; время его министерского правления считал «мрачной годиной».

И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была! –

возмущался поэт во «Втором послании к цензору»⁵⁷.

Образованная в 1812 г. под председательством Голицына общественная организация – Библейское общество, ставила перед собою благую цель – перевод Библии на языки народов, населяющих Россию, в том числе и на русский язык. Усилению позиций Библейского общества во многом способствовала и организация в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Это «сугубое» министерство подмяло под себя не только собственно ведомство просвещения, но и иностранные вероисповедания, и православный Синод, и периодические издания (за исключением нескольких ведомственных газет и журналов), и Академию наук, и вольные общества, и цензуру (через посредство цензуры – и литературу), и даже управление почтами. На посту министра князь, как мог, развивал просвещение, учреждал школы и университеты; в частности, при нем был основан Санкт-Петербургский университет. С его санкции открывались новые периодические издания, выходили книги. В случае крупных ссор между литераторами он выступал в качестве своеобразного «третейского судьи»⁵⁸. «Новое министерство было, в значительной степени, личным ведомством князя Голицына. Это был личный режим больше, чем ведомство», – утверждал Георгий Флоровский⁵⁹.

Министр искренне любил многих из своих беспокойных подчиненных, в частности Александра Тургенева – одного из ближайших своих сподвижников. Про Тургенева современники знали, что он по поручению Голицына и от его имени писал даже партикулярные письма⁶⁰. Министр поддерживал при дворе поэта В.А. Жуковского⁶¹, помогал выкупу из крепостной неволи талантливого юноши А.В. Никитенко, живо интересовался судьбой служившего рядовым в Финляндии Е.А. Баратынского.

Но отнюдь не все дела Голицына способствовали развитию отечественного просвещения. К 1820-м гг. его Библейское общество фактически превратилось в официальную организацию, куда вошло большинство должностных лиц Российской империи. Под прикрытием проповеди слова Божьего в среде членов общества процветали мистицизм, обскурантизм и безудержное ханжество. Делом рук всесильного министра и его приспешников были гонения на профессора А.П. Куницына, разгром Казанского и Петербургского университетов. При нем в ранг государственных деятелей выдвинулись Д.П. Рунич и М.Л. Магницкий. Именно Голицыну российская цензура обязана появлением цензоров Тимковского и Бирукова, вымарывавших из пушкинских стихов вполне невинные строки. «Человек доверчивого и впечатлительного сердца, Голицын умел и хотел быть диктатором. Он и был действительно диктатором немало лет. И эта своего рода “диктатура сердца” была

очень навязчивой и нетерпимой, – фанатизм сердца бывает в особенности пристрастен и легко сочетается с презрительной жалостью», – утверждал Флоровский⁶².

Естественно, временщики враждовали между собою, добиваясь исключительно влияния на императора. Волконский, например, удивлялся в частных письмах «непонятному ослеплению» государя относительно Аракчеева и вообще «являлся противовесом влиянию Аракчеева, которого презирал и называл “змеем”»⁶³. Естественно, в среде близких к Волконскому армейских генералов (И.В. Сабанеев, П.Д. Киселев, М.С. Воронцов, А.А. Закревский) об Аракчееве отзывались не многим лучше. Генералы называли его «проклятым змеем», «уродом», «чудовищем», «чумой», «выродком ехидны», «извергом», «государственным злодеем», «вреднейшим человеком в России» и пр.⁶⁴ Вполне естественно предположить, что из этого тесного генеральского кружка ненависть проникла и в придворную, и, главное, в офицерскую среду. Многие российские офицеры вдруг увидели в Аракчееве «змея» и «чуму».

Неприязненные отзывы о «Грузинском» (от названия имени Аракчеева Грузино) можно обнаружить, например, в переписке Тургенева⁶⁵. Мнение Тургенева, в свою очередь, не могло обойти стороной и его многочисленных друзей – петербургских литераторов. Для того же Вяземского в 1820-е гг. Аракчеев – не просто негодяй, но почти мифический злодей, не просто Змей, но эпический «змей Горыныч»⁶⁶.

Аракчеев, в отличие от своих оппонентов и их сторонников, был немногословен. Но в 1823 г. ему удалось добиться смещения Волконского с поста начальника Главного штаба, а в 1824 г. – удаления от министерской должности Голицына. На место Волконского был назначен лично преданный Аракчееву И.И. Дибич, а на место Голицына – А.С. Шишков, участвовавший вместе с графом в свержении министра. Именно с этого времени, с середины 1824 г., в стране установился режим, который можно назвать *аракчеевщиной*. Уставший царь практически перестал заниматься государственными делами и переложил их на плечи ставшего поистине всесильным Аракчеева.

Но во время «семеновской истории» расклад сил был другим, не таким, как в 1824 г. Волконского в столице не было, он сопровождал государя в Лайбах, на конгресс Священного союза. Аракчеев не был активен: он переживал приступ тяжелой депрессии, «меланхолии и скуки» – следствие как «общего расслабления», так и «расстроенного желудка и тронутых нервов». Приступ этот настиг его в конце 1820 г. и закончился лишь год спустя⁶⁷. В это время Аракчеев почти не выезжал из своего Грузино.

Активным в столице оставался только один из временщиков – князь Голицын. Недаром прекрасно знавший эпоху, собиравший о ней устные рассказы и документы Л.Н. Толстой устами декабриста Пьера Безухова скажет в эпилоге «Войны и мира»: «Библейское общество – это теперь все правительство»⁶⁸. Сюжет, описанный в эпилоге романа, относится к декабрю 1820 г., ко времени после «семеновской истории». «Семеновская история» породила смятение в русском обществе. Судя по документам, современники и, прежде всего, люди, облеченные властью, искали ответ на вопрос «кто виноват»? Естественно, власти осуждали солдат, послушавшихся командира. Но большинство тех, от кого зависело принятие решений, искали виновников бунта вне солдатской среды.

Командир Гвардейского корпуса И.В. Васильчиков был уверен: причина «истории» в том, что у полковника Шварца «не хватало ума для удачи в таком полку, где уже одно его назначение восстановило всех против него»⁶⁹. Начальник штаба военных поселений П.А. Клейнмихель считал виновниками офицеров-семеновцев: «Я... в душе своей уверен, что заговор сей происходит не от солдат; к сему делу есть наставники, и хотя пишут, что офицеры в оном не участвуют, но верить сему мудрено»⁷⁰. А дежурный генерал Главного штаба А.А. Закревский делил вину между Шварцем и офицерами поровну: «Сему не иная есть причина, как совершенное остервенение противу полковника Шварца», но и офицеры «не показали должной твердости и решимости начальника»⁷¹.

Самым весомым в данном случае оказалось мнение императора – а было оно весьма своеобразным. «Я сомневаюсь, – писал царь Васильчикову 10 ноября 1820 г., – чтобы одни были виновнее других, и уверен, что найду настоящих виновных в таких людях, как Греч и Каразин»⁷². Сюжет, характеризующий личность В.Н. Каразина и степень его участия в «истории», требует дополнительного серьезного исследования. Скажем только, что Каразин, известный прожектор и доносчик Александровской эпохи, был личным врагом Голицына, писал на него доносы В.П. Кочубею – и, соответственно, защищать его министр духовных дел и народного просвещения не собирался.

В итоге Каразин был арестован, несправедливо обвинен в составлении антиправительственных прокламаций, просидел полгода без суда и следствия в Шлиссельбурге, а затем был сослан в собственное имение под надзор полиции.

Иное дело – знаменитый журналист и педагог Н.И. Греч. К концу 1820 г. Греч был не только издателем журнала «Сын Отечества», но и не менее известным филологом-лингвистом. Его перу принадлежат учебники по русской грамматике, он много преподавал в

частных пансионах. Имя Греча неразрывно связано с введением в России ланкастерской системы взаимного обучения. Метод этот, изобретенный англичанами А. Беллем и И. Ланкастером, состоял в том, что наиболее способные ученики учили под руководством учителя своих менее способных товарищей. Он имел, конечно, большие недостатки, но был весьма актуален для России, так как позволял научить грамоте сразу большое количество неграмотных крестьян и солдат.

Греч был одним из пропагандистов этой системы в России. В 1818 г. ему было поручено организовать школу для обучения нижних чинов Гвардейского корпуса, школа была открыта в начале 1819 г. в казармах лейб-гвардии Павловского полка. Солдаты делали быстрые успехи в науках, и в июле того же года школу посетил император. Греч вспоминал: «Государь приехал, в сопровождении Васильчикова, Бенкендорфа, графа Орлова и нескольких других генералов, был очень весел и доволен, любовался пестротой разнокалиберных мундиров, обласкал меня. Произведен был экзамен и кончился к общему удовольствию»⁷³. Вскоре Греч получил повышение: стал официальным директором полковых училищ Гвардейского корпуса, ему же поручили заведовать школами для дочерей гвардейских солдат.

В историографии сложилось мнение, что введение в России ланкастерской системы было связано с деятельностью декабристского Союза благоденствия. В январе 1819 г. под руководством Греча было основано Общество для заведения училищ по методу взаимного обучения⁷⁴, в состав общества на разных этапах входили деятели тайных декабристских организаций. В.Г. Базанов писал: «Члены Союза благоденствия исключительно серьезно смотрели на учреждение школ взаимного обучения и надеялись превратить Вольное общество в Управу тайного общества по отрасли воспитания»⁷⁵. М.В. Нечкина пошла еще дальше. Она безапелляционно утверждала: «Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения... связано в своей деятельности с Союзом благоденствия и не завоевано, а прямо учреждено им»⁷⁶.

Между тем, еще в конце XIX в. блестящий историк А.Н. Пыпин выявил генетическую связь распространения в России ланкастерской системы обучения с педагогическими идеями и самого Александра I, и, что особенно важно, князя Голицына и его Библейского общества. «В числе приверженцев и распространителей ланкастерской методы у нас члены Библейского общества играли не малую, если не главную роль», – считал Пыпин⁷⁷. Он, в частности, обратил внимание на рекомендации со стороны британского Библейского общества своим русским собратьям о заведении подобных школ.

В 1816 г. император поручил Голицыну отправить «в Англию для изучения методы Ланкастера» четырех студентов столичного Педагогического института. Голицын распорядился о немедленной отправке студентов, из тех, «кои отличаются похвальным поведением, дарованиями, познаниями в науках и прилежанием своим»⁷⁸. Курировал этих студентов лично попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Уваров.

Сам Голицын был яростным пропагандистом новой системы. Он интересовался успехами студентов, регулярно доносил об этих успехах Комитету министров. В октябре 1817 г. по инициативе князя в Педагогическом институте организуется специальное отделение «для образования учителей приходских и уездных». А в июле 1818 г. Голицын докладывает императору, что отправленные в Англию студенты окончили свое обучение, должны вернуться в Россию и начать преподавание новой системы студентам вновь открытого отделения⁷⁹.

Именно Голицын санкционировал устав Общества учреждения училищ (кстати, судя по официальным документам, не имевшего статус вольного), он же представлял этот устав и императору, и Комитету министров. Общество это, долженствовавшее обозначать инициативу «снизу», на самом деле считалось структурным подразделением Министерства духовных дел и народного просвещения⁸⁰. Оно обязано было предоставлять в Петербургский учебный округ донесения о своей деятельности, копии протоколов заседаний и речей, читаемых на заседаниях. Таким же структурным подразделением министерства был и комитет для учреждения училищ народного просвещения, созданный при Главном правлении училищ⁸¹. На правительственные деньги издаются многочисленные пособия для обучения, таблицы для изучения Священного Писания составляет один из самых деятельных членов Библейского общества – митрополит Филарет⁸².

Греч, конечно, прекрасно понимал, что его организация существует под эгидой князя Голицына, и потому просил министра, чтобы все почтовые отправления от имени Общества учреждения училищ посылались по почте бесплатно – такая привилегия была ранее дарована только Библейскому обществу. Разрешения на это не последовало, зато Обществу было разрешено иметь печать⁸³.

Когда разразилась «семеновская история», император решил, что именно Греч «распропагандировал» солдат в школе, внушил им неповиновение начальству – несмотря даже на то, что семеновские солдаты в этой школе не обучались. «Наблюдайте бдительно за Гречем и за всеми бывшими в его школе солдатами... – предписывал Александр I Васильчикову. – Признаюсь, я смотрю на них с боль-

шим недоверием». Император требовал обратить «особенное внимание на счет тех людей, кои обучались в общей школе, бывшей в казармах Павловского полка, как со стороны нравственности и поведения их, так и дисциплины и военного повиновения». «Не сохранили ли [ученики школы] каких сношений с г. Гречем?» – вопрошал он Васильчикова⁸⁴.

Сейчас уже невозможно установить, кто первым подал императору мысль о виновности в «семеновской истории» Греча и ланкастерских школ. Объективно она была выгодна и Волконскому, потому что снимала обвинения с его ведомства, и Аракчееву, поскольку позволяла ослабить влияние Голицына при дворе. Но императорский гнев обозначал конец педагогической карьеры Греча.

В обществе стали распространяться слухи, что Греча то ли высекли, то ли собираются высечь в полиции. Слухи эти воспроизведены, в частности, в мемуарах Н.И. Лорера – правда, декабрист считал, что вина Греча заключалась в написании сатиры «К временщику» и высечь его собирались по приказу Аракчеева. Лорер писал:

Вообразите себе, как перепугался этот писатель, когда его схватили и мчали на Литейную, где жил страшный человек. Но Греч дорогой утешал еще себя тем, что, может быть, Алексей Андреевич, очарованный его слогом, поручит ему написать что-нибудь о Грузии или о военных поселениях. Но представьте себе его положение, когда, представ пред очи Аракчеева, он услышал гнусливый вопрос:

- Ты надворный советник Греч?
- Я, ваше сиятельство.
- Знаешь ли ты наши русские законы?
- Знаю, в[аше] с[иятельство].
- У нас один закон для таких вольнодумцев, как ты: кнут, батюшка, кнут!..⁸⁵

А в середине 1820-х гг. в одной из шуточных песен Рылеев и А.А. Бестужев опишут сказочные «острова, // Где растет трын-трава» и где

...не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно⁸⁶.

Слухи о телесном наказании незадачливого педагога были, конечно, вымышленными. Но после императорских инвектив за Гречем была установлена полицейская слежка: за ним следили «в клу-

бах, ресторанах, где он бывал, на улицах, поджидали его на папертях церквей, перед театрами». Правительственные шпионы следовали буквально по пятам «за семьей его, прислужгой, служащими его типографии, конторы и редакции журнала «Сын Отечества». Составляли даже списки о «выбывших и прибывших» в дом, в котором жил Греч⁸⁷.

Интересно отметить, однако, что среди кипы перлюстрированных писем конца 1820 – начала 1821 гг., хранящихся в фонде Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, писем Греча обнаружить не удалось⁸⁸. Почтовая служба входила в состав Министерства духовных дел и народного просвещения и, соответственно, он лично отвечал за перлюстрацию писем. Голицын не мог допустить ареста Греча: это означало бы торжество его врагов при дворе, признание князем собственной вины в распространении ставшей в одночасье «вредной» ланкастерской системы. Тем более что и сам Греч числился починенным Голицына. «Я был тогда на службе почетным библиотекарем в Императорской публичной библиотеке, состоявшей в ведении Министерства просвещения», – вспоминал он⁸⁹.

Лично Греч был, по-видимому, безразличен Голицыну. В 1819 г. министр объявил издателю «Сына Отечества» выговор за непочтительный отзыв о лингвистических трудах Академии наук; Гречу было объявлено, что журнал за подобные отзывы может подлежать запрещению⁹⁰. Через год после «семеновской истории» Голицын потерял всякий интерес к Гречу как к педагогу, к Обществу учреждения училищ и вообще к ланкастерской системе обучения. С 1822 г. свое отрицательное мнение об Обществе министр стал регулярно «доводить до сведения государя»⁹¹. Фактически общество перестало существовать в 1824 г., а в мае 1825 г. и вовсе закрылось. Позднейшие мемуары Греча исполнены обиды на бывшего покровителя⁹².

Но в конце 1820 г. Голицын вынужден был защищать Греча. Очевидно, сатира «К временщику» как раз и была частью «защитительной» кампании, призывавшей отыскивать «причины зла» в другом месте.

Стоит отметить, что, вероятно, Греч понимал, кому он обязан спасением. С 1821 г. произведения Рылеева станут постоянно появляться на страницах «Сына Отечества»; альманах «Полярная звезда», который Рылеев станет редактировать с 1823 г., будет пользоваться неизменной информационной поддержкой журнала Греча. Обоих литераторов свяжет и тесная личная дружба.

4. Петр Ракитин – псевдоним К.Ф. Рылеева

В том же номере «Невского зрителя» за 1820 г., непосредственно вслед за сатирой Рылеева, было опубликовано еще одно большое стихотворение следующего содержания:

Сыны России! чада славы!
Которым равных в мире нет!
О, род героев величавый!
Красуйся средь своих побед.

*

Хор

А ты, премудрый Царь – кем
Россы

Дела великие творят,
Вели – полнощные колоссы
Вселенну в прах преобратят.

*

Бессмертья славой дух питая,
Пойдем во сретенье врагам;
Любовь к отечеству святая
К бессмертью путь укажет нам.

*

Хор

Вели, премудрый Царь – кем
Россы

Дела великие творят,
Вели – полнощные колоссы
Вселенну в прах преобратят.

*

По трупам и костям противных
Проложим к славе новый путь;
Кто смеет стать противу сильных?
Тверда, как медь, Россиян грудь.

*

Хор

Вели, премудрый Царь – кем
Россы

Дела великие творят,
Вели – полнощные колоссы
Вселенну в прах преобратят.

*

Для нас и Альпы не высоки,
В ущельях тесных путь широк,
Стремнины Рейна не глубоки,
Предел вселенной не далек.

*

Хор

Вели, премудрый Царь – кем
Россы

Дела великие творят,
Вели – полнощные колоссы
Вселенну в прах преобратят.

*

На море, сушу громы кинем,
Попрем ногою самый ад;
Десною мы Париж низринем,
А шуйцей потрясем Царьград.

*

Хор

Вели, премудрый Царь – кем
Россы

Дела великие творят,
Вели – полнощные колоссы
Вселенну в прах преобратят.

*

Цвети, Российская Держава!
Под сению твоих побед;
Твоя тогда умолкнет слава,
Когда померкнет солнца свет!

*

Хор

Вели, премудрый Царь – кем
Россы

Дела великие творят,
Вели – полнощные колоссы
Вселенну в прах преобратят.

Стихотворение называлось «Польской», под ним значилось имя автора – *Петр Ракитин*. К названию имелось примечание: «Написанный еще в начале 1814 года и доставленный издателем от друга автора *К.Ф. Р-ва*»⁹³. Естественно, под этими инициалами скрывался Рылеев.

В контексте политической борьбы 1820-х гг. «Польской» и сатиры «К временщику» выглядят двумя частями одной антиаракчеевской акции. Из текста «Польского» следует, что русские солдаты, «полнощные колоссы», готовы по приказу императора и «низринуть» Париж, и «потрясти» Царьград. Солдатской верности противопоставлена подлость и коварство временщика. В ситуации после семеновской истории это означало: солдаты ни в чем не виноваты, они по-прежнему покорны царю. А лживому временщику не удастся скрыть «причины зла» «от взора общего», его дела все равно «изобличат» его. Смысл двойной акции Рылеева-Ракитина сводился в целом к тому, что все стеснения, претерпеваемые и народом, и солдатами, имеют источником единственно злую волю Аракчеева.

«Польской» уже попадал в поле зрения исследователей, изучавших творчество Рылеева. Первым на это стихотворение обратил внимание П.А. Ефремов, знаменитый пушкинист и библиограф, готовивший вместе с дочерью поэта-декабриста А.К. Пущиной издание «Сочинений и писем К.Ф. Рылеева» (вышло в 1872 г.). Изданию этому предшествовали многочисленные публикации стихотворных текстов Рылеева в журнале «Русская Старина». Републикуя сатиру «К временщику», Ефремов снабдил ее следующим комментарием: «Достаточно замечания, что вслед за сатирою помещен (стр. 29–31), очевидно, в цензурных целях, «Польской», стихотворение слабое, но звонкое...» Ефремов отметил примечание насчет «друга автора К.Ф. Р-ва», процитировал несколько строк «Польского» – и на этом остановился⁹⁴. Дореволюционные исследователи – вслед за Ефремовым – тоже отмечали существование «Польского». В.И. Маслов просто упоминал о существовании Ракитина и его стихотворения⁹⁵. Н.А. Котляревский комментировал это стихотворение в том смысле, что Рылеев, рекомендовавший его к печати, был «большим патриотом и оставался всегда равнодушным к славе русского оружия»⁹⁶. Советские же ученые о «Польском» прочно забыли.

Между тем стихотворения за подписью *П. Ракитин, Р-нъ, П. Р-нъ*. постоянно появляются на страницах «Невского зрителя» – все время, пока там сотрудничает Рылеев; стихотворения Рылеева и Ракитина печатаются в журнале вперемешку. Но когда Рылеев уходит из «Зрителя», Ракитин там перестает печататься. Ни в одном журнале 1820-х гг. эта фамилия больше не встречается, поэт Ракитин исчезает из литературы навсегда. Круг друзей и знакомых Рылеева достаточно тщательно изучен – но Ракитина среди них нет. Странное по-

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

явление и не менее странное исчезновение поэта Ракитина наводит на мысль, что перед нами нераскрытый литературный псевдоним.

При сопоставлении стихотворений Ракитина с опубликованными в тех же номерах «Невского зрителя» стихотворениями Рылеева выясняется любопытная подробность: единое целое составляют не только сатира «К временщику» и «Польской». Несколько других больших стихотворений Рылеева и Ракитина, опубликованные рядом, на соседних страницах, имеют общий смысл.

К другу

Не нам, мой друг, с тобой чуждаться
Утех и радостей земных,
Красою милых не прельщаться
И сердцем дорожить для них.
Пусть мудрецы все за химеру
Считают блага жизни сей,—
Не нам их следовать примеру
В цветущей юности своей.
Теперь еще в нас свежи силы
И сердце бьется для любви;
Придут дни старости унылы —
Угаснет прежний огонь в крови,
К утехам чувства онемеют,
Кровь медленней польется в нас,
Все нервы наши ослабеют...
И все напомним смерти час!
Тогда, тогда уже не время
О милых будет вспоминать
И сей угрюмой жизни бремя
В объятьях нежных облегчать...
Итак, доколе не промчалась
Быстротекущих дней весна,
Доколь еще не показалась
На наших кудрях седина,
Доколь любовью полны очи
Прелестниц юных нас манят
И под покровом мрачной ночи
Восторг и радости сулят —
Мой друг, в свой домик безопасный
Когда сну предан Петроград,
Спешу с Доридою прекрасной
На лоно пламенных отрад.

К. Р[ылеев]

(Невский Зритель. 1820. № 11. С. 141–142).

Романс

(Подражание. Quand tu m'aimois je
cherissois la vie⁹⁷).

Меня любила ты – я жизнью наслаждался,
Мой жребий был тогда завиден Небесам,
Обителью блаженств мне здешний мир казался,
Я в счастья тогда подобен был богам

*

Меня забыла ты – и я в ужасной доле
Отныне осужден в печалях жизнь влачить,
Покорствовать судеб неумолимых воле
И с скорбию в душе всечасно слезы лить!

*

Меня любила ты – я в сладком упоеньи,
Превыше мнил себя и смертных и богов
День каждый провождал в восторгах,
наслажденьи...
Верх счастья моего была твоя любовь.

*

Меня забыла ты – оставленный тобою
Я должен лютый час рожденья проклинать,
Блаженство на земли считать одной мечтою,
И радостей себе за гробом ожидать!

П. Ракитин.

(Невский Зритель. 1820. № 11. С. 139–140)

В данном случае Ракитин предается традиционному романтическому унынию – в связи с разрывом с возлюбленной. Рылеев же, напротив, проповедует «утехи и радости земные». Расположенные на соседних страницах журнала, оба эти текста призваны, по-видимому, служить контрастом один другому.

Следует добавить, что Ракитин здесь подражает не французскому тексту, а опубликованному в марте 1819 г. в журнале «Благонамеренный» стихотворению О.М. Сомова:

Любить тебя – вот жизни утешенье!
Иного я не смею и желать...
Люблю тебя! – в восторге, в иступленьи,
Как сладко мне всечасно повторять!

*

Любим тобой – в сем слове все блаженство,
Все то, что жизнь лишь может украшать,
Что смертному – с бессмертными равенство
На свете сем удобно даровать.

*

Забудь меня – и мир весь изменится,
Начнет весной природа увядать;
И свет дневной в глазах моих затмится,
И солнца луч не будет согревать.

*

Забьт тобой – в терзаниях разлуки,
Я буду час рожденья проклинать...
Нося в груди ужасны муки,
Как друга – смерть я стану призывать⁹⁸.

Заблуждение

Завеса наконец с очей моих упала,
И я коварную Дориду разгадал!
Ах! если б прежде я изменницу узнал,
Тогда бы менее душа моя страдала,
Тогда б я слез не проливал!
Но мог ли я иметь сомненье!
Ее пленительный и непорочный вид,
Стыдливости с любовью боренье,
И взгляды нежные, и жар ее ланит,
И страстный поцелуй, и персей трепетанье,
И пламень молодой крови,
И робкое в часы отрад признание –
Все, все казалось в ней свидетельством любви
И нежной страсти пылким чувством!
Но было все коварств плодом,
И записных гетер искусством,
Корысти низкия трудом!
А я, безумец, в ослепленье,
Дориду хитрую в душе боготворил,
И, страсти пламенной в отрадном упоенье,
Богов лишь равными себе в блаженстве мнил!..

К. Рылеев

(Невский Зритель. 1821. № 1. С. 37).

Романс

(“Las! Plus de jour, plus de nuit sans souffrance”⁹⁹)

Увы! И день и ночь веду я в огорченьи!
Пустыней для меня соделался весь свет;
Я потеряла все... со мной одне мученья...
Я потеряла все – со мною друга нет!

*

Весна не веселит и роща не пленяет,
Увял зеленый луг, поблек и розы цвет;
Тоска снедает грудь и слезы исторгает:
Я потеряла все – со мною друга нет!

*

Но скоро, скоро я паду от огорченья...
Несчастные сердца! Свершите мой завет,
Свершите вы его, хотя из сожаленья:
Я потеряла все – со мною друга нет!

*

Прошу вас над моей могилою простою
Как скоро вечной сон глаза мои сомкнет,
Несчастную почтить надгробною такою:
«Зачем ей было жить, когда с ней друга
нет!»

П. Ракитин

(Невский Зритель. 1821. № 1. С. 38)

Первое из этих стихотворений, принадлежащее перу Рыльева, написано от лица мужчины, второе, подписанное Ракитиным, – от лица женщины. Тема у них теперь одна – тоска и разочарование в любви.

Жестокой

Смотри, о Делия, как вянет сей цветочек,
С какой свирепостью со стебелька
Вслед за листочком рвет листочек
Суровой осени рука!
Ах! скоро, скоро он красы своей лишится,
Не станет более благоухать;
Последний скоро лист свалится,

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

Зефир не будет с ним играть.
Угрюмый Аквилон нагонит тучи мрачны,
В уныние природу приведет,
Оденет снегом доли злачны,—
Твой взор и стебля не найдет...
Так точно, Делия, дни жизни скоротечной
Умчит Сатурн завистливый и злой
И блага юности беспечной
Ссечет губительной косой...
Все изменяется под дланью Крона холодной;
Остынет младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Под старость к злу родит любовь!
Тогда, жестокая, познаешь, как ужасно
Любовью тщетною в душе пылать
И на очах не пламень страстный,
Но хлад презрения встречать.

К. Рылеев

(Невский Зритель. 1821. № 2. С. 147–148)

Вино и любовь

Вино волнует кровь
И сердце веселит,
Жестокая ж любовь
Нам душу тяготит.

*

Пускай дадут из них
На выбор мне одно:
Я до красоток лих,
А выберу вино.

*

При старости седой
Подпора мне нужна:
Я Селадон плохой,
Не выпивши вина.

*

Любовь век золотой
Нам только что сулит;
А кубок налитой
Тотчас восторг родит.

*

Но так как нам нельзя
По воле выбирать,
То станем мы, друзья,
Любить и попивать.

П. Ракитин

(Невский Зритель. 1821. № 2.
С. 151–152)

Здесь поэты меняются местами: Рылеев обвиняет коварную Делию в неприятии чувств возлюбленного, Ракитин же, напротив, проповедует веселье, «вино и любовь».

Конечно, темы стихотворений Рылеева и Ракитина вполне традиционны для, так сказать, массовой любовной поэзии начала XIX в., они восходят не только к французским образцам. Подобные стихотворения составляли большую часть отечественных стихотворных публикаций тех лет. Однако перед нами любопытный поэтический эксперимент: диалог двух поэтов, то спорящих, то дополняющих друг друга. Учитывая явную взаимозависимость этих текстов, можно предположить, что стихотворения, подписанные «П. Ракитин», также принадлежат перу Рылеева.

Документы позволяют сделать осторожные предположения и о возникновении этого рылеевского псевдонима.

Место рождения Рылеева до сих пор точно не известно. Однако Санкт-петербургским краоведам удалось установить, что вскоре после рождения будущего поэта его отец стал управляющим обширными имениями генерал-лейтенанта П.Ф. Малютина. Имения эти были расположены в Царскосельском и Софийском уездах Санкт-Петербургской губернии; они были подарком императора Павла I. Известно, что Малютин был покровителем семьи Рылеевых, в 1800 г. подарил матери поэта, А.М. Рылеевой, деревню Батово (тоже подаренную Павлом).

В конце 90-х гг. XVIII в., до переселения в Батово, семья Рылеевых жила в деревне Выре, которой также владел Малютин. По соседству же с Вырой располагалась деревня Ракитна – и вполне возможно, что псевдоним произошел от ее названия¹⁰⁰. Имя же «Петр» вполне соотносимо с именем Петра Малютина – «благодетеля» Рылеевых.

Предположение о том, что Петр Ракитин – это и есть Рылеев, находит свое архивное подтверждение. В фонде Рылеева рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского дома) находится автограф одного из стихотворений Ракитина («Романс» – «Меня любила ты...»). Автограф этот, по-видимому, черно-

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

во, поскольку он содержит ряд отступлений от опубликованного в «Невском зрителе» текста¹⁰¹. На обороте этого стихотворения содержится черновик письма поэта-декабриста к П.Ф. Малютину¹⁰². Время написания письма – февраль-март 1819 г.¹⁰³ Соответственно, «Романс» не мог быть написан позже этой даты. Если же учесть, что соответствующее стихотворение Сомова появилось в «Благонамеренном» именно в марте 1819 г., то очевидно, что именно мартом следует датировать и «Романс», и письмо Рылеева к Малютину.

Автограф «Романса» был в руках у П.А. Ефремова: на тексте остались его карандашные пометы. Из этих помет следует, в частности, что Ефремов обратил внимание на переключку опубликованных в «Невском зрителе» текстов Рылеева и Ракитина¹⁰⁴. Более того, в декабре 1870 г., готовя публикацию стихов Рылеева, Ефремов переслал автограф «Романса» М.И. Семевскому, редактору журнала «Русская Старина». Он предложил Семевскому «списать» текст «с прилагаемого оригинала» и опубликовать как стихотворение Рылеева¹⁰⁵.

Что ответил Семевский на это предложение, неизвестно. Однако ни «Романс», ни другие стихотворения Ракитина так и не были опубликованы в «Русской Старине». Соответственно, тексты эти не вошли ни в подготовленное Ефремовым совместно с А.К. Пушкиной издание «Сочинений и писем К.Ф. Рылеева», ни в последующие собрания сочинений поэта-декабриста.

О причинах того, что Ефремов и Семевский так и не решились публично отождествить Рылеева и Ракитина, можно только догадываться. Очевидно, что сам по себе «Романс», а также любовные стихотворения и эпиграммы, подписанные псевдонимом *Петр Ракитин*, *П. Ракитин*, *П. Р[акити]н*, *Р[акити]н*, ничего необычного из себя не представляют. Иное дело – первое стихотворение, опубликованное под этим псевдонимом, «Польской». Его ура-патриотическое и монархическое содержание никак не соотносится с образом поэта-гражданина, отдавшего жизнь борьбе против российского самодержавия. Следствием подобной осторожности стало невключение девяти стихотворений в собрания сочинений Рылеева – пусть даже и на правах приписываемых поэту-декабристу стихотворений¹⁰⁶.

5. К.Ф. Рылеев и Н.М. Карамзин

Еще один любопытный текст, опубликованный в том же номере – маленькая эпиграмма за подписью –*Ъ* – :

Не диво, что Вралев так много пишет вздору,
Когда он хочет быть Плутархом в нашу пору¹⁰⁷.

Эпиграмма эта давно атрибутирована Рылееву¹⁰⁸. Комментируя ее и другие ранние эпиграммы будущего декабриста, А.Г. Цейтлин утверждал: «Убежденный приверженец Батюшкова и карамзинистов, молодой поэт направил удар против бездарных эпигонов классицизма вроде Д.И. Хвостова»¹⁰⁹. Между тем перед нами эпиграмма вовсе не на Хвостова и «эпигонов классицизма», а на самого Карамзина – историографа, активно работавшего над томами своей «Истории государства Российского». Как раз в это время Карамзин выпускал вторым изданием первые восемь томов своего труда и готовил к первой публикации 9-й том.

Публикация томов труда Карамзина постоянно комментировалась в печати, в частности на страницах «Благонамеренного» и «Невского зрителя». Так, в мае 1820 г. в «Благонамеренном» сообщалось о выходе 8-го тома второго издания «Истории»: «Хотя и выслан 1819 год на заглавном листе сего осьмого тома, но оный вышел из печати в последних числах прошедшего месяца января. О достоинстве столь важного и единственного у нас творения, каково есть *История Российского Государства*, сочиняемая *Н.М. Карамзиным*, считаю говорить излишним: и самые враги почтеннейшего нашего историографа (без которого, скажу мимоходом, может быть, и теперь еще не умели мы писать порядочно прозой) соглашаются, что до него не было у нас *настоящей Русской Истории*»¹¹⁰.

В «Невском зрителе» же, в том же октябрьском номере, было опубликовано сообщение о том, что «подписка на девятый том *Истории Государства Российского*, сочиненной г. *Карамзиным*, принимается в книжном магазине гг. Слениных, на Невском проспекте, близ Казанского моста, в доме г-на Кусовникова, под № 44»¹¹¹.

Тома «Истории» неизменно вызывали общественный резонанс, и совершенно непонятно, зачем начинающему литератору необходимо было на ровном месте ссориться с могущественным историографом, а главное – с его многочисленными друзьями-литераторами. Литературным сторонником А.С. Шишкова Рылеев не был и в спорах о «старом и новом слоге» не участвовал ни до, ни после публикации эпиграммы.

Между тем Карамзин был если не личным, то политическим врагом Голицына, сомневался в полезности его деятельности и делился своими сомнениями с государем. Министерство духовных дел и народного просвещения он называл «министерством затмения»¹¹². Карамзин считал Голицына и его приверженцев лицемерами, а своему другу И.И. Дмитриеву сообщал: «Князь Голицын хороший человек... но я к нему совсем не близок <...> Иногда смотрю на небо, но не в то время, когда другие на меня смотрят». По поводу одной из книг, выпущенных под эгидой голицынского Библиографического общества, Дмитриев писал: «Карамзин и Голицын»¹¹³.

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

лейского общества, историограф замечал: «Многие сердятся и предсказывают беды нашему просвещению; а я даже и не смеюсь»¹¹³.

По свидетельству А.О. Смирновой-Россет, Голицын платил Карамзину тем же – скрытой неприязнью. Смирнова, ссылаясь на В.А. Жуковского, рассказывала, что когда император при Голицыне заговаривал с Карамзиным, – министра это «коробило»¹¹⁴. О натянутых отношениях Голицына и Карамзина современники были прекрасно осведомлены: у министра искали защиты и покровительства даже в научных спорах с могущественным историографом¹¹⁵.

По мнению же А.Н. Пыпина, «в то время думали, однако, что тогдашние журнальные вылазки против Карамзина делались не без тайных желаний и внушений князя Голицына»¹¹⁶. Полицейские агенты сообщали в начале 1821 г. В.П. Кочубею: недовольные Карамзиным «мистики» рассказывают, что «Карамзин выпущен из заключения, чтоб освободить место Карамзину»¹¹⁷.

Скорее всего, антикарамзинская вылазка Рылеева в «Невском зрителе» была также продиктована желанием всемогущего министра. Следует отметить, что Карамзин, со своей стороны, по-видимому, очень не любил Рылеева. Он демонстративно «не замечал» ни его произведений, ни альманаха «Полярная звезда», в котором печатались почти все друзья и почитатели историографа. «Вспомнил» Карамзин о Рылееве только после событий 14 декабря 1825 г., которых он был очевидцем. Не без некоторого злорадства историограф писал И.И. Дмитриеву: «Первые два выстрела рассеяли безумцев с “Полярною Звездой”, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами». Две недели спустя он сообщил Дмитриеву, что «оба рыцаря “Полярной Звезды” сидят в крепости»¹¹⁸.

6. Заключение

В вопросе о том, почему выбор Голицына пал в данном случае именно на Рылеева, можно строить только разного рода догадки. Очевидно, министру необходим был человек неизвестный, не вполне включенный в литературный процесс – для того, чтобы «подстроенность» всей этой истории не сразу бросалась в глаза. Соответственно, выпад против Аракчеева в этом случае можно было рассматривать как «глас народа».

Рылеев же, в свою очередь, был полон мечтаний о славе, в том числе и о славе литературной. В письмах его можно встретить, в частности, такие строки: «Иди смело, презирай все несчастья, все бед-

ствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». «Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О! я повинуюсь сердцу». «Я хочу прочной славы, не даром, но за дело¹¹⁹. И в данном случае начинающему литератору представился прекрасный случай прославиться.

История с публикацией сатиры имела и вполне конкретные, зафиксированные в источниках последствия.

Очевидно, ближайшим из них было появление в общественном сознании мысли, что в «семеновской истории» виноват именно Аракчеев, который, зная Шварца как жестокого офицера, специально рекомендовал его к должности командира Семеновского полка. Впоследствии мысль эта стала всеобщей – и в мемуарах, и в историографии.

Именно Аракчеев, вместе с великим князем Михаилом Павловичем, «добились замены Потемкина (прежнего командира полка, – А. Г., О. К.) Шварцем», – утверждал в мемуарах бывший семеновский офицер М.И. Муравьев-Апостол¹²⁰. «Аракчеевские ставленники начали занимать места командиров на ответственных постах, и креатура Аракчеева – полковник Шварц был назначен в 1820 г. командиром лейб-гвардии Семеновского полка», – такой видится ситуация в армии в 1820 г. М.В. Нечкиной¹²¹. А автор вышедшей не так давно монографии, специально посвященной неповиновению семеновцев, В.А. Лапин, даже уделяет несколько страниц изложению биографии Аракчеева¹²².

Между тем никакого отношения к назначению Шварца Аракчеев не имел и, по-видимому, даже не знал его лично. Согласно документам, назначение полковника командиром семеновцев состоялось по рекомендации гвардейского генерала П.Ф. Желтухина¹²³. Но и в этой рекомендации ничего необычного не было: 1819–1820 гг. вошли в историю гвардии как время постоянной смены полковых командиров. Аракчеев же Шварца никоим образом не поддерживал и не оправдывал.

Но после «семеновской истории» и сатиры «К временщику» имя Аракчеева становится едва ли не нарицательным, обозначающим государственного злодея. На него пишутся многочисленные эпиграммы, которые распространяются в не менее многочисленных списках и даже пересылаются по почте. Ни писать, ни читать эти эпиграммы уже не страшно: произведение Рылеева публиковалось в открытой печати.

Семеновский полк был раскассирован: и солдат, и офицеров перевели в армейские полки, стоявшие в провинции, – без права от-

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

пуска и отставки. Некоторые особо активные солдаты оказались на Кавказе. Шварц, приговоренный военным судом к смертной казни, был в итоге отправлен в отставку.

В отставку с должности директора полковых школ был вынужден уйти и Греч, поскольку власти не могли не выполнить прямого царского указания. Однако наказание это было весьма условным: он остался в литературе и журналистике, и за ним даже не был учрежден тайный полицейский надзор.

По-видимому, именно в связи с публикацией в «Невском зрителе» вынужден был покинуть пост цензор Тимковский, но цензурная политика правительства от этого не стала мягче.

Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский! –

констатировал Пушкин¹²⁴.

Положение же самого Голицына укрепилось: 28 декабря 1820 г. «начальник Главного штаба Его императорского величества (П.М. Волконский. – А. Г., О. К.) в отношении своем к министру духовных дел и народного просвещения, объявил Высочайшее Его императорского величества повеление, дабы полковые училища состояли под влиянием его, министра духовных дел и народного просвещения, наравне с прочими учебными заведениями, существующими в Санкт-Петербурге»¹²⁵. Влияние Голицына стало практически безграничным: он прямо «относился» к местным властям с требованием завести отделения Библейского общества там, где они еще не были созданы. Власти же – уже самостоятельно – отыскивали по губерниям всех более или менее влиятельных помещиков и чиновников и уговаривали их вступать в общество.

Жертвой подобного рвения едва не стал сам граф Аракчеев. 7 марта 1821 г. нижегородский губернатор Д.С. Жеребцов, в «ведении» которого находилось аракчеевское Грузино, написал графу письмо. В письме он сообщал следующее: «Между тем, как в Новгороде доселе еще не было устроено особенного отделения Библейского общества для вящего распространения книг Священного Писания, г. президент общества сего относился ко мне о содействии в том, и вследствие сего сделаны все нужные распоряжения к учреждению помянутого отделения. Первою обязанностью моею в сем случае я поставляю довести о сем до сведения вашего сиятельства, как, во-первых, помещика новгородского, так, во-вторых, главного начальника над военными поселениями, с тем, что не благоугодно ли вам будет принять участие в учреждающемся отделении Библейского общества в звании ль члена или вице-президента, и почел

бы себе за счастье получить уведомление о соизволении вашем в том или другом случае для предварительного с моей стороны сведения»¹²⁶.

Аракчеев, естественно, отказался от предложения Жеребцова. Однако его ответное письмо губернатору от 13 марта полно недоговоренностей и двусмысленностей. Аракчеев писал: «По пребыванию моему в самом Петербурге, где состоит главное Библейское общество, то я и могу оным пользоваться здесь, следовательно, прошу меня совершенно не считать принадлежащим к составу Новгородского общества»¹²⁷.

По-видимому, даже он опасался гнева Голицына и не решался прямо заявить о принципиальном несогласии с деятельностью Библейского общества. Хотя, конечно, и в состав центральных органов этого общества Аракчеев не вошел.

Рылеев же после публикации сатиры в одночасье стал известным поэтом. Вскоре он вступил в Вольное общество любителей российской словесности (как и Общество учреждения училищ, состоявшее в ведении министерства духовных дел и народного просвещения). С 1823 г. стал совместно с А.А. Бестужевым редактировать, а потом и издавать альманах «Полярная звезда», быстро заслуживший славу лучшего русского альманаха. У Рылеева появилось многое из того, о чем он мечтал: деньги, литературная известность, широкое общественное поприще. Сатира «К временщику» стала определяющей для дальнейшего творчества поэта-декабриста: действительно, в его лирике гражданские темы стали после 1820 г. главными.

И поэтическая, и журналистская, и конспиративная деятельность Рылеева требует отдельных, специальных работ. Очевидно лишь одно: необходимость коренного пересмотра сложившегося и в декабристоведении, и в истории литературы «рылеевского» мифа.

Примечания

- ¹ Невский Зритель. 1820. Ч. IV. № 10. С. 26–28; *Рылеев К.Ф.* К временщику (Подражание Персией сатире: «К Рубеллию») // *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Academia, 1934. С. 89–90. Сатира восходила к опубликованному в 1810 г. в журнале «Цветник» стихотворению М.В. Милонова «К Рубеллию. Сатира Персиева».
- ² См., напр.: *Сиротинин А.Н.* К.Ф. Рылеев – биографический очерк // *Русский Архив.* 1890. № 6. С. 113–208; *Котляревский Н.А.* Рылеев. СПб., 1908; *Маслов В.И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912; *Цейтлин А.Г.* Творчест-

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

- во Рылеева. М.: Изд-во АН СССР, 1955; *О'Мара П.* К.Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М.: Прогресс, 1989.
- 3 *Котляревский Н.А.* Указ. соч. С. 42.
 - 4 *Маслов В.И.* Указ. соч. С. 153.
 - 5 *Семевский В.И.* Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909. С. 67; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 256.
 - 6 *Бестужев Н.А.* Сочинения и письма. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2003. С. 100–101.
 - 7 Подробнее об этом см.: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. С. 75.
 - 8 Цит. по: *Рыбаков И.Ф.* Тайная полиция в «семеновские дни» 1820 г. // *Былое*. 1925. № 2 (30). С. 73.
 - 9 *Лобойко И.Н.* Вольное общество любителей российской словесности в Петербурге в 1824 г. перед его кончиной // *Писатели-декабристы в воспоминаниях современников*. М.: Художественная литература, 1980. С. 48.
 - 10 *Базанов В.Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. С. 178.
 - 11 *Кругликов Г.П.* Из воспоминаний участвовавшего в русских периодических изданиях первой половины XIX столетия // *Петербургская газета*. 1871. № 34. 9 марта. С. 3.
 - 12 *Греч Н.И.* Воспоминания о моей жизни. М.: Захаров, 2002. С. 305.
 - 13 *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 1984. С. 67.
 - 14 *Завалишин Д.И.* Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 142.
 - 15 *Штейнгель В.И.* Сочинения и письма. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 1985. Т.1. С. 130.
 - 16 *Бестужев Н.А.* Указ. соч. С. 100–101.
 - 17 Текст прокламаций см.: *Семевский В.И.* Волнение в Семеновском полку // *Былое*. 1907. № 2. С. 83–86, 92–93; *Латин В.А.* Семеновская история. Л.: Лениздат, 1991. С. 150–153.
 - 18 *Латин В.А.* Указ. соч. С. 166.
 - 19 Сборник Императорского русского исторического общества (далее – сборник ИРИО). СПб., 1890. Т. 73. С. 138.
 - 20 Восстание декабристов. Документы и материалы (далее – ВД). М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 125.
 - 21 *Рыбаков И.Ф.* Указ. соч. С. 69–86.
 - 22 См., напр., Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Далее – ОР РНБ). Ф. 859 (Н.Ф. Шильдер). К. 40. Д. 17 и др.
 - 23 Весьма показательна в этом смысле известная история с публикацией в журнале «Сын Отечества» «Послания к Каченовскому» П.А. Вяземского. См. об этом: *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. С. 37–38, 71 и другие; *Гинзбург Л.Я.* П.А. Вяземский // *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 13.
 - 24 *Пушкин А.С.* «Тимковский царствовал – и все твердили вслух...» // *Пушкин А.С.* Полн собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2. Кн. 2. С. 370.

- 25 Дело по приказанию г. министра о замечании цензору Тимковскому за пропуск некоторых статей в «Духе Журналов», в противность Устава о цензуре // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 118. 1820 г. Д. 469. Л. 1.
- 26 *Рылеев К.Ф.* Письмо М.Г. Бедраре. Петербург. 23 ноября 1820 г. // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. С. 454.
- 27 Подробнее об этом см.: *Вильк Е.А.* «Невский зритель» // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб., 1996. С. 486–488.
- 28 Дело по отношению исправляющего должность попечителя С. Петербургского учебного округа о дозволении магистру Сниткину издавать журнал под названием «Невский Зритель» // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. 1820 г. Д. 452. Л. 4–6об.
- 29 Невский Зритель. 1820. № 7. С. 17, 18.
- 30 Дело по замечанию г. министра о замеченной неприличной статье в книжке «Невского Зрителя» // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. 1820 г. Д. 461. Л. 2.
- 31 *Левкович Я.Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е. Измайлова к П.Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 155.
- 32 Невский Зритель. 1820. № 8. С. 103–134.
- 33 Там же. № 9. С. 28, 286.
- 34 *Щебальский П.К.* Материалы для истории русской цензуры // Беседы в обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 24.
- 35 *Рылеев К.Ф.* Письмо матери, А.М. Рылеевой. [Петербург]. 15 октября 1821 г. // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. С. 460.
- 36 *Проскурин О.А.* Литературные скандалы Пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. С. 191; *Эйхенбаум Б.М.* Мой современник. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. С. 63.
- 37 Полярная Звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 269.
- 38 Благонамеренный. 1820. № 5. С. 334, 335.
- 39 Там же. № 6. С. 414–415.
- 40 Там же. № 13. С. 50–52, 54.
- 41 *Лобойко И.Н.* Указ. соч. С. 48.
- 42 Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 151.
- 43 *Бестужев Н.А.* Указ. соч. С. 100–101.
- 44 *Лобойко И.Н.* Указ. соч. С. 48.
- 45 *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. М.: Реалии-Пресс, 2003. С. 525.
- 46 *Кругликов Г.П.* Указ. соч. С. 3.
- 47 *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994. С. 269.
- 48 *Вигель Ф.Ф.* Записки. М.: Захаров, 2003. Т. 2. С. 776.
- 49 *Вяземский П.А.* По поводу записок графа Зента // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 452.
- 50 *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 776–777.

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

- 51 *Гец П.П фон.*, Князь А.Н. Голицын и его время // Русский Архив. 1902. № 9. С. 101; *Жиркевич И.С.* Записки // Русская Старина. 1874. № 2. С. 225.
- 52 ВД. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 143.
- 53 См., напр.: *Дубровин Н.Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М.: Гос. публ. б-ка России, 2006. С. 430.
- 54 *Вяземский П.А.* По поводу записок графа Зента // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 460.
- 55 *Гец П.П. фон*, Указ. соч. С. 107; *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия В.А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 139; *Смирнова-Россет А.О.* Автобиография: (Неизданные материалы). М., 1931. С. 123.
- 56 *Вяземский П.А.* Озеров // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 263.
- 57 *Пушкин А.С.* <На кн. А.Н. Голицына>; Второе послание к цензору // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 127, 367.
- 58 *Левкович Я.Л.* Указ. соч. С. 160–161.
- 59 *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Минск: Изд-во белорусского экзархата, 2006. С. 133.
- 60 *Вяземский П.А.* Старая записная книжка // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 244.
- 61 О взаимоотношениях Голицына и Жуковского см., в частности: *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2001. С. 269–295.
- 62 *Флоровский Г., прот.* Указ. соч. С. 133.
- 63 Сб. ИРИО. Т. 73. С. 81; *Николай Михайлович, вел. кн.* Генерал-адъютанты Императора Александра I. СПб., 1913. С. 47.
- 64 Сб. ИРИО. Т. 73. С. 97, 182, 184, 474 и др.; Т. 78. С. 204, 214 и др.; *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1. С. 84.
- 65 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 69.
- 66 *Вяземский П.А.* По поводу записок графа Зента. С. 458.
- 67 РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Т. 1. Д. 128. Л. 482об. и др.
- 68 *Толстой Л.Н.* Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худ. лит., 1963. Т. 7. С. 313.
- 69 Бумаги покойного председателя Государственного совета И.В. Васильчикова // Русский Архив. 1875. Кн. 1. № 3. С. 433.
- 70 *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 264.
- 71 Сб. ИРИО. Т. 73. С. 109, 113.
- 72 Бумаги покойного председателя Государственного совета И.В. Васильчикова. С. 354–355.
- 73 *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 282.
- 74 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. 2-е изд. СПб., 1875. С. 1230–1233.
- 75 *Базанов В.Г.* Указ. соч. С. 15–16.
- 76 *Нечкина М.В.* Указ. соч. С. 264. С Союзом благоденствия и – в широком смысле – с общественной инициативой связывает деятельность этого общества со-

- временный исследователь П.В. Ильин (см.: *Ильин П.В.* Метод «взаимного обучения» и русское прогрессивное общество (К проблеме просветительства в идеологии и практике либералов 1815–1825 гг.). Автореф. дис. на... канд. ист. наук. СПб., 1996).
- 77 *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академпроект, 2000. С. 107.
- 78 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 889.
- 79 Там же. С. 1020, 1186.
- 80 Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820. Часть 1. СПб., 1820. Министерство духовных дел и народного просвещения. Особые заведения. Санкт-Петербургское общество учреждения училищ по методе взаимного обучения. С. 811.
- 81 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1286.
- 82 *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 121.
- 83 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1311.
- 84 Бумаги покойного председателя Государственного совета И.В. Васильчикова. С. 354–355; № 6. С. 128.
- 85 *Лорер Н.И.* Указ. соч. С. 67.
- 86 *Рылеев К.Ф.* Песня («Ах, где те острова...») // *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. С. 272.
- 87 Цит. по: *Рыбаков И.Ф.* Указ. соч. С. 84–85.
- 88 ОР РНБ. Ф. 859. К. 40. Д. 17 и др.
- 89 *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 288.
- 90 *Щебальский П.К.* Указ. соч. С. 27–31.
- 91 Записки гр. Ф.П. Толстого. М., 2001. С. 214.
- 92 *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 293–289.
- 93 Невский Зритель. 1820. Ч. 4. № 10. С. 29–31.
- 94 К.Ф. Рылеев: Дума, сатира на Аракчеева и послание / Сообщ. П.А. Ефремов // Русская Старина. 1872. № 2. С. 270.
- 95 *Маслов В.И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912. С. 1–2.
- 96 *Котляревский Н.А.* Указ. соч. С. 40.
- 97 Когда ты меня любила – я наслаждался жизнью (фр.)
- 98 *Сомов О.* Романс // Благонамеренный. 1819. № 6. С. 333.
- 99 Увы! И день, и ночь в огорчении (фр.)
- 100 См. об этом: *Бурлаков А.В.* Гатчинская тропинка к Пушкину. СПб.: Лига Плюс, 1999. С. 238–253; *Муратова Н.В.* Сто дворянских усадеб Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Выбор, 2005. С. 71–74; 100–103.
- 101 Рукописный отдел Института русской литературы РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 269 (Рылеев). Оп. 1. Д. 91. Л. 1об. – 2.
- 102 РО ИРЛИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 91. Л. 2 об. Письмо опубликовано: *Рылеев К.Ф.* Сочинения. Л.: Худ. лит., 1987. С. 288. Адресат письма и время его написания определены С.А. Фомичевым.
- 103 *Рылеев К.Ф.* Указ. соч. С. 377.
- 104 РО ИРЛИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

- 105 Там же. Л. 3.
- 106 *Ракитин П.* Польской // Невский Зритель. 1820. № 10. С. 29–31; *Р-нб.* Наине // Там же. С. 40; *Р-нб.* Лида, которая сказала, что я убегаю ее как смерти // Там же; *Р-нб.* Эпиграмма «Невинен Простаков, держася глупых правил...» // Там же. С. 41; *Р-нб.* Эпиграмма («Когда Орфей играл...») // Там же; *Ракитин П.* Романс («Меня любила ты – я жизнью наслаждался...») // Там же. № 11. С. 139–140; *Ракитин П.* Романс («Увы! И день и ночь веду я в огорченьи!..») // Там же. 1821. № 1. С. 38; *Ракитин П.* Вино и любовь // Там же. № 2. С. 151–152; *Р-нб П.* Эпиграмма («Имея ум, чины, достоинства в кармане...») // Там же. № 3. С. 263.
- 107 Невский зритель. 1820. Ч. 4. № 10. С. 41.
- 108 *Рылеев К.Ф.* Эпиграмма («Не диво, что Вралев так много пишет вздору...») // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. С. 93; См. то же: *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1934. С. 270.
- 109 *Цейтлин А.Г.* Указ. соч. С. 38.
- 110 Благонамеренный. 1820. № 9. С. 215.
- 111 Невский Зритель. 1820. № 10. С. 85.
- 112 *Карамзин Н.М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 11–12.
- 113 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 204, 218, 258.
- 114 *Смирнова-Россет А.О.* Указ. соч. С. 123.
- 115 См., напр., письмо историка и археолога З.Я. Доленги-Ходаковского (Адама Чарноцкого) к И.Н. Лобойко от января 1823 г.: «Карамзин подозревая ревность мою, вздумал беспощадно бранить меня и вредить всеми мерами... Я принужден был резко объясниться перед кн[язем] Алекс[андром] Никол[аевичем], жаловаться на сей недостаток патриотизма... Я желаю иметь судьбою, протектором и отцом славянина, князя Голицына, и положил на нем все упование» (РО РНБ. Ф. 440 (И.Н. Лобойко). Оп. 1. Д. 4. Л. 13–13об.).
- 116 *Пытин А.Н.* С. 171.
- 117 Цит. по: *Рыбаков И.Ф.* Указ. соч. С. 74.
- 118 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 411, 412.
- 119 *Рылеев К.Ф.* Письмо отцу, Ф.А. Рылееву. [Петербург]. 7 декабря 1812 г.; Письмо Ф.В. Булгарину. [Петербург]. Между 14 и 26 марта 1825 г. // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. С. 429, 488.
- 120 *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 45.
- 121 *Нечина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 308.
- 122 *Латин В.А.* Указ. соч. С. 68–71.
- 123 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 751. Л. 19.
- 124 *Пушкин А.С.* «Тимковский царствовал – и все твердили вслух...» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 328.
- 125 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1568.
- 126 *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 281–282.
- 127 РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 459. Л. 40–40об.

С.В. Ерофеев

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И МЕДИАСРЕДА

В статье на нескольких примерах из журналистской практики автора показывается, как эволюционировала телевизионная журналистика на протяжении последних двадцати лет. Автор приходит к выводу, что традиционная журналистика, которую можно назвать «линейной» (один материал идет последовательно за другим), постепенно уступает место новой журналистике – «нелинейной», которая использует возможности киберпространства, в частности, Интернета. Автор приходит к выводу, что нелинейная журналистика глобальна, ее материалы доступны телезрителям в любое время, их удобнее смотреть, их можно комбинировать и давать в любом объеме. Важно также, что редакция может в режиме реального времени вести мониторинг аудитории.

Ключевые слова: телевидение, журналистика, нелинейность, Интернет.

Элвин Тоффлер, известный американский писатель, журналист и социолог в предисловии к своей книге «Шок будущего» писал: «Каждый опытный репортер знает, что такое работать над быстро исчезающей ситуацией, которая меняет вид и смысл, прежде чем слова записаны на бумагу. Сегодня весь мир – это быстро исчезающая ситуация»¹.

Скорость перемен на медиаландшафте, возрастая по экспоненте, уже не просто настораживает, но и пугает. Вот, например, фрагмент из письма немецких коллег, которое я недавно получил по электронной почте (стилистику и орфографию оставляю без изменений):

С.В. Ерофеев

Уважаемый Сергей Владимирович!

Сегодня уже стало общим местом то, что за последние 10–15 лет рынок СМИ претерпел значительные изменения, обусловленные существенным повышением скорости обмена данными, тесной интеграцией средств общения и небывалым уровнем развития клиент-серверных устройств. Эти и другие процессы, понимаемые как составляющие инфокоммуникативной революции, породили новые форматы продукты и рынки, столь специфические, что доскональное и целостное понимание происходящего в отрасли *media* затруднительно для самих игроков этой отрасли (выделено автором. – С. Е.), особенно для специализирующихся на отдельных сегментах, что нередко ими самими озвучивается. Более того, происходящие в области СМИ и Телекома изменения делают эту отрасль едва ли не самой динамичной отраслью экономики, причем как в глобальном, так и в региональных, масштабах².

Хотим мы этого или нет, но все мы – журналисты, само телевидение и его теоретики – постепенно погружаемся в новое для нас глобальное медиапространство, которое живет по еще мало понятным нам законам и правилам.

Первые проявления новой реальности почувствовали в Америке еще в конце 70-х годов прошлого века. Вот что, например, писал журнал «Time» в 1977 г.: «Все рушится, боссы телевидения нервно всматриваются в цифры... они не верят своим глазам... Впервые за свою историю телевидение теряет зрителей»³.

В этой публикации речь идет о том, что на рынке появились видеомагнитофоны, которые могли «консервировать» телевизионные программы. У зрителя появилась возможность просмотра любых материалов в удобное для себя время. Кстати, на принципе «телевизионных консервов» впоследствии была построена концепция вещания знаменитого британского «Открытого университета», который передавал учебные курсы в ночное время с тем, чтобы учащиеся могли автоматически записать их на свои видеомагнитофоны.

Новая медиареальность не возникла одномоментно, а складывалась стихийно и фрагментарно на протяжении последних десятилетий. Попытаюсь хронологически изложить несколько характерных эпизодов из моей практики за последние двадцать лет.

В 1988 г. в Москву прилетел мой американский приятель Ким Спенсер, чтобы обсудить возможности запуска очередного телевизионного моста между США и СССР. Новый проект назывался «Вместе к Марсу» и был более амбициозным (в телевизионном смысле) и более технологичным, чем все то, что мы делали до этого.

В то время советское телевидение динамично развивалось («Взгляд», «Пятое колесо», «До и после полуночи», «600 секунд», телемосты), а американское чувствовало признаки стагнации. Как писал тот же журнал «Time», телевидение начало «мигать». Это действительно было так, и президент ABC News Рун Арледж благодарил наше телевидение за телемосты, которые помогли повысить рейтинг их телекомпании.

В этой обстановке и был сделан первый шаг в новое медиапространство. Началось это с чемодана Кима Спенсера, который он привез к нам офис в Останкино. Спенсер вынул два красивых, но неизвестных мне тогда предмета. Один был размером с энциклопедический словарь – это был первый и тогда суперпопулярный американский *notebook*, то есть *блокнот*. Самый маленький компьютер в Останкино тех лет был размером со шкаф.

Второй предмет со встроенной телекамерой и маленьким черно-белым экраном походил на современный факс. Спенсер пояснил, что это первый аппарат для проведения видеоконференций. Его можно подключить к обычной телефонной сети, и, по желанию пользователя, распечатывать телевизионное изображение на термобумаге прямо с экрана. Это оборудование Спенсер и предложил параллельно использовать во время телемоста.

Первым делом мы соединили через телефон компьютеры в Москве и Нью-Йорке – прямо на моем рабочем столе. Это было настоящее чудо! В отличие от появившихся тогда факсов, на компьютерах можно было общаться в режиме *диалога*. Ты задавал вопрос – и *тут же* получал ответ!

Затем мы соединили аппараты видеоконференцсвязи через другую телефонную линию, и общение стало более привычным – к тому времени у нас на ЦТ СССР уже было конвейерное производство телемостов и картинкой из-за океана нас было трудно удивить. Единственное – и главное – отличие нового устройства было в том, что для передачи видеосигнала не нужны были два дорогостоящих спутника связи (у нас это называлось «двойной скачок» – сначала телесигнал из Москвы шел через наш спутник в Райстинг в ФРГ, там он поднимался на американский и уже через несколько секунд «приземлялся» в США; так же дело обстояло и с передачей телесигнала из Америки в Москву).

Если перевести наш первый опыт на понятный всем язык, то это означало, что в дополнение к стандартной телевизионной картинке у нас появилось еще два пути обмена информацией – текстовый и видео через новые коммуникационные каналы.

Поскольку решение руководства о проведении телемоста «Вместе к Марсу!» было уже принято, то мы в тот же день и приступи-

С.В. Ерофеев

ли к его подготовке. Принципиальная схема телемоста уже была понятна: мы соединяем телевизионными каналами павильон «Космос» на Выставке достижений народного хозяйства (теперь ВВЦ) в Москве и Лабораторию реактивного движения в Пасадене. Через эти традиционные телеканалы будут общаться космонавты и астронавты.

Затем мы соединим через телефонные сети компьютеры в СССР и США, и по ним начинают общаться друг с другом советские и американские ученые. И, наконец, мы соединим с помощью видеоконференцсвязи советских и американских специалистов, которые в прямом диалоге будут обсуждать проблемы полета к Марсу. Поскольку тогда не было технической возможности включать эти картинки в телевизионный сигнал, решено было поставить там еще по одной телекамере, которые будут показывать нам черно-белые мониторы видеосвязи.

По тем временам это был технически дерзкий план. Но возникли непредвиденные трудности. Началось с того, что в Москве нужно было найти локальную компьютерную сеть, которую можно было бы соединить с американской (до создания Интернета нужно было ждать еще 10 лет!). В результате мы использовали сеть Института ядерных исследований, в котором работал ведущий телемоста с нашей стороны – академик Евгений Велихов. Но не это оказалось самым трудным. Проблемы начались накануне проведения телемоста в павильоне «Космос», когда штатный телефонист ВДНХ наотрез отказался соединять телефонную сеть выставки с нашими устройствами. После многочасовых уговоров с большим трудом удалось уговорить его оставить мне инструментальный ящик и показать, где находятся телефонные розетки. При этом я поклялся написать, если понадобится, объяснительную записку, в которой всю вину за то, что может произойти, взять на себя. После этого телефонист исчез, а я начал разбирать розетки, которые были густо покрыты паутиной и пылью. Телевизионные инженеры деликатно устранились со сцены. Американские вилки, конечно же, не подходили к нашим розеткам. Самый страшный момент наступил, когда нужно было как-то соединить советские и американские провода – от этого зависела судьба телемоста. Через час-полтора каким-то чудом мне это удалось сделать – мой лоб был мокрым и в паутине, но я был счастлив – на экране видеотелефона я наконец увидел лицо Кима Спенсера.

Как ни странно, телемост получился почти таким, как мы и планировали. В прямом *телевизионном эфире* его вел академик Евгений Велихов, дискуссию космонавтов с астронавтами и специалистами в телевизионном эфире и по *видеосвязи* модерировал

космонавт Евгений Леонов, параллельно же шел, как мы сейчас бы сказали, *чат* ученых через компьютеры. В США *звуковой канал* телемоста также ретранслировался в эфир одной из местных радиостанций.

В итоге мы со Спенсером получили то, что задумали, – первый *параллельный* телемост. Мы не очень тогда понимали, зачем это нужно. Нами руководило желание сделать передачу более «интересной». Сейчас я бы назвал этот эксперимент первой неосознанной попыткой выхода за пределы *линейности* телевидения – видеосвязь и компьютерный чат (+ радио) как бы сыграли роль современных «гиперссылок», расширяющих объем передачи за счет переадресации на другие уровни. По существу, у нас было три телемоста.

Это был первый опыт, скорее эмоциональный, чем рациональный, который показал, что телевизионные пространство и время могут иметь какие-то новые «расширения».

В начале 90-х судьба подарила мне встречу с Акио Морита – основателем компании Sony. Встреча проходила в штаб-квартире компании в Токио. Сначала он повел нас по музею компании, а потом неожиданно решил показать то, что посетителям обычно не показывают, – несколько залов новейших разработок, в том числе из далекого будущего: уже тогда Sony видела новый мир исключительно цифровым. Все было построено на «цифре», в том числе телевизионная техника – и съемочная, и монтажная, и коммуникационная. Но больше всего поражала даже не эта футуристическая техника, а с виду обычный уличный таксофон, через который можно было передавать изображение, сделанное цифровой видеокамерой прямо с улицы в любую точку мира. Другими словами, любой репортер или любитель мог подсоединить свою видеокамеру к уличному телефонному аппарату и передать свой репортаж прямо на телестудию в прямом эфире. Если это случится когда-нибудь, подумал я, то телевидение станет *мобильным и глобальным*.

Я спросил Акио, почему на рынке нет до сих пор этих потрясающих изобретений. Он ответил, что еще не время – люди и рынок не готовы к таким быстрым и глобальным переменам. Накопленный нами потенциал подобен сжатой пружине – стоит ее отпустить, и мир начнет меняться с поразительной скоростью.

После этой встречи прошло немного времени, и пружина начала раскручиваться.

В 1996 г. Анатолий Григорьевич Лысенко предложил мне участвовать в создании еще одной телекомпании, на этот раз московской, которая со временем должна была стать всероссийской. К этому времени я уже начал собирать материалы из зарубежной про-

С.В. Ерофеев

фессиональной прессы, посвященные телевидению и Интернету, который только-только появился на свет. Я сразу же предложил Лысенко создать в новой телекомпании Интернет-центр, как в CNN. Анатолий Григорьевич поддержал эту идею.

Еще не началось телевизионное вещание «ТВ Центра», а у него уже был свой Интернет-центр. В это же время мэр Москвы Ю. Лужков объявил, что летом 1998 г. в Москве состоятся Всемирные юношеские олимпийские игры. Появилась идея впервые попробовать вести в Интернете телевизионные трансляции игр. Мы активно взялись за работу, и новый проект перешел в практическую стадию довольно быстро. Затрат практически не требовалось никаких. Мы договорились с американской IT-компанией Cisco, что они дадут нам бесплатно для эксперимента самый мощный сервер (в итоге они дали два, поскольку тоже заразились нашей идеей); «Ростелеком» выделил бесплатно российские и зарубежные интернет-каналы (компаниям нужен был интенсивный трафик); генеральный директор «ТВ Центра» Борис Вишняк разрешил использовать все спортивные трансляции компании. Оставалось немного – все это соединить вместе.

Накануне открытия игр было решено провести генеральную репетицию. Для трансляции выбрали концерт молодых исполнителей на Красной площади. Американские серверы для оцифровки аналогового телесигнала и передачи его в глобальную сеть установили в Интернет-центре, к ним подвели телевизионные провода. И тут все встало – повторилась ситуация на ВДНХ десятилетней давности. Телевизионные инженеры отказывались подсоединять телевизионные кабели к серверам, «потому что разъемы не такие», «интернетчики» боялись притронуться к телевизионным проводам. На моих глазах гибла красивая мечта. Пришлось вспомнить старый опыт: я попросил у инженеров отвертку, нож и пассатижи и начал колдовать с разъемами, штекерами и проводами. Когда часа через полтора на мониторе неожиданно появился телевизионный сигнал, я почувствовал себя Поповым и Маркони в одном лице – картинка с Красной площади шла в Интернете! Когда я около полуночи вернулся к себе в кабинет и включил компьютер, меня ждал еще один сюрприз – большое письмо из Австралии, в котором было больше восклицательных знаков, чем букв. Писала мать скрипачки, которая играла на Красной площади, – она случайно наткнулась на нашу трансляцию и была просто потрясена, когда на экране своего компьютера вдруг увидела свою дочь. Впервые в Австралии видели прямую трансляцию из Москвы. Неожиданно для нас телевидение стало *глобальным*.

Через две недели юношеские олимпийские игры закончились и надо было думать о настоящем и будущем. Первый эксперимент удался. Нужно было идти дальше. Вместо спортивных трансляций можно давать прямую ретрансляцию всех программ телеканала – за исключением тех, на которые у нас нет прав. Так появилась возможность составления своей интернет-программы передач, которая с каждой неделей все больше приобретала самобытность и самостоятельность.

В итоге месяца через полтора мы создали отдельный телеканал в Интернете, который назвали «Дайджест». Дайджест был составлен из «консервов», которые можно смотреть в любое удобное для телезрителя время и в любом порядке, можно смотреть с любого места, «прокручивать», останавливать и повторять. Другими словами, впервые появлялась возможность делать *нелинейное телевидение*, то есть телевидение, которое удобно телезрителю.

Следуя этим принципам, еще через месяц мы запустили информационный канал, составленный из выпусков новостей «ТВ Центра». Для телезрителя это было очень удобно – ты получал порцию новостей в то время и в том объеме, как тебе это было нужно. Знаю по себе, потому что на работе и дома стал сам смотреть новости через компьютер – неинтересные материалы пропускал, интересные часто просматривал еще раз, чтобы детально разобраться в материале.

Аудитория наших каналов росла не по дням, а по часам. Через три месяца нас смотрело 1,5 миллиона человек в 95 странах мира – и это безо всякой рекламы и PR-кампаний. Появилась возможность непрерывно изучать нашу аудиторию. «Ростелеком» открыл нам свой канал измерения посещаемости, и мы знали то, что недоступно в обычных телевизионных рейтингах. Например, что у нас ежемесячно было более 10000 посещений из Вооруженных сил США. Самым приятным сюрпризом было то, что наша основная телевизионная аудитория – из России!

Новая телевизионная реальность манила неизведанными возможностями. Мы уже стали понимать, что она чем-то неуловимо отличается от классического телевидения. Когда я начал для себя формулировать основные отличия, то пришел к следующим выводам:

– нелинейная тележурналистика в отличие от классической *глобальна* – используя Интернет, она доступна в любой точке планеты, где есть подключение к глобальной сети;

– материалы нелинейной журналистики *доступны телезрителям в любое время*;

С.В. Ерофеев

– *их удобнее смотреть* – можно перематывать, останавливать, замедлять, повторять;

– *их можно комбинировать* в любом удобном для программирования порядке и *давать в любом объеме* – мечта любого программного директора;

– и, наконец, можно следить онлайн, как «дышит» твоя *аудитория*, а не ждать, когда социологи пришлют тебе итоги «телесмотра» на прошлой неделе.

Эстетика интернет-телевидения также значительно отличается от эстетики телевидения классического. Прежде всего это касается крупности планов. Интернет не любит общих планов – на экране монитора они почему-то плохо воспринимаются. Даже если у вас качество DVD. Видимо, на это влияет разная удаленность зрителя от изображения на мониторе и телевизоре. Во-вторых, компьютер не любит панорам и отъездов-наездов – очевидно, что дело не в техническом «торможении» картинки, а в скорости ее восприятия на мониторе: для телезрителя в Интернете время течет быстрее. В-третьих, обычные телевизионные интервью или репортажи в 1,5 минуты кажутся ужасно затянутыми, если смотреть их на мониторе.

Подготавливая специальные материалы, необходимо учитывать специфику *нелинейного* телевидения: того телевидения, которое всегда под рукой (on demand!), материалы которого можно сократить, повторить, поставить на «паузу», расширять до бесконечности. Новая эстетика также диктует свои законы и правила, которые еще ждут своих исследователей.

Наш эксперимент не остался незамеченным. Первыми откликнулись немцы – они предложили любые инвестиции в наш проект, предполагая получить за каждую вложенную в нас немецкую марку минимум десять. Потом с таким же предложением приехали американцы. В России начались переговоры с РБК.

Особый интерес был к проекту «Народное телевидение», которое должно было делаться силами любителей. К сожалению, эксперимент оказался незаконченным, поскольку в «ТВ Центр» пришла новая команда, у которой были свои цели и задачи.

В итоге эксперимент через семь лет продолжили по ту сторону Атлантики – в мае 2005 г. был запущен проект YouTube, о котором сейчас знают не только практически все профессионалы телевидения, но и телезрители. Вот что пишет об этом проекте интернет-энциклопедия: «YouTube (русск. ТЫлевизор, название обыгрывает жаргонное boob tube “телик”, “ящик”) – сервис, предоставляющий услуги хостинга видеоматериалов. Пользователи могут добавлять, просматривать и комментировать те или иные видеозаписи. Благо-

даря простоте и удобству использования, YouTube стал популярнейшим видеохостингом и третьим сайтом в мире по количеству посетителей. На сайте представлены как профессионально снятые фильмы и клипы, так и любительские видеозаписи, включая видеоблоги».

Два года назад YouTube продали за 1,6 миллиарда долларов компании Google. Теперь я понимаю, насколько правы были немцы и американцы в далеком 1998 г.

В новой телекомпании «ТВ Дайджест» был создан сайт www.tv-digest.ru. За семь лет на этом ресурсе опубликовано 29 000 материалов, которые дают достаточно полную картину того, что происходит с медиаиндустрией у нас и за рубежом.

Один материал из дайджеста я хотел бы привести здесь без комментариев. Он опубликован немецкой телерадиокомпанией Deutsche Welle совсем недавно – 7 марта 2009 г.

КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ НЕМЕЦ СЛУШАЕТ РАДИО И СМОТРИТ ТЕЛЕВИДЕНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ

Возможности «всемирной паутины» для просмотра телепередач и приема радиопрограмм все чаще используются в Германии. Радио и телевидение в интернете особенно популярно среди молодежи и взрослых мужчин.

Согласно данным Федерального статистического ведомства Германии, все больше немцев смотрят телевидение и слушают радио в интернете. При этом популярность радио и телевидения в режиме онлайн в значительной степени зависит от возраста и пола.

В первом квартале 2008 года 14,2 миллиона жителей Германии слушали радио и смотрели телевидение через Интернет, что на 38 процентов больше, чем за соответствующий период 2007 года, сообщило немецкое информационное агентство dra со ссылкой на статистическое ведомство. Таким образом, 19 процентов жителей старше 10 лет использовали всемирную сеть для приема радио и просмотра телепрограмм. По данным за первые 3 месяца 2007 года этот показатель составлял 14 процентов.

Радио и телевидение в режиме онлайн пользуются особой популярностью среди молодежи. Эту возможность используют более 39 процентов молодых людей от 16 до 24 лет, а также 24 процента детей и подростков от 10 до 15 лет. Среди граждан от 25 до 44 лет доля использующих Интернет для приема радио- и телепрограмм составила 28 процентов. Среди представителей старшего поколения этот показатель гораздо ниже: 13 процентов людей от 45 до 64 лет и лишь 3 процента 65-летних и старше.

С.В. Ерофеев

Примечательно, что интерес к радио и телевидению в Интернете зависит от пола. В среднем в первом квартале 2008 года 26 процентов мужчин слушали радио и смотрели телевидение в Интернете. Женщин, прибегающих к этой возможности, было вдвое меньше – 13 процентов, сообщает информационное агентство⁴.

Примечания

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. С. 18.

² Архив автора.

³ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. С. 271.

⁴ Каждый пятый немец слушает радио и смотрит телевидение в интернете [Электронный ресурс] // Твдайджест. Новости аудиовизуальных СМИ. [Б. м., 2009]. URL: http://www.tv-digest.ru/showlink.php?link=http%3A%2F%2Fwww.dw-world.de%2Fpopups%2Fpopup_printcontent%2F0%2C%2C4069204%2C00.html

Библиография

А.С. Зайцева

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: HAFEZ K.
MYTHOS GLOBALISIERUNG: WARUM MEDIEN
NICHT GRENZENLOS SIND. WIESBADEN: VERL.
FÜR SOCIALWISSENSCHAFT, 2005. 252 s.

Хафец Кай. Миф о глобализации.
Почему медиа не безграничны». Висбаден

Кай Хафец – один из наиболее известных в современной Германии исследователей, занимающихся проблемами теории коммуникации, медиакультуры и медиасистем. Являясь с 2003 г. профессором Эрфуртского университета, он не только преподает на факультетах журналистики, социологии и политологии, но и регулярно публикует свои работы, среди них – «Евреи и мусульмане Германии» (1999), «“Священная война” против Запада: представление исламизма и насилия в немецкой прессе» (1999), «Запад и ислам в средствах массовой информации» (2000), «Будущее международной науки о коммуникации в Германии» (2002), «Этика средств массовой информации и диалог культур» (2003) и многие другие.

Книга «Миф о глобализации. Почему медиа не безграничны»¹ увидела свет в 2005 г. В ней автор касается ряда важнейших сторон: понятия глобализации; взаимоотношений Востока и Запада, индустриальных и развивающихся стран; проблемы культурной ассимиляции иммигрантов посредством СМИ; особенностей функционирования современных СМИ, а также информационных потоков в период последних войн. Материалом для анализа этих проблем становится широкий пласт средств массовой информации – преимущественно телевидение, радио и Интернет. Глобализация, о которой постоянно твердят политики, по мнению Хафеца, является на сегодняшний день лишь мифом – это, безусловно, основополагающий тезис исследования.

Глобализация в мире медиа означает, что «духовно-коммуникативная сила продуктивности людей не останавливается на географических, культурных или национальных границах, но становится доступной с точки зрения универсальности и глобальности. Для

А.С. Зайцева

этого необходимы новые формы межличностной и массовой коммуникации, которые могли бы преодолеть границы» [С. 9]. Глобализация в широком смысле воплотилась в глобальной американской культуре («Мак-мир») и глобальном ближневосточном противостоянии («Мак-джихад»), и это лишь один из ее этапов. В идеале глобализация должна проявиться во всемирном сообществе, в котором все культуры и народы равны, реализоваться в «глобальном дискурсе». Но в реальности этого не происходит, хотя средства массовой и межличностной коммуникации уже несколько десятилетий назад вышли за границы государств. Исследование этих процессов – основная задача, которую ставит Кай Хафец во введении.

В теории глобальная массовая коммуникация должна основываться на трех явлениях: системных связях, системных изменениях и системной взаимозависимости. Понятие «системные связи» тесно соприкасается с понятием «коннективность», представляющей собой «объем, скорость и интенсивность международного или межкультурного обмена информацией» [С. 19]. Коннективность – это, с одной стороны, прямой доступ индивидуума к информации других стран/культур и, с другой стороны, доступ к такой информации через журналистов. Для этого необходимы такие параметры, как многообразие медиатехники, умение пользоваться ею, а также языковая и культурная компетенция самого пользователя или, что более важно, журналиста. Сами СМИ, заинтересованные стать «глобальными игроками», обязаны ориентироваться не столько на интернациональную или интеркультурную коммуникацию, сколько на транснациональную и транскультурную. Широко известный пример подобного «глобального игрока» – CNN, однако в последнее время эта корпорация все более и более стремится к тому, чтобы ее новостные программы представляли собой децентрализованный вариант программ американского телевидения в целом.

«Системные изменения» выражаются в трех процессах: принятии других культур, создании смешанной, «глокализированной»² культуры и возрождении традиционных и локальных культур как реакции на процесс глобализации. Большая роль в этих изменениях принадлежит сети Интернет и спутниковому телевидению, которые создают «глобальную публичную сферу». Немаловажную роль в этом процессе в свое время сыграли и радиостанции, вещавшие на другие страны. Результатом «системных изменений» должно стать создание глобальной публичности, глобального цивилизованного общества и мировой медиасистемы.

«Системная взаимозависимость» отражает взаимоотношения политических, экономических, социальных систем и СМИ. «Во взаимозависимой глобальной системе происходит изменение автоном-

ных национальных систем в частично автономные субсистемы одной глобальной макросистемы» [С. 36]. Таким образом, для того чтобы информация стала по-настоящему глобальной, необходимо своеобразное срастание национальных СМИ и, как следующий шаг, их встраивание в глобальную медиасистему. При этом СМИ разных уровней не подчиняются друг другу полностью, но обмениваются информацией и создают единое поле, отражающее политическое, культурное, социальное и экономическое многообразие как целое.

Во второй главе К. Хафец касается проблемы иностранной корреспонденции. Под этим термином «понимается содержание... медийной корреспонденции о положении дел в той или иной стране за границей» [С. 39]. Основным препятствием для получения жителями зарубежных стран полной картины того, что происходит в том или ином государстве, является отсутствие непосредственного опыта. Причиной этого Хафецу представляется то, что «средства массовой информации по сути своей не ориентируются на “мировую систему”, но концентрируются на национальных рынках, чьи интересы и стереотипы в основном и репродуцируют» [С. 41]. Хотя сторонники глобализации постоянно говорят о том, что она должна стать доминирующей силой для изменения существующей системы массовой информации, этого не происходит, поскольку правительство каждой страны ориентируется в первую очередь на национальные интересы.

Прикрываясь идеями глобализации, развитые страны стараются выйти на рынки развивающихся стран в сфере СМИ и оказывать влияние на население. При этом страны Запада, по сути, мало интересуются проблемами и культурой развивающихся государств. Сегодня в отборе новостных потоков из-за рубежа (преимущественно в крупных индустриальных странах) преобладают следующие принципы: региональность (и ориентация на централизм), обзор конфликтных перспектив, политический центризм, элитарный центризм, деконтекстуализация и отсутствие отражения структурных проблем международных отношений. Автор приводит исследование медиааналитиков группы «Medien Tero», которые ясно указывают на то, что с 2000 по 2002 г. негативная информация о зарубежных событиях в США приблизилась к 50%. В Великобритании она превысила 30%, в Германии же осталась на уровне около 20%. Это свидетельствует о том, что события 11 сентября оказались переломными не только в политической сфере, но и в сфере СМИ.

Следующим этапом, повлиявшим на СМИ, стала война в Ираке 2003 г.: «общественное мнение в Великобритании сильнее противостояло войне, чем в США, но менее критически, чем в остальных странах Европы (за исключением, пожалуй, Польши)» [С. 72].

США в информационной сфере, отмечает К. Хафец, повели себя как любая авторитарная пропагандистская страна, а ООН оказалась бессильной что-либо предпринять. Это несложно проследить на примере информационной политики CNN, которая действовала по правилу: «в жизненно важных вопросах национальной внешней политики ... СМИ *следуют*, а не *ведут*» [С. 79]. Даже медиахолдинг с мировым именем, который приводят в качестве примера высококачественной и объективной работы с новостями, не смог противостоять искушению транслировать на весь мир «ура-патриотические» лозунги американского правительства. При этом комментарии и резолюции ООН практически не появлялись в СМИ ни в Европе, ни в США. Очевидно, что на первый план все решительнее выдвигается политическая составляющая, а об объективном отражении других культур в СМИ говорить можно лишь в перспективе.

«Главная утопия глобализации говорит о том, что этноцентризм национальной журналистики, занимающейся зарубежными событиями, может быть преодолен посредством прямого доступа к спутниковому телевидению», – так начинает К. Хафец третью главу, посвященную спутниковому телевидению [С. 81]. Однако зарубежные телеканалы (наряду с радиостанциями), транслируемые через спутник, до сих пор остаются маловостребованным источником информации. Для этого есть ряд причин: во-первых, спутниковое телевидение доступно для восприятия лишь теми, кто владеет языком той страны, откуда идет вещание канала (то есть в основном элите); во-вторых, спутниковое телевидение многих стран рассчитано в большей степени на самопрезентацию, чем на создание объективной картины событий; в-третьих, в телевещании явны отдельные центры, которые становятся доминирующими в своем регионе, отбирая зрителя у зарубежных каналов. Например, «анализ новостей немецких телеканалов ARD, ZDF, RTL и Sat.1 показывает, что только в трети материалов, касающихся исламского мира, присутствуют репрезентанты исламских стран, а в подавляющей части – люди с Запада, что подтверждает значимость такого фактора, как “евроцентризм” или “самоцентризм”» [С. 95].

«Самоцентризм» еще ярче проявляется в телевизионных новостях Великобритании и США. Поэтому каждый регион мира – Азия, Африка, Латинская Америка или Ближний Восток – стремится оградиться от западноевропейской и американской политической риторики посредством развития собственных СМИ. Таким образом, исследователи получают полное право рассматривать современную ступень развития телевидения как этап «регионализации». Ярким примером регионализации телевидения может служить созданный в 1996 г. телеканал «Аль-Джазира», который сего-

дня стал главным оппонентом американских телеканалов в арабских странах и во всем мире. Особенность этого телеканала состоит в том, что он не только концентрируется на внутриполитических вопросах арабских стран, но и дает другую «картинку» международных событий. «Телеканал открыл арабской массовой аудитории не только западную новостную эстетику, но также плюралистическое и частично противоположное авторитарному пониманию СМИ как “четвертой власти” в арабских странах. Также он показал, наряду с другими недавно основанными телеканалами, иной путь движения телеканала, вне пути, проторенного крупными американскими и западноевропейскими поставщиками новостей, в том числе такими доминирующими телеканалами, как CNN или ВВС, или значимыми новостными агентствами» [С. 112].

Немного иначе обстоит дело с культурным импортом и экспортом: кино, музыки и литературы. Однако и здесь наблюдается некая односторонность: гегемоном в массовой глобальной культуре остаются США. «Процесс глобализации, в данном случае ограниченный американским экспортом развлекательной культуры, явно не игра с нулевой суммой, в которой победа одного (США) означает равнозначное поражение других (остального мира)» [С. 124]. Сильная сторона американской массовой культуры состоит в том, что «экспортные» варианты ее продукции ориентируются на универсальные ценности более, чем на политические, однако она не учитывает национальной самобытности разных стран и их культурного уровня. Например, в сфере классической музыки и изобразительного искусства США далеко не являются гегемоном. Но американский экспорт и не стремится к высококультурным произведениям, поскольку массовые фильмы и популярная музыка приносят гораздо больший доход. В мире традиционных цивилизаций распространение массовой американской культуры служит стимулом не для ее принятия, но для модернизации своей собственной [ср.: с. 132].

Сеть Интернет – еще одна из важнейших сфер для исследования процессов глобализации. К. Хафец отмечает, что «при помощи Интернета национальные и региональные связи усилились больше, чем международные...» [С. 135]. Это связано прежде всего с тем, что английский язык вытесняется другими языками, а в результате коммуникация между носителями одного языка и культуры преобладает над межкультурной. Интернету ученый приписывает ведущую роль в процессе наступления «третьей волны демократизации»: в Сети оппозиционные силы из разных стран могут, привлекая внимание как международных организаций, так и сограждан, безбоязненно публиковать информацию, которая вряд ли имеет шанс появиться в традиционных СМИ. Однако, учитывая низкую

А.С. Зайцева

компьютерную грамотность в большинстве авторитарных стран, видеокассеты, листовки и радиопередачи остаются там самыми эффективными средствами борьбы.

Несмотря на мультилингвальную коммуникацию в Сети, ее широкую распространенность, постоянный рост, отсутствие авторитарности и меньшую коммерциализацию, чем другие СМИ, Интернет как поле для массовой информации имеет ряд недостатков: для доступа к информации аудитория должна обладать техническими навыками, владеть иностранным языком (многие СМИ в Интернете представляют информацию на родном языке и на английском – для ее получения необходимо знание хотя бы английского), к тому же достоверность информации, появляющейся в Сети, зачастую сомнительна.

Интернет порождает и серьезную проблему «цифровой канавы» между развивающимися и развитыми странами: тотальная бедность стран третьего мира приводит к тому, что в них очень велик процент неграмотных, нет телекоммуникационной инфраструктуры, нет рабочих мест такого уровня, которые требовали бы знания современных технологий, да и персональный компьютер с программным обеспечением для многих – недоступная роскошь. В глобальном масштабе распространение Интернета интенсивно происходит лишь в развитых странах, а развивающиеся с каждым годом отстают от них и будут отставать все больше и больше.

Развитие радио в аспекте зарубежного вещания – одна из тем, которую К. Хафец также затрагивает в своей книге, посвящая ей обширную главу. Он утверждает: «Зарубежное радио берет на себя большие задачи глобализации в сфере миграции, разрешении кризисов и создании транснациональной открытости» [С. 159]. Сегодня в развитии радио можно наблюдать две противоположные тенденции. С одной стороны, возрождаются зарубежные радиостанции, сыгравшие немалую роль в период «холодной войны»; они снова берут на себя функцию продвижения демократических процессов за рубежом. С другой стороны, эти радиостанции стремятся стать более понятными аудитории своих стран, открывая программы на тех языках, на которых говорит их население, и принимая во внимание местное культурное своеобразие. В современной системе СМИ они, наряду с репрезентацией своих стран, призваны выполнять компенсаторные функции, помогать поддерживать диалог между противниками и разрешать конфликтные ситуации. Плюсом этих радиостанций, по сравнению с телевидением, прессой и национальным радио, является их наименьшая коммерциализация: государства выделяют на их поддержку небольшие средства, тем самым лишаясь права диктовать свою доктрину. Помимо этого, такие

радиостанции полностью отказываются от рекламы, то есть они мало подвержены давлению как правительств, так и крупных коммерческих организаций. Но война в Ираке показала, что зарубежные радиостанции не смогли справиться со своей задачей и организовать диалог. Это свидетельствует о том, что в современном мире они не смогут выжить без кардинальных изменений структуры, качества и направленности сообщений.

Медиа не только выполняют информационную функцию, но и способствуют формированию отношения людей друг к другу, к представителям иных национальностей, этносов и культур. Особенно актуальна проблема репрезентации «других» в привлекательных для иммигрантов странах. В этом вопросе К. Хафец ориентируется на Германию, которая в 80-е гг. XX в. пережила мощную волну турецкой иммиграции, а позднее иммиграцию из республик бывшего СССР. Эти изменения не могли не повлиять на СМИ. «Средства массовой информации, считают одни, могут способствовать интеграции путем создания нового окружения и, таким образом, стать неотъемлемой частью культурных изменений и культурной ассимиляции; но они могут также, считают другие, помешать интеграции, спровоцировать дезинтеграцию и “этнизацию” общества» [С. 174]. Иммигранты привозят с собой, как правило, и свою культуру, которая, синтезируясь с культурой страны, в которой они живут, создает «третью культуру». То, насколько она будет гармоничной и непротиворечивой, зависит от СМИ. «Без использования средств массовой информации принимающей страны сложно ориентироваться в культурном дискурсе» [С. 176]. Благодаря тому, что СМИ других стран практически беспрепятственно проникают в Европу, иммигранты сами делают выбор, СМИ какой страны читать, смотреть или слушать. Наряду с положительными результатами этого процесса – созданием бикультурных, транскультурных или ассимилированных сообществ – возможны и негативные последствия: полное отвержение национальными группами сначала СМИ второй родины, потом ее культуры, что влечет за собой обострение межэтнических конфликтов, усиление расизма и национализма. Избежать подобных последствий СМИ могут путем снятия напряженности в сообщениях, касающихся как внутриполитических, так и внешнеполитических событий.

Последняя глава книги К. Хафеца посвящена границам транснационализации медиакорпораций. Основной мыслью ее является то, что «в эру глобализации медиаполитика и медиаправо остаются в руках национальных государств, не считая некоторых исключений там, где национальные государства угрожают глобальным капиталистическим интересам» [С. 196], то есть идут вразрез с основными договорами международных организаций, таких как ВТО.

А.С. Зайцева

«Европейские и американские медиарынки показывают рост антиглобалистических тенденций, в то время как близится или даже предрешается освобождение рынка в странах Азии, Африки и Латинской Америки посредством договоров ВТО и ГАТТ³» [С. 211]. В современной ситуации глобализация остается лишь ширмой, которая прикрывает стремление крупных корпораций получить свою долю в прибыльном медиабизнесе. Нежелание государств терять влияние приводит к еще большему контролю за всей системой СМИ, а национальный и региональный капитал лоббирует протекционистские законы, защищая свою долю медиабизнеса от посягательств со стороны крупных международных игроков.

Итак, глобализация является своего рода необходимым мифом, поддерживаемым индустриальными странами Европы и Америки. Как только речь заходит о национальных интересах данных стран, показное стремление к открытости культур и финансовых потоков трансформируется в непререкаемую поддержку национальных интересов, причем главную роль в этом процессе играют СМИ. Эти тенденции выявились в ходе событий последнего десятилетия: 11 сентября, войн в Афганистане и Ираке. «Остается только апеллировать к тому, что грандиозная утопия станет сильнее, благодаря трезвому и лишенному предрассудков анализу» [С. 229].

Книга К. Хафеца, в которой поднимаются социальные, политические, культурные проблемы глобализации СМИ, – одна из самых интересных и глубоких зарубежных работ последних лет в области теории коммуникации. Она, несомненно, вызовет интерес не только у студентов и преподавателей факультетов журналистики, но и у всех, кто интересуется вопросами СМИ и мировой политики – политологов, социологов и историков.

Примечания

- ¹ Mythos Globalisierung. Warum die Medien nicht grenzenlos sind / Hafez, Kai. Wiesbaden: VS, Verl. für Sozialwissenschaft, 2005. 1. Aufl.
- ² «Глокализированный» – неологизм, получившийся в результате соединения понятий «локальный» и «глобальный». Он отражает процесс развития СМИ, который можно наблюдать сегодня: с одной стороны, создаются телеканалы, рассчитанные на сравнительно небольшие области, которые вещают на мало распространенных языках, с другой стороны, международные события все чаще освещаются не только крупными телекомпаниями, но и ретранслируются местными. Этот процесс рассматривается как ступень к глобальной «суперкультуре». Ср.: с. 26–27.
- ³ ГАТТ (GATT) – General Agreement on Tariffs and Trade. (Генеральное соглашение по тарифам и торговле).

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ЭДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ» В ИНСТИТУТЕ МАССМЕДИА РГГУ (23–25 июня 2008 г.)

Классическая область применения текстологии – средневековая литература. А.В. Каравашкин (РГГУ), анализируя так называемые дидактические редакции нескольких агиографических сочинений, связал их появление не с установкой на риторическое украшательство, но с манифестацией «перестраховочного» желания книжников комментировать, пересказывать словесный образ.

Далее следовал блок докладов, посвященных литературным текстам и историческим документам первой трети XIX в. М.П. Одесский (РГГУ) предложил исторический комментарий к трагедии Ф.Н. Глинки «Вельзен, или Освобожденная Голландия». Д.П. Ивинский (МГУ им. М.В. Ломоносова) пересмотрел традиционные представления об атрибуции стихотворения «Любви, надежды, тихой славы...». Он аргументировано изложил новое понимание датировки, адресата и, самое поразительное, – автора этого хрестоматийного текста. Иерусалимский филолог М.Я. Вайскопф ввел в научный оборот литературное сочинение, которое функционировало в качестве важного подтекста произведений зрелого и позднего Н.В. Гоголя. Это – повесть Н. Коваленского (1841 г.), в которой изображен визит к простоватому украинскому помещику некоего юноши, принятого доверчивым хозяином за великого земляка-сатирика – автора «Ревизора». О.И. Киянская (РГГУ), уточняя исторический комментарий к «Запискам» декабриста И.И. Горбачевского, выявила «мифологический» компонент картины восстания Черниговского полка, нарисованной в этом мемуарном источнике. Привлекая новые сведения, исследователь показал, что знаменитое восстание – в противоположность утверждениям Горбачевского – никак не опиралось на поддержку местного населения, которое летом 1825 г. пострадало от карательных операций, осуществленных силами черниговцев. А.Г. Готовцева (РГГУ), комментируя следственные материалы по делу декабристов, восстановила тщательно скрываемый проект «окончательного решения» судьбы Романовых. По-видимо-

му, руководители Северного общества планировали вывезти императорскую фамилию в отдаленные колонии на американском континенте, что впоследствии – после подавления восстания – никто не был заинтересован открывать. Профессор Иерусалимского университета Е.Д. Толстая расширила поэтологический комментарий к литературному памятнику эпохальным событиям первой четверти XIX в. – роману «Война и мир». На примере двух первых книг романа она демонстрировала необходимость скрупулезного изучения словесных лейтмотивов, обусловленных тайной стратегией суггестивной технологии Льва Толстого.

Второй блок объединил доклады об авторах Серебряного века. И.Б. Делекторская (Москва, Музей Андрея Белого) анализировала многолетние попытки Андрея Белого создать новую редакцию сборника «Золото в лазури». Докладчик считает, что все эти попытки были таинственно обречены на неудачу и закономерно реализовывали фатальную схему: (1) редактирование текста – (2) утрата рукописи, содержащей исправленный вариант – (3) неожиданное удовлетворение автора, который так и не завершил сомнительный проект тотального редактирования своей дебютной поэтической книги. Е.А. Абакумова (РГГУ) сравнила варианты стихотворения О.Э. Мандельштама «Царское село» (сборник «Камень»): классифицируя различия, она разделила случаи «имманентного» редактирования, ориентированного на исправление фактических неточностей («улары» вместо «гусар», «здравия» вместо «ура»), и политическую автоцензуру (исключение стихотворения – по причине «старорежимности» локуса и бытовых подробностей – из советских переизданий сборника).

В докладах О.А. Лекманова, М.Л. Спивак и Е.В. Наседкиной открывается, как в особенностях текстологии произведений авторов Серебряного века отразились новые «вызовы»: в советском обществе эти писатели были вынуждены вести изощренную борьбу/диалог с цензурой и господствующей тотальной идеологией. О.А. Лекманов (МГУ им. М.В. Ломоносова) суммировал опыт комментирующего вписывания лирики Мандельштама 1930-х гг. в контекст официальной прессы, приведя многочисленные примеры и поделившись теоретическими затруднениями. Так, по мнению докладчика, при анализе газетного контекста требуется различать, с одной стороны, прямое заимствование некоторых фактов и, с другой – общую реконструкцию информационного фона биографии и творчества поэта. Это связано со спецификой функционирования прессы в тоталитарном социуме, где она не столько носитель «массовой информации», сколько инструмент пропагандистской обработки и прессинга. М.Л. Спивак (Музей Андрея Белого), комментируя не-

домолвки в мемуарах С.М. Алянского – руководителя издательства «Алконост», обратилась к истории этого последнего издательского проекта русского символизма. Докладчик уделил особое внимание издательской марке (художник Юрий Анненков): райская птица Алконост должна была напомнить читателю о двух других фантастических птицах – Сирине (название авторитетного предреволюционного символистского издательства) и Гамаюне, вестнике несчастий, аллюзия на которую манифестирует враждебное отношение издательства к новой власти. Е.В. Наседкина (Музей Андрея Белого) применила традиционные методы текстологии литературного текста к тексту живописному: тщательная реконструкция сюжета малоизвестной картины К. Петрова-Водкина, на которой изображены современные писатели в обществе Пушкина (1930-е; полотно находится в США), позволяет осмыслить и объяснить ряд набросков художника, а также его идейные искания в условиях растущего нормирования советского искусства.

Профессор Белградского университета К. Ичин открыла заседание секции русского авангарда. Основываясь на посвящении поэтического сборника И. Аксенова «Неуважительные основания» А. Экстер, она показала, что посвящение – своего рода «код» комментария: полотна знаменитой художницы объясняют трудные строки сборника. В докладе Е.В. Яворской (Украина, Одесса) был подытожен опыт издания рукописного наследия раннего С. Кирсанова, в ту пору начинающего футуриста-одессита. Д.М. Фельдман (РГГУ) представил комментарий к тексту, одновременно литературному и политическому, – пресловутой антиесенинской статье Н.И. Бухарина «Злые заметки». Докладчик демонстрировал, что в статье, содержащей обвинения Есенина в «хулиганстве», выразилась не столько литературная позиция политика-критика, сколько его стремление контратаковать левых оппозиционеров: если раньше «левый» журналист Л. Сосновский, так же обвиняя Есенина в «хулиганстве», тем самым связывал его с русским национализмом, то теперь «правый» Бухарин повторил обвинение с обратным смыслом, объяснив «хулиганство» покойного поэта его контактами с литераторами-троцкистами.

Два доклада демонстрировали «сенсационный» характер текстологии. Л.Ф. Кацис, исходя из исторических фактов, которые упомянуты в так называемом «Раннем дневнике» М.М. Пришвина, предположил, что это не столько дневник, сколько материалы для автобиографической книги. З. Бар-Селла (Израиль, Иерусалим) подверг критическому разбору беловую рукопись «Тихого Дона», ставшую наконец доступной исследователям. Докладчик привел аргументы в пользу того, что рукопись была некогда предназна-

на не для журнала «Октябрь» (который публиковал роман), а для комиссии, разбиравшей обвинение М.А. Шолохова в плагиате.

А.Л. Юрганов (РГГУ) представил неизвестный архивный документ, удивительным образом иллюстрировавший настроения, с которыми советские писатели приняли карательное послевоенное выступление А.А. Жданова о журналах. Разумеется, абсолютное большинство льстило и восхищалось, но показательно, что литератор М. Криницкий (начавший путь до революции, приятель В.Я. Брюсова) отважился адресовать самому всеильному докладчику записку, в которой ставил под сомнение его компетентность и отказывал в праве обсуждать вопросы культуры. М. Заламбани (Италия, Болонский университет) восстановила первоначальный вид романа Ф.А. Искандера «Сандро из Чегема», который при первой публикации (журнал «Новый мир», 1973 г.) был изуродован цензурой. Итальянский славист, опираясь на личные свидетельства писателя, указала, что эмигрантское издание романа («Ann Arbor») было осуществлено на основе именно того текста, который был в распоряжении редакции «Нового мира», а потому сопоставление двух изданий (журнального и «тамиздатского») окажется надежным способом для установления цензурных купюр и исправлений.

Конференцию завершил теоретический доклад профессора токийского университета С. Мурата. Японский славист классифицировал текстологические трудности, возникающие при анализе драматического текста, структура которого принципиально не исчерпывается словесной составляющей.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВАСИЛИЙ ГРОССМАН: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ИДЕОЛОГИИ И ИЗВЕЧНЫХ ВОПРОСОВ»
В ИТАЛИИ (Турин, 19–21 февраля 2009 г.).

Творчество В.С. Гроссмана, как известно, вызывало и вызывает интерес многих исследователей как на родине писателя, так и за ее пределами. Но, бесспорно, в Италии ему уделяется особое внимание.

Так, в 2005 г. при Культурном центре П.Д. Фрассати был основан научно-исследовательский центр «Жизнь и судьба», поставивший задачу изучения и пропаганды гроссмановского наследия. В 2006 г. сотрудники центра провели первую международную конференцию. Конференция 2009 г. стала второй.

Проблемы, обсуждавшиеся на конференции, можно разделить на три блока: роль Гроссмана в советском литературном процессе; художественное своеобразие творчества Гроссмана; философские аспекты изучения гроссмановского наследия.

Очерк Гроссмана «Добро вам!» анализировал А. Феррари (Университет Венеции). По мнению исследователя, Гроссман описывал не просто особенности жизни и быта армян, но также воссоздал историю дискриминации этого народа.

В. Страда (Университет Венеции) рассматривал особенности употребления термина «патриотизм» в военных очерках Гроссмана и его дилогии «Жизнь и судьба». Актуальность темы, как подчеркнул докладчик, обусловлена еще и тем, что Гроссману в 1980-е гг. неоднократно инкриминировали так называемую «русофобию». Однако результаты анализа показывают, что Гроссману были абсолютно чужды какие бы то ни было проявления национализма.

Рассказ «Сикстинская мадонна» анализировали Д. Гарард и К. Гарард (Университет Аризоны, Таксон). Соотнося символику картины Рафаэля и гроссмановского текста, исследователи подчеркнули, что Рафаэль создал картину об обещании Бога никогда не оставлять человека, и к этой же теме обратился Гроссман. Таким образом, текст «сливается» с картиной.

Традициям русской классики в творчестве Гроссмана был посвящен доклад А. Береловича (историк, литературный критик).

Э. Маццола (РГГУ) анализировала биографический контекст рассказов «Обвал», «Собака», «В большом кольце».

К истории публикации гроссмановской дилогии «Жизнь и судьба» обратился Д.М. Фельдман (РГГУ). Ученый исследовал политический контекст, связанный с конфликтами руководства Союза писателей и Отдела агитации и пропаганды ЦК компартии.

Проблемы критической рецепции рассказа «В городе Бердичеве» были рассмотрены в докладе Ю.Г. Бит-Юнана (РГГУ). По мнению докладчика, Гроссман сознательно противопоставил правду идеологии правде человека. Это было «на грани дозволенного», поэтому критики сочли нужным уклониться от подробного анализа рассказа.

К специфике языка гроссмановской прозы обратилась А. Бонола (Католический университет Милана). По мнению исследователя, Гроссман во главу угла ставит принцип правдоподобия. Именно подражание действительности делает язык Гроссмана очень богатым.

О повести «Все течет», ее месте и роли в творчестве Гроссмана рассуждал поэт и переводчик из Лондона Р. Чандлер. Он также рассказал о специфике перевода на английский язык романа «Жизнь и судьба».

Д. Маддалена (Университет Молизе) анализировал основополагающую, по его мнению, философскую категорию позднего творчества Гроссмана – свободу. Докладчик предложил выделять четыре типа свободы: 1) свобода политическая как независимость перед угрозой вторжения нацистской армии; 2) свобода человека как имманентная возможность, данность, что подразумевает также свободу слова и мысли; 3) свобода как соприкосновение с истиной, возможность принять реальность, независимо от того, красива она или ужасна; 4) свобода как соприкосновение с естеством в целом. Только ощутив свободу четвертого типа, человек начинает осознавать себя тем уровнем природы, на котором она начинает ставить перед собой вопросы обо всем, чем сама является, в том числе о своей истории – истории человека.

Э. Грейбош (Государственный университет Калифорнии) утверждал, что Гроссман полемизирует с романтической традицией осмысления природы: в романе «Жизнь и судьба» природа отравлена тоталитарными режимами Гитлера и Сталина.

Роль природы в позднем творчестве Гроссмана анализировал также П. Тоско (Университет Вероны). Человек у Гроссмана, под черкнул исследователь, видит в природе часть себя, поэтому при-

рода так притягательна для многих героев романа «Жизнь и судьба». Но Гроссман не ставит природу выше человека. Человек – тот уровень естества, на котором оно начинает осознавать себя как «я». Поэтому природа находит завершение в человеке и его судьбе.

Специфике историко-литературного анализа и философского осмысления романа «Жизнь и судьба» был посвящен доклад Т.А. Касаткиной (Институт мировой литературы Российской академии наук) «Неожиданное как категория поэтики и этики Василия Гроссмана».

М.А. Блюменкранц (главный редактор философско-культурологического альманаха «Вторая навигация») анализировал роман «Жизнь и судьба» в контексте философских взглядов О. Шпенглера, Э. Гуссерля, Н.А. Бердяева.

Конференция завершилась выступлением дочери Гроссмана – Е.В. Коротковой-Гроссман, рассказавшей о дружбе Гроссмана с А.П. Платоновым и непростых взаимоотношениях Гроссмана с Твардовским в конце 1950-х гг. От имени всех присутствовавших она выразила благодарность организаторам встречи.

Материалы конференции будут изданы весной 2010 г.

Abstracts

A. Gotovtseva

CONCERNING THE FINANCIAL HISTORY OF THE K.F. RYLEEV'S AND A.A. BESTUZHEV'S ALMANAC "THE NORTH STAR"

The author of the article puts forward question of the sources of financing of the 3d issue of the K.F. Ryleev's and A.A. Bestuzhev's almanac "Poliarnaya Zvezda" which is considered to become one of the first commercial editions in Russia.

Key words: K.F.Ryleev, A.A.Bestuzhev, history of journalism, Decembrists, literature of Decembrism, commercial journalism.

O. Gayduchenya

N.A. POLEVOY: FORMATION OF A JOURNALIST

The article analyses how literary image of Nikolay Polevoy, famous Russian journalist and historian of XIX century had been developing before first years of publishing his well-known journal "Moscow Telegraph". Having his reputation ruined in literary polemics and journal war of 1830-s, he however remained an incomparable master of critics and went down in history of Russian journalism and historical science. He arrived to Moscow at the age of 16 and started writing poems and articles at 21, but he still couldn't get rid of his Siberian extraction. Persistent and inquisitive, Polevoy was constantly engaged in a number of scientific and humanitarian communities, he showed great interest in science and contemporary education. This fact led him enter a closed circle of litterateurs of both Russian capitals as a noted liberal. Polevoy's first success ensured his first steps on literary and social scene.

Key words: journalist, history, human natural gifts, success, talent.

M. Odesskaya

S.N. BULGAKOV AS A LITERARY CRITIC. AN ARTICLE ON CHEKHOV AND POLEMIC ABOUT IDEALS

The article analyzes literary and critical works of Sergy Bulgakov and has shown by the example of his work "Chekhov as a Thinker" that he took a position close to Lev Tolstoi and narodnik criticism in the

discussion about ideals being held at the end of XIX century. It is Bulgakov's opinion that a solution of ethical issues is the very essence of the Russian literature. The paper about Chekhov displayed quite obviously the contradictions of the position of Bulgakov who, on the one hand, didn't mean to measure the writer "by the bushel of the existing directions" and tried to reveal a particularity of his philosophic thinking while, on the other hand, failed to diverge from a range of customary canons and appraisals.

Key words: ideals, ethical positive, philosophy, good, religiosity, emptiness.

E. Yavorskaya

"CHILD HOOD AND ADOLESCENCE" MAGAZINE
AND ITS AUTHORS S. GEHT AND M. POLYANOVSKY

There are presented in the article a history of creation and a survey of development of a magazine for children "Childhood and Adolescence" published in Odessa in 1912–1913. The author of the article views the changes in the character of publications and on the basis of sections "Our readers' page" and "Post Box" analyses the way the editorial staff worked with the young authors. Looking through the poems published in the magazine one may specify the literary biographies of the writers S.G. Geht and M.L. Polyanovsky and make changes in the dates of the first publications which happened much earlier than it was registered in the reference books.

Key words: magazine "Childhood and Adolescence", poem, charade, answer of the editorial staff, first publication.

M. Odessky, R. Spivak

THE RUSSIAN NEWSPAPERS AND ALEXANDER BLOK'S
POEM "THE UNKNOWN LADY": AN INTERPRETATION
OF GAPON'S MURDER

The article analyzes Alexander Blok's poem "The Unknown Lady" ("Neznakomka") and demonstrates its connection with the Russian newspapers of the beginning of the XXth century. In 1906 the main theme of the newspapers became the murder of Georgy Gapon who became widely known in Russia after the notorious "Bloody Sunday" (January 1905). The article proves that there exists the "Gapon-newspaper" background in the Blok's poem.

Key words: Alexander Blok, Georgy Gapon, newspaper, poetry, political murder, symbolism.

Yu. Bit-Yunan

RECEPTION OF V.S. GROSSMAN'S WORKS
IN SOVIET JOURNALISM OF THE 30s

The author analyzes the reviews of the works of Vasiliy Grossman (Soviet writer and journalist), published in Soviet periodicals of 30s. Comparing them to the materials of the so-called "slating campaigns", started on pages of the Soviet newspapers and magazines, the researcher proves that Grossman's critical attitude to the ideological guideline was immediately noticed by critics. Therefore journalists, who appreciated Grossman's talent highly used to avoid a close scrutiny of some of his short stories, printed in the Soviet press.

Key words: Grossman, Soviet journalism, critics, the history of the Soviet journalism, the history of the Soviet literature, reception, "slating campaigns", literary reputation, the Jewish problem in the Soviet literature.

E. Basovskaya

"SHKVOREN" AGAINST "PUBLICITY" (DISCUSSION
ON THE "PURITY OF LANGUAGE" IN "LITERATURNAYA
GAZETA" IN THE FIRST HALF OF THE 1970s)

In this article the author examines the way questions of language are discussed in "Literaturnaya newspaper" in the first half of the 70s. The author shows the lack of clearly definable meaning in the concept of "linguistic purity" and the possibility that the vagueness of this concept was exploited in order to get politically controversial ideas past the Soviet censorship. The author examines both the ideas of Russian nationalists – believers in Russia's "special path" – and the ideas of the liberal, Western-influenced intelligentsia. The author concludes that this concept, bereft of clear meaning but endowed with positive connotations and a long history of public discussion, naturally becomes an effective medium of ideological influence, frequently exploited in publicistic discourse.

Key words: concept, linguistic purity, propaganda, loanwords, dialecticisms, popular language, stock phrase.

S. Pavlova

ANTISOVIET SOVIETISM (LEXEME "SAMIZDAT"
IN MODERN PRESS)

The article analyzes the use of the term "samizdat" in Russian social and political periodicals of 1990–2000s. The author demonstrates, that as a rule this word is used to describe the peculiarities of the Soviet life,

so one may call it sovietism (lexics and phraseology that appeared in the Soviet time and defined the unique phenomena of social and political life in the USSR) or archaism. At the same time the lexeme “samizdat” is often used in a figurative meaning or as an element of a word play, for instance, in the headlines. Such cases of usage of this word show that the sovietism “samizdat” is gradually losing the linguistic connection with the system of the so-called “Soviet newspeak”.

Key words: social and political journalism, the history of the Russian journalism, newspeak, sovietism, the resistance of language, demythologization, samizdat.

E. Brodskaya

VLADIMIR VISOTSKY IN JOURNALISM OF 2003–2008

Metamorphoses the post-soviet press Vysotsky’s texts perception show the following: the main body of his texts as well as literary self-image remains open for all kinds of manipulations, the latter ones being featured mostly by current social demands, not by the real underlying kernel of textual or biographical origin. An empty “heroless” space needs to be filled by someone. Vysotsky’s name becomes a plaything that may provide support the different social strata and their ideological positions. This is why Vysotsky’s image is so actively exploited by the representatives of different social strata.

Key words: metamorphoses, social strata, image, myth, manipulation.

E. Leontyeva

“PUNCH” MAGAZINE ON THE LIFE OF ENGLISH SOCIETY IN THE YEARS OF THE CRIMEAN WAR

The article considers the social problems of English society in light of the Crimean War (1853–1854) as they have been viewed in the satirical magazine “Punch”. The author of the article analyses the caricatures reflecting such problems as the financing of the British Army, electoral system, social stratification, agricultural distress and provisions adulteration, and makes a suggestion on the way those caricatures affected English society.

Key words: caricature, satire, “Punch” magazine, social problems, government, English society.

T. Buzina

FYODOR DOSTOEVSKY'S "THE HOUSE OF THE DEAD" –
THE RUSSIAN NATION AS NON-GODBEARER

The article analyzes the chapter "Akulka's Husband. A Story" from F.M. Dostoevsky's «*Notes from the House of the Dead*» and demonstrates that the writer's typical Slavophile notion of the God-bearing Russian people contradicts his own prison experience with the peasant convicts. He discovered their archaic, anti-personalistic and collective world-view which allows for no personal freedom and responsibility. The principal determining force in the world of the Russian peasantry is material property which is viewed as tangible embodiment of the familial luck that holds sway over every individual person.

Key words: luck, lot, freedom, will, responsibility, collectivism, personalism.

E. Berezina

LEGAL JOURNALISM IN THE SYSTEM
OF MODERN MASS-MEDIA

The article examines the circumstance of Russian law journalism. The issue shows that the idea of law journalism has not yet determined in Russia, despite a variety of materials which has been written about this subject. There are many ways to classify the subject of law journalism. But the most of them are very different and unlike from each other. Actually we can't say that we know the all aspects of law journalism. Furthermore, this trend in journalism meets many problems. For example, the incompetence of the authors, the lack of legal base and non-transparency of government and authorities.

Key words: journalism, society, law, newspapers, crime, press, problems.

K. Aleksanyan

"INFORMATION WARS" IN MODERN ARMENIAN PRESS

In the article today's state of Armenian printed media is analyzed. A number of publications both in pro-governmental ("Respublika Armenia", "Golos of Armenia") and independent ("Aravot") periodicals shows that the newspaper of today responds not to the interests of society, but to that of separate power-holding structures and those sub-

jected to the former, waging “ideological internecine wars”. All possible methods are used to depict an illusory picture of political process and to create “necessary” impression of a candidate or a party. This phenomenon gives birth to “informational war” in media sphere. As for the interpretation of event, it should be noted that the Armenian printed periodicals usually practice the so-called “selection of information”: high-lightening insignificant episodes they hold back those actually important.

Key words: modern Armenia, press, manipulation, “information war”, the newspaper “Aravot”, the newspaper “Golos of Armenia”, the “Respublika Armenia”.

V. Grudinskaya

MODERN MASS-MEDIA FOR CHILDREN AND YOUTH.
TENDENCIES OF DEVELOPMENT
AND TYPOLOGICAL FEATURES

Recent years absolutely new standard and grade of information situation took shape and made children's journalism realize its perspectives, strong and weak aspects, identify its specific character. In view of changed society needs mass-media underwent a great change as well, both in conceptual model and in design. The progressing computerization of Russian people and appearance of Internet have stimulated the heavy growth of numerous mass-media disposed in Russian segment of World Wide Web. Just the phenomenon of children's Internet periodicals is the object of analysis in this article. Analyzing online-periodicals for children one can easily observe the main trends of modern mass-media in general. The article contains author's typology of Internet-magazines for children and describes specific characters of each type.

Key words: mass-media, Internet, trends, children, typology, specificity

S. Ehrlikh

IRKUTSK MUSEUM OF DECEMBRISTS
IN MODERN PERIODICAL EDITIONS

The article studies experience of the late E.A. Yachmeniov', who turned a provincial museum into one of the most famous in Russia. The author reveals the role of the personality capable of turning a Museum of Decembrists into a cultural and social center of Irkutsk, regardless of the general atmosphere of ‘spiritual depression’. He also analyses a

cultural brand promotion technology and the important role played by press in development of positive image of Irkutsk Museum of Decembrists at the regional and national level.

Key words: Irkutsk Museum of Decembrists, E.A. Yachmeniov, cultural brand, PR, press.

A. Gotovtseva, O. Kiyanskaya

K.F. RYLEEV IN THE “NEVSKY ZRITEL” MAGAZINE

The author of the article analyses “Nevsky Zritel” magazine taking in consideration K.F. Ryleev’s writing for it. Special attention is devoted to the Ryleev’s satire “K vremeshiku” published in the magazine, and to the political context of its publication.

Key words: K.F. Ryleev, history of journalism, Decembrists, literature of Decembrism.

S. Erofeev

TELEVISION AND MEDIA-ENVIRONMENT

The article shows evolution of television journalism in the past twenty years. The analyses is based on extensive experience of author in the international television. The author concludes that traditional journalism which may be called “linear” (i. e. one item follows by next etc.) is currently yielded to pressure by non-linear journalism which uses advantages of cyberspace, and the Internet in particular. In summary, non-linear journalism gives television an opportunity to become global, more friendly to viewers. For journalists it means that they now have no limitations in time, space and volume. It’s also important that it makes an opportunity for television managers to be able to monitor audience in real time.

Key words: television, journalism, non-linear, Internet.

Сведения об авторах

- Алексамян Крестине Мгеровна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (909) 680–6612. E-mail: krist-a@list.ru.
- Басовская Евгения Наумовна* – канд. филол. наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (916) 194–1796. E-mail: jeni_ba@mail.ru.
- Березина Елена Анатольевна* – соискатель на степень кандидата филологических наук, заместитель редактора отдела спецпроектов газеты «Известия». Моб. тел.: +7 (903) 122–2446. E-mail: BerezinaE@izvestia.ru.
- Бит-Юнан Юрий Геваргисович* – аспирант и преподаватель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (916) 739–7615. E-mail: bityunan@gmail.com.
- Бродская Евгения Владимовна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. Тел.: +7 (985) 252–1135. E-mail: 4erda4ok@gmail.com.
- Бузина Татьяна Вячеславовна* – канд. филол. наук, Ph.D., завкафедрой европейских языков Института лингвистики РГГУ. Моб. тел.: +7 (495) 726–3843. E-mail: tbuzina@yandex.ru.
- Гайдученя Ольга Леонидовна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (916) 889–6976. E-mail: gay-ka1401@mail.ru, gayuduchenya@yandex.ru.
- Готовцева Анастасия Геннадьевна* – канд. филол. наук, доцент кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (916) 720–0859. E-mail: brunhilda@yandex.ru.
- Грудинская Виктория Владимировна* – магистрант Высшей Школы (Факультета) Телевидения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель пресс-службы Общероссийской общественной организации «Поколение Ай Пи». Моб. тел.: +7 (915) 218–1809. E-mail: grudinskaya@inbox.ru.
- Ерофеев Сергей Владимирович* – руководитель Отделения интернет-журналистики Института массмедиа РГГУ, исполнительный директор Международной академии телевидения и радио. Моб. тел.: +7 (910) 002–0211. E-mail: erofeev@interatr.org.
- Зайцева Алла Сергеевна* – преподаватель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Тел.: (499) 973–40–69. E-mail: allazay@yandex.ru.

- Киянская Оксана Ивановна* – д-р ист. наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (910) 475–9804. E-mail: kianoks@inbox.ru.
- Леонтьева Елизавета Владимировна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (915) 345–4227. E-mail: wistlee@gmail.com.
- Одесская Маргарита Моисеевна* – канд. филол. наук, доцент Центра по обучению русскому языку иностранных учащихся РГГУ. Моб. Тел.: +7 (905) 598–8775. E-mail: odes@inbox.ru.
- Одесский Михаил Павлович* – д-р филол. наук, профессор, завкафедрой литературной критики Института массмедиа РГГУ. Моб. тел.: +7 (915) 367–9469. E-mail: modessky@mail.ru.
- Спивак Рита Соломоновна* – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Пермского государственного университета. Тел.: +7 (342) 212–1903. E-mail: rita-spivak@psu.ru.
- Эрлих Сергей Ефимович* – канд. ист. наук, директор издательства «Нестор-История». Моб. тел.: +7 (901) 300–9357. E-mail: ehrlich@mail.ru.
- Яворская Елена Леонидовна* – замдиректора по научной работе Одесского литературного музея. Моб. тел.: + 3 8050 550 3316. E-mail: yavors@i.ua.

General data about the authors

- Aleksanyan Kristine Mgerovna* – postgraduate student, department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (909) 680–6612. E-mail: krista@list.ru.
- Basovskaya Evgeniya Naumovna* – Candidate of Philology, professor, department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (916)194–1796. E-mail: jeni_ba@mail.ru.
- Berezina Elena Anatolievna* – applicant for Candidate degree, assistant editor, Special project department, newspaper “IZVESTIA”. Mobile phone: +7 (903) 122–2446. E-mail: BerezinaE@izvestia.ru.
- Bit-Yunan Yuriy Gevargisovich* – postgraduate student and lecturer, department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile number: +7 (916) 739–7615. E-mail: bityunan@gmail.com.
- Brodskaya Eugenia Vadimovna* – postgraduate student, department of literary criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (985) 252–1135. E-mail: 4erda4ok@gmail.com.
- Buzina Tatyana Vyacheslavovna* – Ph.D., chair, European languages department, Linguistics Institute, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (495) 726–3843. E-mail: tbuzina@yandex.ru.
- Ehrlich Sergei Efroimovich* – Candidate of History, director of “Nestor-Historia” Publishing House. Mobile phone: +7 (901) 300–9357. E-mail: ehrlich@mail.ru.
- Erofeev Sergey Vladimirovich* – head, Internet journalism department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (910) 002–0211. E-mail: erofeev@interatr.org.
- Gayduchenya Olga Leonidovna* – postgraduate student of the department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (916) 889–6976. E-mail: gayka1401@mail.ru, gayuduchenya@yandex.ru.
- Gotovtseva Anastasiya Gennad'evna* – Candidate of Philology, associate professor of the department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (916) 720–0859. E-mail: brunhilda@yandex.ru.

- Grudinskaya Victoria Vladimirovna* – Undergraduate of The Higher Television School (MA Course) Moscow State University (MSU). Press Service Head of “IP Generation” (All-Russian Social Organization). Mobile phone: + 7 (915) 218–1809. E-mail: grudinskaya@inbox.ru.
- Kiyanskaya Oksana Ivanovna* – D. Sci, historian, Professor of the department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (910) 475–9804. E-mail: kianoks@inbox.ru.
- Leontyeva Elizaveta Vladimirovna* – postgraduate student of the department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: + 7 (915) 345–4227. E-mail: wistle@gmail.com.
- Odesskaya Margarita Moiseevna* – PhD, Associate Professor, Center for studying Russian as a second language, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (905) 598–8775. E-mail: odes@inbox.ru.
- Odessky Mikhail Pavlovich* – chair, Professor of the department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Mobile phone: +7 (915) 367–9469. E-mail: modessky@mail.ru.
- Spivak Rita Solomonovna* – Doctor of Philology, Professor, the department of Russian Literature, Perm State University. Tel: +7 (342) 212 19 03. E-mail: rita-spivak@psu.ru.
- Yavorskaya Elena Leonidovna* – deputy Director of Science of the Odessa literary museum (OLM). Telephone number: +3 8050 550 33 16. E-mail: yavors@i.ua.
- Zaytseva Alla Sergeevna* – lecturer of the department of Literature criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities (RSUH). Tel.: (499) 973–4069. E-mail: alla-zay@yandex.ru.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*
Корректор *Л.П. Буцева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 11.05.2010.
Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 66.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru